

ДВВАИУ ЕСТЬ!

Сборник рассказов выпускников военного училища разных лет о годах курсантской жизни и офицерской службы

*Дедолко Борис
Лукьяненко Андрей
Ивкин Эдуард
Борисов Сергей
Попов Александр
Ерошевский Андрей
Заплавский Евгений
Гуляев Дмитрий
Кузубов Александр
Федоричев Сергей
Фомин Павел
Казьмин Петр
Макшанов Вадим
Мордвинцев Михаил
Беликов Алексей*

УДК
ББК
Б

Спонсор проекта
Борис Дедолко, выпускник ДВВАИУ 1980 года

Издание этой книги является выражением моей искренней любви к родному училищу. Я давно хотел сказать слова признательности своим командирам, преподавателям и друзьям-однокашникам, но не знал, как это сделать. Думаю, что эта книга поможет мне в этом.

Борис Дедолко

Редактор-составитель
Алексей Беликов, выпускник ДВВАИУ 1982 года

Б ДВВАИУ ЕСТЬ!. – Дніпропетровськ, 2008. – 230 с. (рос. мовою)

ISBN 978-966-8490-41-5

Збірник оповідає випускників військового училища різних років про роки курсантського життя та офіцерської служби

ББК

ISBN: 978-966-8490-41-5 © Б.Дедолко, А. Беліков, 2008

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой читатель, перед тобой сборник рассказов, очерков, миниатюр и «дней минувших анекдоты», написанные не профессиональными авторами, а людьми, весьма далекими от литературной деятельности. Это попытка выпускников военного вуза советской поры прикоснуться к своей юности. Желание припасть к незамутненному источнику чистой и верной дружбы, крепкого курсантского братства, веселой и беззаботной поры учебы и одновременно нелегких армейских будней. Стремление возродить в себе юношеский задор и искренность, еще раз вспомнить то время, когда проходило становление и возмужание характеров будущих офицеров.

Многое через годы видится иначе. Бывшие забияки-курсанты, ставшие почтенными мужами, давно уже совсем по-другому относятся к своим командирам-воспитателям и преподавателям и вспоминают о большинстве из них с теплотой и благодарностью. И, конечно же, с доброй улыбкой. Мягкий юмор, легкая ирония, остроумные и пикантные эпизоды, веселые и забавные ситуации, которыми так изобилывал курсантский быт, – все это красной нитью проходит через сборник.

И еще одно объединяет всех наших авторов: светлое и доброе чувство ностальгии по ушедшим годам. И чувство благодарности судьбе, что эти годы были в их жизни. Так же, как и годы последующей офицерской службы в авиации. Специфика авиационной тематики неизбежно нашла свое отражение в воспоминаниях выпускников авиационного инженерного училища.

Давно уже нет нашего училища. Но стоит старая Крепость, где располагалось училище и где каждый камень дышит двухсотлетней историей. Динабургская крепость, уникальный образец военно-фортификационной архитектуры позапрошлого века, в свое время считалась одной из самых неприступных, отличалась глубиной замысла и оригинальностью инженерных решений. И сохранилась практически в первозданном виде до наших дней. Кто еще может похвастаться такой альма-матер и тем, что провел годы учебы в столь необычном и запоминающемся на всю жизнь месте?

Нет нашего училища, со времени основания которого прошло уже шестьдесят лет. Но остались его верные сыны. Из стен ДВАРТУ-ДАТУ-ДВВАИУ за годы существования вышли почти три с половиной десятка тысяч защитников неба Отчизны. Увы, многих уже нет с нами... Но ушедшие остались в сердцах своих товарищей. Так же, как в их сердцах навсегда остались воспоминания о курсантской юности и родном училище. Бывшие однокашники и соратники продолжают активное общение во время встреч и сборов, а также в повседневном контакте на www.dvvaiu.net – сайте выпускников училища. Благодаря их воспоминаниям и родилась эта книга.

И поэтому можно смело сказать: Даугавпилское Высшее Военное Авиационное Инженерное училище живет, пока живут воспоминания о нем!

Слава ДВВАИУ! Слава его выпускникам!

Редактор-составитель

Дедолко Борис. Ник на сайте - ДедЪ.

Родился в середине прошлого века в чистый четверг. Учился в школе, ДВВАИУ, Академии ПВО, но в основном на своих и чужих ошибках. После окончания успешной службы в армии достиг успехов и в бизнесе. Основные черты характера: общительность, доброжелательность, а главное – неиссякаемое чувство юмора. Душа любой компании, так как играет на арфе, органе и клавишине. Это о нем говорят, что таких любят домашние животные, дети и пожилые домохозяйки. Живет где нравится – от Прибалтики до Крыма, но всегда только с семьей, которую считает своим главным богатством в жизни.

КАК Я СДАВАЛ СПИННОЙ МОЗГ

Было это в далеком теперь 1977 году, перед зимним отпуском. Родители прислали мне пятьдесят рублей на авиаперелет, отец служил в Грузии, и мне не хотелось терять ни одного драгоценного дня отпуска томительной ездой на поезде. Получил я эти деньги на почте и пошел на самоподготовку. В аудитории, сам не знаю почему, достал и пересчитал деньги. Это не осталось незамеченным в нашем микроколлективе. Согласитесь, что в курсантской среде ничего ни от кого не утаишь, а также все друг про друга все знают (ну или почти все). Вот и мои одноклассники, зная, что у Деда больше рубля не бывает, насторожились.

Доход мой тогда складывался из курсантской получки (15 руб. 70 коп.) и родительских десяти рублей (они пытались держать меня в строгости). Но когда эти деньги появлялись, то сразу появлялись «Зухра, Лейла, Гюльчатай» и другие всякие излишества. Наш курсовой офицер Киричук по этому поводу сказал так: «Я получаю двести с лишним рублей и ничего не могу себе позволить! А курсанты жрут коньяк и ездят на такси!!!» И это действительно было так. В то время, в том возрасте, за те деньги – все получалось! Правда, потом месяц стреляешь «бычки» докурить, но ведь только до получки.

В общем, я достал и пересчитал: целых пятьдесят рублей. Серега Хилько спросил: «Дед, откуда такие деньги?» И тут

«Остапа понесло» – я (до сих пор не знаю почему) ответил: «А я спинной мозг сдал!» Наступила легкая тишина, самоподготовкой больше никто не занимался. Я, став центром внимания, начал конкретно «лепить горбатого»: мол, один знакомый, близкий к Эмбавичусу (начальнику медслужбы училища) и Пронько (начальнику санчасти), сказал мне, что в госпитале нужен спинной мозг для операции. И что за это платят хорошие деньги. Вот я и сдал. Но, правда, этого мало и мозг нужен еще, а я уже не могу больше, потому что опасно. Аудитория разделилась на две половины. Первая завистливо вздыхала: «Е-мое, какая халява!», а вторая говорила, что это опасно и против природы нельзя переть. Правда, вторых было меньше. Сампо в отделении в тот день больше не было, а после перерыва и обсуждения в курилке его, наверное, не было во всей роте.

К вечеру я обкатал и отшлифовал тему, сдобрил ее медицинскими терминами типа «пункция», «десять кубиков», «обезболивающее» и другой лабудой. Это был мой день! Меня угощали сигаретами, а я отказывался от вульгарной «Примы» и угощался «Ригой», «Элитой» или, в крайнем случае, «Орбитой», но только гродненской. Я все рассказывал и рассказывал, облаглел до того, что стал задирать гимнастерку и показывать якобы следы от иглы. У нас с 12-й ротой был общий умывальник, вот там я и выступал после ужина. Наверное, сам Станиславский, послушав, сказал бы: «Верю!» В общем, две роты обсуждали эту тему до отбоя и немного после. На следующий день...

Тут я расскажу со слов Шуры Ирюпина из нашего 154-го отд. Он сидел на прием к стоматологу (в наше время кабинет дежурного фельдшера был в общем коридоре с зубным врачом), забегает курсант 11-й – и к дежурному: «Товарищ прапорщик, а где сдать спинной мозг?» Дежурный был прапорщик Акулов. Вот его ответ: «Пошел ты, любезный, знаешь куда! Ты уже ...надцатый! Кто вас, идиотов, так разыграл?!» (Правда, я очень подозреваю, что Шура тоже не к стоматологу ходил.)

Вечером меня пригласили «покурить» (курил я уже свои). Держались серьезно секунд тридцать, а потом в курилке стоял дружный курсантский хохот...

Ну очень любил я розыгрыши!

ПЕРВЫЙ КАРАУЛ

Помню свой первый караул, сразу после КМБ. Готовили нас (читай: нещадно гоняли) целую неделю, причем все, кому не лень, начиная от начфака и заканчивая командиром отделения (из солдат). Журбенко, наш тогдашний начкурса, на крайнем инструктаже настрацал окончательно: «Сынки! Не подведите! Если что, патронов не жалеть! Родина смотрит на вас! Вы защищаете своих родных и близких!» Короче, уходили в первый караул, как на войну...

Неприятности начались сразу. Караул мы принимали у третьего курса (выпускники среднего училища), и принимали как положено; они через полчаса уже доходчиво нам рассказывали, что они завтра с нами сделают, причем многократно и в извращенной форме. Далее. Мне достался пост ГСМ, самый дальний и не самый комфортный («на семи ветрах» назывался) На моем посту, в неопечатанном хранилище, был обнаружен абсолютно пьяный прапор, который при его эвакуации пообещал нам то же самое многократно и в той же форме, но уже с родными и близкими. В общем, обстановка крайне нервная и напряженная. Я, как в той шутке, готов был доложить караульной собаке о том, что услышал лай начальника караула.

Начкаром был Федорий Ярослав Дмитриевич, тогда наш курсовой офицер (потом он стал у нас начкурса). И он не заставил себя ждать – в первые же два часа пришел меня проверить. Стрельбу я (от усердия) не открыл только потому, что он почти от КПП стал меня нецензурно подбадривать, и я понял, что свой! Осмотревшись, он сразу выдал вводную: «Пожар на посту!» Я, в соответствии с табелем поста, с испугу «потушил» этот пожар. Оба удивились. Тогда он выдал другую вводную: «Нападение на пост!» И я опять, как положено, кубарем скатился с вышки и занял оборону в окопе рядом. Сижу, «отстреливаюсь», а в окоп этот караульные «по-большому» ходили, так что добра этого по щиколотку. Но я стойко переношу тяготы воинской службы. Он опять удивился такой четкости исполнения и моему прилежанию.

Потом я еще что-то делал, отвечал наизусть обязанности, в общем, приятно удивил Федория. И тогда он выдал фразу, которую я до сих пор сам использую, если хочу кого-то похвалить, но похвалить сдержанно. Он сказал: «Молодец, не ожидал! Молодец! Хорошо, очень хорошо! Но пока оценка «два».

ПРО СПОРТ

В училище я любил только спортивные игры – баскетбол и волейбол. Все остальное у меня плохо получалось, так как при росте 197 см мой вес был 76 кг. Ну вот и прикиньте, как я мог с такими параметрами выполнять нормативы? Я попытался объяснить это на кафедре физо, но они там все были мужественные, подтянутые, суровые и гордые (теперь это мне немного подозрительно) и глубоко презирующие человека, не сделавшего нужного количества подъемов переворотом и не уложившегося в норматив на полосе препятствий.

Конечно же, в первый отпуск из-за физо я уехал позже дня на четыре. За это время они отлюбили меня всей кафедрой, а потом пожалели и поставили зачет. Больше я на занятиях по физической подготовке не был ни разу. А это целых пять семестров. Как я это сделал? Если помните, для посещения стоматолога существовали талоны. Так вот, я раздобыл целую пачку этих талонов (отдельная история как), а поскольку преподаватели по физо в учебных отделениях были разные – остальное было делом техники. Я договорился с Шурой Ирюпиным из другого отделения, чтобы он ходил на мои занятия по физо, а на своих занятиях предъявлял стоматологические талоны. Время от времени, когда я был в нарядах, он появлялся на занятиях и у себя. Вот и вся комбинация.

За каждый семестр я ему проставлялся грандиозной «полянкой», и все были довольны. За все это время (два с половиной года) только один раз на мое физо пришел мой курсовой офицер. Все, кого это касалось, взволновались, но он, оказывается, был в курсе и пришел полюбоваться на мой очередной прикол. А главное, Шуру (который что-то там за меня делал) ещё и подбодрил: «Давай, Дедолко, молодец!»

Короче, непросто мне было все спланировать и отдиспетчировать. Потом пришел бизнес. Я был известный (в определенных кругах) фарцовщик, и мой физкультурный двойник поднял расценки. Последнее время я платил ему десять рублей, две палки сырокопченой минской колбасы плюс грандиозная пьянка, но уже каждый месяц.

По физо у меня в дипломе пять баллов (у нас еще был зачет с оценкой), но программу «Время» до сих пор выключаю, когда начинается спорт.

А ещё вспомнил один забавный случай со спортивным уклоном, который произошел, так сказать, на стыке взаимоотношений 1-го и 4-го факультетов. Один мой приятель «гулял» возле штаба с расстегнутым подворотничком и ремнем «на яйцах» (уж извините за натурализм). Офицер с 4-го факультета Левусь (тогда еще капитан) сделал ему замечание, на которое Коля «забил» и пошел дальше. Левусь повторил строже и приказал остановиться. Наш товарищ применил испытанный метод – дал на пяту. Наивный, он не знал, с кем имеет дело! Левусь оказался из спортсменов, да еще и со специализацией – бег на длинные дистанции. Бежали они от штаба, через Западный КПП, мимо автодрома, мимо дровскладов до 37-го СПТУ. Там, на берегу озера Шуни, Коля рухнул почти трупом. Левусь рухнул рядом. Лежат на травке рядом, хрипят, задыхаются. Солнышко светит, птички поют, пастораль, идиллия... Левусь спрашивает на вдохе: «Спортсмен, наверное?» Наш Коля на выдохе отвечает: «Какой там спортсмен, три года от зарядки сачкую!» Как-то несильно Колю тогда наказали, но с Левусем они с тех пор друг друга зауважали.

ХМУРОЕ УТРО

Помните, как тяжело было просыпаться по подъему сырой, поздней прибалтийской осенью, да и зимой тем более? У нашего командира взвода Романа Фёдоровича была такая «тонкая» шутка на протяжении пяти лет: прийти на подъем, подойти к залежавшемуся и объявить: «Станция Даугавпилс! Подъем!» А если объект сразу не вскакивал, то он начинал хлестать его хворостиной, предусмотрительно заготовленной по дороге.

Мне до сих пор нравится немного поваляться после сна, ну а уж в юности... Поэтому «Рома» в моем лице нашел то, что ему было нужно. Он приходил на подъем и сразу шел ко мне – удовлетворить свое «садо». Я его патологию недолго терпел, встал как-то до подъема, уложил шинель под одеяло и стал ждать, спрятавшись за шкаф. Подъем. Приходит взводник и бегом к моей кровати. Традиционная шутка по поводу станции. Объект не реагирует. Он начинает сеанс порки. Объект не реагирует. «Рома» хлещет со всей дури, а я из-за шкафа ему советую: «Так его, так!» Он, увидев меня, бежал за мной до места по-

строения... Никто ни на кого не обижался, это ж как «казаки-разбойники».

Вспомнил ещё случай на подъеме. Осень. Холодно. Народ молча одевается на зарядку, доносятся команды дежурного, взводник бегает, поторапливает – короче, ежедневная, привычная процедура. И вдруг один наш товарищ начинает дико орать и извиваться. Остатки сна улетучились мгновенно, народ отбежал подальше от этого танцующего Шивы и смотрит. А Шива продолжает визжать и дергаться. Незадолго до этого в 13-й роте «поехала крыша» у одного курсанта, натурально. Ну, думаем, началось и у нас.

А дело было в следующем: товарищ, одеваясь, залез в тумбочку за сухарем, и в этот момент в рукав его нательной рубахи запрыгнула мышь.

Потанцевал он знатно, Майкл Флетли отдыхает.

Случись подобное в каком-нибудь Смольном институте благородных девиц, без массового обморока бы не обошлось. А так – ничего, один потанцевал, остальные – посмеялись.

ПРО ДЕВУШЕК

Если кто не знает, учились мы в училище, где изучали самолеты. Но и про девушек, согласно всем известной песенке, не забывали.

Я в училище очень быстро определился: нельзя ходить в гости в общагу пединститута. Потому что не кормят, а замуж хотят! Если ты с «вышки» (высшего училища), то они снисходили и позволяли играть с ними в «города». Еще – категорически! – нельзя было заводить отношения с дочками преподавателей-офицеров. Эти кормили на убой, но и замуж с помощью пап выходили на раз-два. Прецеденты были. Девушек нужно было заводить где-нибудь на Форштадте или на Химии. В общем, как можно подальше от Крепости. Вот об этом сегодняшняя история.

Как-то на втором курсе, зимой, случился у меня роман с выпускницей торгового училища, комсомолкой и красавицей. А так как я был целый комсгруппорг, она мне поверила и в одну из наших встреч шепнула: «Мама сегодня уезжает, приходи!» Я человек честный и обязательный. После отбоя дождался ухода

дежурного офицера, уложил под свое одеяло «куклу» – скатанную шинель и на крыльях любви полетел на «Химию». Правда, чтоб не попасться кому-нибудь из офицеров, крылья эти понесли меня через замерзшее озеро Шуня. Не буду долго занимать ваше внимание, но я дошел, хотя снегу было по колено. Времени у нас было мало, поэтому в «города» мы не играли...

Однако мой хронометраж меня немного подвел. Ведь к ней я бежал совершенно с другими желаниями и здоровьем, а в роту меня тянуло гораздо слабее. Но человек я, повторяюсь, обязательный (папа так воспитал) и в роту тоже дошел. Поднимаюсь по нашей лестнице, а дневальный ведет себя неадекватно, делает страшные глаза и показывает на ружпарк (оружейная комната у нас находилась аккуратно рядом с дневальным). Я вижу, что дверь открыта, и слышу оттуда голос начкурса (он пришел на подъем и зашел с дежурным что-то проверить в ружейке), но подъема еще не было. Я быстро-быстро соображаю. После снимаю с себя все, кроме трусов (не ходил я к девушкам в нательном белье – ну не эротично это!), бросаю на подоконник в умывальнике (этажом ниже) и, позевывая, в сапогах и трусах, иду мимо командира. Он мне с ходу: «Быстро в кровать, подъема еще не было!» Я в кровать, уснул моментально... Подъем был через десять минут, а потом три км утренней зарядки, три пары лекций и т.д. по расписанию. Самое интересное, что и в этот день я опять пошел по тому же маршруту и такому же сценарию.

Эх, где мои 17 лет?!

ПРО ЛЮБОВЬ

Позволю себе, с вашего разрешения, рассказать ещё одну историю про любовь, которую часто вспоминаю.

Случился у меня на третьем курсе роман, таки со студенткой пединститута. Встречались, ходили в кинотеатр «Октобрис», гуляли... Короче, у нее ко мне были самые серьезные намерения, потому что даже поцеловаться она предложила только на свадьбе. Я, конечно, всегда высоко ценил женскую целомудренность, но не настолько же!

И вот однажды лед немного тронулся, и на мои настойчивые предложения она согласилась погулять по берегу Двины до утра. Это же так романтично! Я со своим замкомвзвода по

прозвищу Шеф пошел в самоход после отбоя, так как наши девушки учились вместе и дружили. И хотя девушка Шефа была местная, мы договорились, что зайдем за моей в общагу на Гоголя, а потом уже отправимся на квартиру к его девушке. Сунулись в общежитие, а там рейд «полиции нравов» из деканата. Мы – к окну, думаем, свистнем ей, что ждем, и чтоб она после шмона выходила. Ее окно было на втором этаже, выходило на улицу Гоголя, как раз напротив скверика КГБ.

Только подошли, бросили камушек, как на соседнем балконе открывается дверь, выскакивает парень и начинает спускаться по водосточной трубе. И вдруг труба отрывается, он на наших глазах – хрясь спиной об асфальт и лежит. Мое лицо в этот момент наверняка заинтересовало бы голливудского режиссера фильмов ужасов Альфреда Хичкока. Подбегаем с Шефом к нему, а он без сознания, и кровь изо рта. Самое интересное, что девушка, от которой он «вышел», стоит на балконе и громко шепчет: «Оттащите его, ребята, подальше куда-нибудь!»

Мы, в «автомате» от увиденного, отволокли его на травку к бюсту Ильича и давай дергать за руки и за ноги, думая, что так и делается искусственное дыхание. Картинка та еще! А у него, бедолаги, следующий видок – пиджак на голое тело, из внутреннего кармана торчит наспех засунутая рубашка, носки выглядывают из кармана брючного. В общем, «костюм короля в изгнании». И что вы думаете: вдруг этот герой-любовник вскакивает и бросается бежать, даже не поблагодарив. Шеф только успел спросить, куда он? На что тот ответил: «В Зарасай!» (соседний город, уже в Литве).

В общем, любовное свидание сразу как-то не задалось.

Потом вышла моя девушка, я немного воспрянул духом, и мы пошли на квартиру подруги. Время позднее, Шеф со своей девушкой времени не теряли и почти сразу уединились в соседней комнате (у них были явно не такие высокие отношения, как у нас). Не буду долго рассказывать про развитие наших отношений, но на мои робкие просьбы она отвечала примерно так: «Убери немедленно руки, я сейчас милицию вызову! Я кому сказала – прекрати!» и т.д. и т.п. И так битых часа два. А время – лето, жара, окна и балкон открыты, и вся эта платоническая любовь происходит на третьем этаже пятиэтажного дома.

Еще через полчаса на балкон четвертого этажа вышел мужик, перегнулся через перила и жалобно попросил: «Да дай ты ему! Сколько можно! Что от тебя, убудет? Весь дом же не спит!»

Надо ли говорить, что больше мы с этой девушкой не встречались.

ПРО САМОХОДЫ

К четвертому курсу мы стали эстетами и перестали ходить просто в вульгарные самоходы, дабы выпить искрометных напитков и забыться. У нас организовались своеобразные клубы по интересам. Мы ходили за грибами, рыбачили, много читали, занимались каратэ. А наш новый начкурса, Житков Борис Александрович, однажды, совершенно обалдевший, вернулся домой и выдал супруге: «Жена! Они у меня еще и вяжут!!!» Он застал дежурного по роте (Сашу Беляева из 152-го отделения), вяжущего свитер жене на спицах, с клубками шерсти в дипломате. Ну да не об этом, или об этом в следующий раз.

Пошли мы как-то в самоход за грибами. Походили, набрали так неплохо и уже повернули обратно в роту, как напоролись на совершенно «отдохнувших» грибников-преподавателей с кафедры марксизма-ленинизма. Гришин, опознав меня, предложил сдать грибы им (они, активно «отдыхая», ничего не собрали) в обмен на молчание. Мы рассудили так: ничего предосудительного не делаем (в отличие от них), поэтому не сдаемся! Правда, и они нас не сдали, ленинцы. Умели хранить секреты.

А Шуру Беляева я лет пять назад совершенно случайно встретил в Звездном городке. Я приехал туда понырять с аквалангом в их знаменитый бассейн с затопленной космической станцией (МКС), а навстречу Саша Беляев. Оказалось, что возглавлял он центрифугу, на которой отсеяли много космонавтов. И здесь ДВВАИУ!

СВИНОВОД

Большого уникама, чем наш Вася К., я уверен, не было за всю историю училища. Он поступил из солдат, поначалу не дружил даже с таблицей умножения, но потом как-то подтянулся до уровня средней школы. Правда, по-русски так и не научился

нормально говорить, так как был из самой гуцуло-украинско-молдавской глубинки, а это, оказывается, еще та гремучая смесь. Кстати, солдатом он служил в Краматорске. Когда я попал туда после выпуска, меня даже прапора спрашивали: неужели К. учился и закончил высшее военное училище?!!

Он там один раз спокойненько (после года службы!) прошел позади самолета во время газовки! Когда его откачали после удара об отбойник, «Васю» (именно так он себя называл по жизни) заявил: «А я думал, он на холостых оборотах работает!» Так вот, этот уникал, будучи курсантом нашей 11-й роты, умудрился вырастить свинью на семьсот кг живого веса!

В двух словах рассказываю как. После завтрака мы шли на развод и занятия, а «Васю» собирал со столов остатки завтрака и тащил своему хряку, которого разместил в частном домике, сразу за западным КПП. Таскал он туда и обед, и ужин, короче, жил своей полноценной крестьянской жизнью. Вырастил он свинку – и продал за семьсот рублей. Вот тогда я, «спекулянт и фарцовщик», пожалел, что такую тему пропустил!

Случилась у «Васю» история любви и измены... Была у него девушка из его деревни, провожала его в армию, обещала ждать, но не дождалась. «Васю», получив от нее письмо с последним «прости», натурально выл и бился головой о стены. Успокаивали всем отделением, но без толку. И когда это всем основательно поднадоело, командир отделения вспомнил про уставные отношения и попытался Васю строить. Про русский бунт слышали? Так вот, он в подметки не годится гуцульско-молдавскому! Васыль схватил с пожарного щита топор и погнался за несчастным. Тот кубарем скатился с третьего этажа, выскочил на улицу и побежал по стометровке нашего спортгородка. А «Васю», в нательном белье и босиком, бежал за ним по снегу и орал: «Убью, комондыр, все одно убью!!!» Все, кто это видел и слышал, замерли, ожидая самого страшного. Но Васька оказался жидковат и дело до конца не довел (шучу, конечно). Он бросил топор в убежавшего, не попал, лег на землю и опять забился в истерику.

А командир убежал очень далеко и на всякий случай пару суток не ночевал в роте.

НОВЫЙ ГОД

Запомнилась мне встреча Нового года на третьем курсе. Как раз в это время был апогей нашего ротного пофигея и борзоты. Вроде каждый год меняли нам начальника курса, но все без толку, мы продолжали выпивать, самоходить и безобразничать. Потом это как-то рассосалось естественным образом, потому что народ переключился на женитьбу и воспроизведение потомства. А женатик – не боец, тем более с ребенком.

Ну а пока приближался Новый год. Начальство стало жестко прессовать, отменив увольнения под предлогом карантина. А также увеличило число соревнований по гиревому спорту и подъему переворотом на душу населения.

Но наш брат тоже активизировался и стал, как белочка, делать заготовки. Только заготавливали мы водку и другие вкусные напитки. В общем, встреча Нового года была неизбежна, как крах капитализма (да и социализма тоже).

Но заготовить – это еще не все. Нужно надежно спрятать и сохранить. Это как потом в строевых полках со спиртом. До обеда думают, как стырить, а после обеда – как вывезти. В моем отделении кто-то придумал спрятать под досками пола, тем более что в кубрике на месте старой печки имелась «заплата», сооруженная из коротких дощечек. В других отделениях тоже подошли к решению вопроса творчески, особенно в четвертом. Они спрятали сумку с водкой в снег и протянули из окна незаметную проволоку, как примитивный датчик движения. Мы еще решили применить прием «на живца», для чего спрятали в кубрике пару бутылок вина. Одну бутылку портвейна спрятали за портретом Андропова, висевшим в нашем кубрике, а вторую – в матрас «счастливого» по жребью. (Ему мы обещали больше налить, если ее найдут. Правда, вторая бутылка была легким сухим вином, чтоб меньше дали.)

И вот настал день «Ч». Шмон наши офицеры провели по всем правилам жанра (наверное, съездили за Двину на консультацию в тюрьму). Сначала у каждого проверили вещи в каптерке, а потом, выгнав нас из спальных помещений, перевернули кубрики вверх дном. Живца нашего они благополучно заглотив и повелись. Бедолаге «камикадзе» с ходу было объявлено пять нарядов, а портвейн за портретом сочли за святотатство и

обещали после праздника вызвать разбираться особиста, все-таки Андропов из его епархии. Знали бы они о масштабах готовившейся операции – вызвали бы его немедленно, а с ним и «Рыбу», в придачу с комендантским взводом.

Разливать начали часов с десяти. К полдвенадцатого начкурса занервничал, тем более что он отпустил курсовых к семьям. Входную дверь он, правда, закрыл на ключ и даже, по-моему, хотел его проглотить, но передумал. Он носился по кубрикам, как лось, но – тщетно. Процесс пошел и стал выходить из-под контроля. Что он только не делал, но, как говорится, «хочешь, жни, а хочешь куй, все равно получишь...» Ну, в общем, то, что суждено, то и получишь.

Вот он и получил в час ночи, когда пришли с проверкой начфака и начпо. В роте вовсю наяривал наш ансамбль, кружились танцующие пары, правда, без девушек. Народ курил прямо в кубриках и пил почти в открытую. Проверяющие прифигели, тем более что к нам они пришли после 12-й роты – «анашковцев», а там – торт, лимонад, конкурсы и шарады, а также гвоздь программы – танец маленьких лебедей в сапогах.

А у нас начпо с ходу доверительно сунули в руки кружку с водкой, правда, начфака поберегли, не предложили, зная про его язву. Что тут началось! Кричали так, что в жилой зоне подумали о начале ядерной войны.

Часа через два они с помощью дежпофаку и вызванных курсовых уложили все же нас спать. «Усталые, но довольные», стали расходиться. Начкурса открывает дверь, а навстречу наш товарищ в одних кальсонах, синий от холода. И голосом Деда Мороза произносит: «С Новым годом!» Ему, оказывается, стало сильно нехорошо, и он метнулся с кровати «бросить харч» в окно. Но не рассчитал и вывалился с третьего этажа! Хорошо, что 12-я рота добросовестно снег в сугробы убрала – отделался легким испугом. В кальсонах, наверное, родился!

После этого мы долго не выпивали – не хотелось как-то.

ЗАЩИТА

Был у нас в роте мой «однофамилец по кличке». Звали его тоже Дед, но из-за возраста. Поступил он из армии в 22 года, а выпустился, соответственно, в 27 лет. Он сразу для себя опре-

делился, что учеба – это не его, и поэтому всеми правдами и неправдами шел к заветной цели – получению диплома. Был он у нас каптерщиком–инструментальщиком (странная должность, придуманная им же самим, чтобы не связываться с бельем), на занятия почти не ходил, сидел у себя в подzemелье и непонятно чем занимался.

Когда ему приходилось сдавать что-нибудь, то проявлял чудеса смекалки. Например, зайдя в аудиторию на зачет, тут же доставал из портфеля инструмент и начинал ремонтировать якобы неисправный замок двери. Преподавательские сердца теплели при виде хозяйственного и домовитого «пожилого» курсанта, и он получал свой трояк. Один раз, красный от его дремучести, Берегов говорит: «Мало вас отец в детстве бил, товарищ курсант!» На что тот сразу, ни секунды не думая, ответил, заплакав: «Я сирота, товарищ подполковник!» Берегов ему поставил «хорошо». Ещё одна из расхожих фраз изворотливого ума: «Товарищ преподаватель, ну поставьте три балла – я в танке Неман переплывал!». Но чаще всего он просто подбирал ключи к преподавательским (инструментальским!) и вечером влезал пометить билет. Так пролетело пять лет.

И вот защита дипломного проекта. С утра перед аудиторией, где защищался Дед-2, полный аншлаг. Комиссия не может понять, в чем дело. Обычно приходит несколько человек, из тех, кому завтра защищаться, а тут сорок желающих, некоторые даже со своими стульями.

Я был в числе счастливичков, попавших на это представление. Вступление Дед зачитал со шпоры (это допускалось), но потом и весь остальной доклад он тоже прочитал с листа. Комиссия сразу въехала, с кем имеет дело, и вопросы задавала архищадающие, например: «Для чего предназначен компрессор?» Молчание. Наводящий вопрос – издевательство: «Для сжатия или для расширения?» Ответ: «Для расширения!» Задавший вопрос хватается за голову, председатель комиссии наливает себе водички из графина... И так порядка двадцати вопросов. Правильно Дед ответил на один, и то при выборе ответа «Да» или «Нет» он просто угадал. У председателя комиссии с чувством юмора все было в порядке. Увидев на чертежах технологические окна для фотографирования лопаток второй и третьей

ступени, он лукаво спросил: «Неужели каждую предварительную фотографируете и смотрите?» Ответ, естественно – «Да!» Председатель: «Даже для порнографии утомительно посмотреть триста снимков, а уж однообразные лопатки...»

Короче, после защиты Дед вышел и направился сразу в учебную часть узнавать, как защититься на следующий год. Все были очень удивлены, когда на объявлении результатов прозвучало: «удовлетворительно». Правда, после знаменитой «евстигнеевской» паузы.

КОМУ ВОЙНА, А КОМУ МАТЬ РОДНА

Помнится, были такие времена, когда раз в неделю мы весь день ходили с противогазами. И в течение дня по нескольку раз их надевали: то на лекциях, то в строю, при следовании в столовую. В моем отделении был один местный товарищ, который с детства приноровился нюхать продукцию химической промышленности Латвии. Это теперь мы знаем такое слово как токсикомания, а тогда этот порок был ещё безымянный.

Так вот этот наш товарищ нальет себе на подшивочную тряпочку для подворотничка своего зелья – и улетает. А стоила эта гадость копейки и называлась пятновыводитель. Было их еще две марки – Sorpals и Vici. Он предпочитал первый брэнд, говорил – забористей! Делал он это непрерывно, если подсаживался – практически каждые пять минут. Наверное, это как запой, из той же оперы.

Один раз этот его анабиоз совпал с днем противогаза. Когда преподаватель скомандовал на лекции: «Газы!», то наш зомби сунул свою тряпочку под противогаз и стал ждать «прихода». Минут через пять он упал на пол, и мы еле спасли его от «ухода»! Причину, естественно, мы никому не сдали, но с противогазами после этого нас меньше доставали. А товарищ наш от греха подальше перешел на более легкие субстанции – вино, водку и пиво.

Жив-здоров и поныне, уважаемый человек.

ПРО ДВОЙКИ

Хочу рассказать про двойки на экзаменах. Получал я их два раза, и оба раза отнюдь не за плохие знания, а в назида-

ние и чтоб другим неповадно было. Первую двойку мне поставил Тарасенко Василий Маркович (царство ему небесное, Учитель с большой буквы). Беру билет, вроде все знаю, спокойно готовлюсь, выхожу отвечать, а не тут-то было! Он быстренько и, главное, филигранно, делает из меня полного идиота по дисциплине «Динамика полета и боевое маневрирование», ставит двойку и, как заправский пикадор, добывает фразой: «Здороваться нужно, товарищ курсант, когда гуляете в городе одетый по гражданке в компании девушек!» И уже обращаясь ко всем присутствующим, говорит: «И девушки, я вам доложу – очень даже ничего!» (Подсластил, так сказать, пилюлю!) Экзамен я ему пересдал через пару дней на четыре и перестал после этого «стесняться» здороваться с офицерами, будучи в гражданской форме одежды.

Тактику ИА ПВО у нас вел полковник Сенчило – боевой мужик, всю свою службу до училища отлетавший в истребительной авиации. Как помнится мне, летал он на Як-25, довелось ему летать и через радиоактивное облако над самым эпицентром на Новой Земле. С шутками и прибаутками рассказывал, как летел, как потом проходил реабилитацию в санатории. Честь и хвала, почет и уважение таким людям. Благодаря таким людям и боялись нас супостаты. А нам он признался, что весьма и весьма неприятно было лететь в этом самом облаке...

И был у Сенчило маленький дефект дикции, он начинал немного заикаться, например, многократно повторял букву, с которой начиналось слово. Мы это заметили сразу же, на первом занятии, когда он представился и произнес свою фамилию. Или мог сказать, например, так: «Летел-летел, но н-не дотянул до полосы... Все, отъел х-х-х-харчишки!»

Лекции он читал интересно, а иногда и озорно. От него мы впервые услышали, что В-52 (Стратофортресс) в ПВО называют «кормилец», потому как гипотетически его могли перехватить все наши авиационные комплексы перехвата. А у В-52 были на вооружении управляемые реактивные снаряды «СРЭМ». Короче, с чьей-то легкой руки он получил прозвище «СРЭМ». Правда, он об этом не знал, пока я не просветил.

Стоим перед экзаменом по тактике в курилке, и я веселю, подбадриваю народ, через слово вворачивая «СРЭМ» в контекст

сте прозвища. И вдруг замечаю, что никто давно не смеется, и глаза у некоторых как блюдца. Оборачиваюсь и вижу Сенчило, который стоит за моей спиной и спокойно курит. Докурил и говорит: «Пошли, Дедолко-балаболка, мне сдавать будешь!» Получил я, конечно, в тот раз законные два балла. «Не болтай!» – хороший, всегда актуальный лозунг.

И еще один случай, когда чудом обошлось без двойки. Сдавал я как-то зачет с оценкой по НИАС. Преподаватель доброжелательный и улыбчивый, билет легкий, в общем – все класс! Кстати, препода за улыбчивость и восточную внешность, а также за любовь к неожиданным сокращениям во время лекций мы прозвали «ВЭ МИН ДОП» (именно так он называл минимально допустимую скорость). В общем, на билет я ответил уверенно, ему понравилось, и он с улыбкой спрашивает: «Молодец, товарищ курсант! На пять тянуть будете?» «Конечно!» – не задумываясь отвечаю я, ведь четверка, значит, была уже в кармане?! ВЭ МИН ДОП задает мне дополнительный вопрос. Я на нем «заплываю». Он (уже меньше улыбаясь) спрашивает: «На четыре будете тянуть?» – «Нет, ставьте три!» – ответил я, вовремя вспомнив, что от великого до смешного как раз один шаг. Получил свои три балла и очень переживал, что пожадничал. Восток – дело тонкое.

ПАТРУЛЬ

Был у нас на кафедре аэродинамики один хороший препода, лекции нормально читал, занятия вел классно, на экзаменах не унижал особо, в общем – свой человек! К четвертому курсу мы у него все закончили, но тем не менее продолжали уважительно и любезно эпизодически общаться. Где-то перед самым 8-м марта, на четвертом курсе, посылают меня с Геной Егоровым (царство ему небесное) и Жекой Ключковым в патруль. А начальником патруля – тот самый препода. Послонились мы немного, тут подошло время ужина. Он нас отпускает до определенного времени, и мы разбегаемся, мне совсем рядом было. Я пару месяцев как женился, и дома теща со всем уважением поднесла в преддверии женского праздника пятьдесят граммов для аппетита. Я не стал ее обижать и не отказался, потому как знал свой организм (один раз после бутылки водки пел гимн рядом с ротным и взводным на общеучилищной

вечерней поверке, будучи самым правофланговым в роте – и ничего), да и начальник патруля вроде свой.

После ужина сразу попали на вводную – найти и обезвредить дезертира. Поехали на квартиру, окружили, как смогли, а меня, самого здорового, начальник взял с собой ломиться в дверь. Ломились мы, ломились, и препод запашок от меня почуял. Он так, как бы невзначай, спросил, а я невзначай признался. Подежурили еще немного и разошлись. На следующий день опять побродили до обеда, потом наш начальник патруля договорился в комендатуре, и нас отпустили пораньше. Егора с Ключковым он отправил на четыре стороны, а мне говорит: «Веди в гости!» И я повел.

Теща с женой расстарались и накрыли стол на славу. А когда он увидел в баре несколько бутылок водки, то я понял по его лицу – это надолго. Не буду утомлять деталями, только один штрих. Когда моя водка закончилась, он достал из своего портфеля пару местных «чернил» Тайзелс («борода» в народе), и мы это тоже выпили.

В восемь вечера я должен был с женой идти в театр. Ну, вы уже поняли, что в театре я оказался тоже с ним. Так и сидели рядом, обнявшись – я в цивильном костюме с галстуком, и он – в сапогах, портупее и с пистолетом. Громче всех хлопали!

Слава богу, все обошлось. Но при встрече друг с другом мы говорили одно слово: «Да-а-а-а!!!»

ТОНКИЙ АРМЕЙСКИЙ ЮМОР

В далеком сегодня 1980 году, так сказать, в апогее славного застоя, поехали мы на заводскую практику и стажировку одновременно. Были мы первым набором «вышки», поэтому работали Белками, Стрелками, а некоторые и Лайками, обкатывая и апробируя для последующих поколений нужные схемы. Точно знаю, что войсковой стажировки после нас в феврале больше никогда не было. А мы поехали в январе на заводы, а потом переехали в части (не заезжая в училище). В связи с этим пришлось таскать с собой (а точнее, на себе), кучу всякого барахла, как то: комплект зимней теплой технички с валенками, сухпай, личные вещи, гражданку втихаря, тоже зимнюю... и т.д. и т.п. Представляете, какие это были баулы? А обратно еще и спирт тащили.

Меня порой обижают, когда я слышу пренебрежительное: солдатский юмор, армейский юмор. Мне, наоборот, кажется, что он сродни английскому, просто очень тонкий, и не все его понимают. Небольшой пример такого юмора.

Едем на заводскую практику в Гатчину, я незаметно засовываю товарищу в баул со всем его курсантским скарбом гантель килограммов на пять. Он ее благополучно довозит до места, там обнаруживает, кроет матом, психует и выбрасывает в «пропасть»! Я тихонько ее подбираю и снова засовываю при переезде на стажировку в Громово. Товарищ по приезду опять психует, опять кроет и опять выбрасывает гантель – так, чтобы я не видел. Но народ наш тоже уже включился в эту «шутку юмора» и, увидев это действие, гантель втихаря принес мне...

Выезжая из Громово, товарищ проверил все, вплоть до карманов. Но я применил военную хитрость и гантель ему подсунул только в Питере, при пересадке. Приезжаем в училище, и он опять обнаруживает гантель!

Ржал он на этот раз больше всех и признал, что шутка тонкая и сразу ее можно не понять.

КУРСАНТСКИЙ ОТПУСК

Хочу рассказать небольшую историю о том, как я с товарищем проводил курсантский отпуск после третьего курса. Давно это было, но помню как сейчас. Д-пилские ребята, которые учились с нами, были немного обделены отпускным счастьем. Ну что это за удовольствие – получить отпускной, сесть в трамвай (или как говорили местные, на транвай) и доехать до кожкомбината? А где интрига поездки в поезде, знакомство с новыми людьми, питье на брудершафт, убегание от вокзальных патрулей и т.д., и т.п.? А помните случай, когда на общеучилищном построении зачитывали приказ о суровом наказании курсанта, который, возвращаясь из отпуска, как было сказано, «двое суток держал под напряжением весь вагон!!!» А тут какой-то трамвай... Никакого романтизма.

Со мной в отделении учился Д-пилский малец (вот еще одно местное словечко, помните?) Леня Пономарев. Мы с ним приятельствовали и, что называется, делили тяготы и невзгоды службы. Смотрелись мы с ним вместе смешновато: я двухметровый, он – значительно ниже. Но это не мешало нам дру-

жить. После третьего курса я пригласил Леню в Друскининкай. Родители у меня в то время дослуживали в Небит-Даге, но приехали в отпуск к бабушке в Литву. У бабушки был свой большой дом, так что места хватало всем. В первый же вечер мы с Пономарем рванули в кабак. А до этого чутка выпили с моим батей. В кабаке познакомились с двумя очаровательными девушками, и пошел легкий кураж. Мы сорили деньгами, как мажоры, ни в чем не отказывая девушкам (очень надеялись на взаимность). Но как это всегда бывает, случай перепутал все наши планы.

Мы немного опьянели (отцовские сто грамм виноваты), и Леня подрался в холле ресторана. Был он чемпионом Латвии по боксу, поэтому сразу уложил пару человек и пытался еще найти кого-нибудь. Я танцевал с девушкой и начало пропустил, а когда выскочил, было уже поздно. Пономарь, убегая от милиции, выбил зеркальное стекло, но все равно был пойман и засунут в милицейский «рафик». Меня, бросившегося на помощь, засунули туда же. В машине спортивный Леня уворачивался от ударов ментов, а я, прикрывая живот, получал по морде.

Не буду долго рассказывать, а то надоед, – в двух словах. Отвезли нас в вытрезвитель. Там определенная процедура. Дышишь в трубку алкометра (или мера?), и в протокол записывают степень опьянения. Я, всегда будучи законопослушным гражданином, сделал, как сказали. А Пономарь на просьбу девушки медсестры подуть в трубочку ответил: «Сейчас ты в мою трубочку подуешь!»

Что тут говорить, менты опять на нас оторвались. Далее следовал душ, резиновые простыни – весь комплекс услуг. Хорошо, что больше никого не было в вытрезвителе, и мы спокойно прокемарили до утра. Утром пришел мой батя, заплатил сто пятьдесят (!) рублей (разбитое в ресторане стекло плюс услуги), и нас выпустили. В тот день мы не пили...

На следующий день мы решили поехать за джинами для Лени в Вильнюс. Сели в переполненный автобус, доехали до места, вышли и стали на рынке прицениваться к штанам. И тут Пономарь обнаруживает пропажу двухсот рублей из заднего кармана. Мы оба черные, в буквальном смысле, обыскали все, но, увы. Вернулись домой, и Ленька в тот же вечер поехал обратно в Д-пилс, потому что отпуск как-то сразу не задался...

Денег ему на обратную дорогу я тайно попросил у бабушки.

ПРО КАЛЬСОНЫ

В училище я вообще не носил белья, которое Родина в бане выдавала. Не гламурное оно мне казалось, это солдатское белье. Вернее, слова-то такого я тогда и не знал, но сейчас вижу – именно то самое словечко. В общем, как-то выкручивался, пардон, трусами и свитерочками-вшивничками. Хотя поначалу я, как и все, носил эти шедевры советского эротического жанра, и если бы не случай...

Было это на втором курсе, зимой. У меня в ту пору случился роман с девушкой, которая жила на Химии. Светлая, замечательная была девчонка. Мы классно с ней проводили время, и вот настал момент, когда должно было произойти ЭТО! Дома у нее никого не было, мы потушили свет, для интиму зажгли свечи и принялись танцевать под пластинку Демиса Русоса. Шампанское и гормоны ударили в голову, и мы с ней уверенно шли к «познанию тайны». Она стала раздеваться под музыку, и это было восхитительное зрелище. Деми Мур в фильме «Стриптиз» – жалкое подобие моей девушки! У меня закружилась голова, и вообще я был близок к обмороку. А как по-другому – порнухи (по одной из версий даже СЕКСА) тогда у нас в стране не было, и все мои познания о прекрасной половине были почерпнуты из подглядывания в общественной бане по субботам. А там многое непонятно. А здесь такое!!!

Чтобы не умереть до ТОГО, я решил тоже начать раздеваться. И тоже под музыку. Но одно дело, когда раздевается женщина, снимая с себя все это восхитительное, пенно-розовое, ажурное... И совсем другое, когда нескладный (и в физо неудачный) двухметровый курсант начинает снимать с себя казенные нательные кальсоны... Помните эти милые тесемки, эту агрессивно запахнутую область гульфика без пуговиц? Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. Короче, запутался я, остуился и упал. Да так упал, что разбил губу и пустил кровь! На этом все закончилось, так и не начавшись.

А я с тех пор кальсоны не надел ни разу в жизни! Пунктик у меня образовался, что нужно всегда быть готовым к действиям, как у самых ортодоксальных мусульман, которые ожидают, что второй раз пророк родится у мужчины, и поэтому носят штаны со специальным местом в районе паха.

Где-то сейчас та девушка и сколько у нее уже внучат?

КОРОТКИЕ ЗАРИСОВКИ

КАЗАНОВА ОТ СОХИ

У нас был один очень уж «от сохи» крестьянский сын, который тоже решил прихвастнуть победами на любовном фронте и поднять в наших глазах свой авторитет. Стал рассказывать после увольнений, как он познает женские тайны налево и направо. Кто-то его переспросил, без задней мысли, снимал ли он с партнерши бюстгальтер? А он и слова-то такого не слышал. Надо было видеть его лицо! Молчал он секунд десять. Потом переспросил: «Чего-чего снимал?» Услышав пояснение – ну, лифчик, он посветлел лицом и сказал: «Конечно! Два раза!»

ШМАРОВЫДЛО

Помню, на первом курсе решили мы отметить чей-то день рождения в чипке. А так как были мы тогда «духи бесплотные» и всего боялись, то водку в стаканах разбавляли молоком и закусывали это «шмаровыдло» (смазка для колес телеги на основе сала) пирогом с изюмом за 20 копеек. Незабываемые ощущения, доложу я вам!

ЖУТЬ

Был случай, когда ребята из моего отделения намазали на портрете члена политбюро товарища Андропова Юрия Владимировича глаза какой-то фосфоросодержащей люминисцентной хренью и без предупрежденья ловили таких, как я. Вот, доложу вам, был эффект! Возвращаюсь из самохода, захожу в кубрик, аварийное освещение отключено, и вдруг чей-то взгляд из темноты... Ей-богу, сразу захотелось в чем-нибудь признаться!

РЕШЕТКА

Очень я любил все виды хозработ. Быстро и оперативно выполнив работу, получаешь возможность сгонять в самоход или к подруге, или в магазин на Погулянку за почти «Шабли» 1977 года. Вызвался я как-то, в очередной раз, установить решетку на окно нашей каптерки. Отцы-командиры поставили только задачу и включили счетчик. Где-то в дебрях УПМа я нашел отходы металла, там же сварил их и с этой «Фатамарганной» заявился в роту. Там на раствор установил этот шедевр на окно и доложил о выполнении.

Дрючили меня дня три – и за несимметричные ячейки, и за разные материалы, которые я совместил, и за многое другое.

Приказали командиры раскритиковать меня и в ротной настенной сатирической газете «Протирка». Наш художник Боря Надеев нарисовал почти все как было. Я с мастерком, притомившись, сплю у стены. Мужик-вор с чертами нашего взводника через мою решетку тащит мешок с народным имуществом. А чтоб никто не сомневался, кто это и куда он тащит мешок с кальсонами и мылом, то Боря нарисовал желтый «Москвич» взводника с его номерами.

Командиры въехали только через сутки нашего веселья и приказали снять крамольную газету.

Прошло тридцать лет. Приехав на встречу с родными пенатами, я дошел до родной казармы. Стоит моя родимая решеточка!

ПРО ЯШКУ

Наш Яшка (в миру Андрей Яковлев) совершенно не вписывался ни в какие рамки, шаблоны и прочие там стандарты. Был он всегда совершенно незаметным, спал на всех лекциях, за все пять лет имел только одну тетрадь, читал на досуге только одну книгу – «Матанализ» Пискунова. И при этом получал всегда только одну оценку – «отлично». Правда, по физо был «ноль продолговатый» (как и я), но как-то выкручивался.

Он совершенно не был похож на других забубенных зубрил-отличников, запросто бегал на Погулянку за киром, часто сам выступал инициатором этого дела. Короче, наш на все сто! И вот однажды этот гений «Яша-интеграл», стоя в наряде дневальным, собрал по тумбочкам весь ротный одеколон и, трижды очистив его (через уголь противогазов, раскаленную медную проволоку и возгонку), предложил народу изысканный продукт, правда, с чуть уловимым шлейфом одеколona «Рижанин». Никто на Яшку не обиделся: гений, что с него возьмешь! Да и продукт он предлагал из трехлитровой банки по записи – всем, у кого взял.

Я знаю – город будет! Я знаю – саду цвезть! Когда такие люди в стране советской есть...

ГРАФИН

Поймал как-то Конопеля (начкурса 25 роты) легендарного (а у них люди-легенды были через одного) Куцика, шатающегося посреди занятий без дела. Затащил в канцелярию и давай давить на совесть: «Ты же умный парень, а пьешь, нарушаешь, и т.д!» Куцик мнетя и нервничает – в портфеле у него лежала

бутылка водки. Тут ротного куда-то позвали, он вышел, а Серега приказал ждать. Тот, недолго думая, переливает водку в графин и ждет. Ротный возвращается и продолжает обструкцию. Куцик слушает, кается и просит попить водички. «Проняло», – думает Конопеля и любезно разрешает. Серега наливает себе стакан водки из того самого графина и выпивает. Ротный еще минут десять его дрючит, и Куцик опять просит разрешения попить. Ему снова разрешают, и он выпивает еще стакан. Ротный вскоре с ужасом все понимает и даже восстанавливает технологию, но поезд ушел! Вот какие глыбы были в нашем выпуске.

СПАСЕНИЕ

Экспроприировал как-то наш начкурса Федорий Ярослав Дмитриевич у народа пять бутылок водки. Человек он был немного порывистый и импульсивный. И решил устроить показательное аутодафе. После обеда объявляет: «Зайти в канцелярию – старшина, замкомвзвода, командиры отделений, комсгруппорги и еще не помню кто, но тоже зайдите! (именно так и сказал!) Будем уничтожать эту гадость!»

Лучше бы он не говорил, для чего они собираются... Курсантский люд ушлый! Народ это дело быстро просканировал и на всякий случай стал под окно канцелярии с пожарными ведрами (помните такие красные, конусообразные?). И вот когда Федорий стал открывать и выливать, не глядя вниз, водку в окно, то народ ее спас почти без потерь, подставляя ведра. Я наблюдал выливание в канцелярии, будучи комсгруппоргом, и чуть не плакал от бессилия. Зато потом весело смеялся, когда угостился из ведра.

НАЧАЛО СЛУЖБЫ

После училища я попал служить в Краматорск. И начало моей полковой службы было ознаменовано таким эпизодом. Назначили меня в «лейтенантский» наряд – дежурный по стоянке части. Прилетает перелетный Ан-26. В обязанности ДСЧ входила встреча и выпуск перелетных самолетов. Я подъехал на тягаче, встретил, стою, жду вопросы. Вдруг из самолета резво выскакивает здорово пьяный военный и бежит что есть сил прочь. Экипаж и другие военные его догоняют и тащат обратно

к воздушному судну, ласково приговаривая: «Михалыч, не надо убегать, скоро уже прилетим, потерпи, родной!» А Михалыч все порывается удрать на волю, в пампасы, и не поддается...

Потом мне объяснили, что Михалыч – председатель какой-то там комиссии, на проверках здорово подсел на стакан и подорвал здоровье. А так – душа человек... Короче, заправились они и собрались дальше. А Михалыч обвел мутным взглядом окрестности и спрашивает меня: «Что это за город?» – «Краматорск», – отвечаю. И тут он почему-то выдал: «Е..л я этот Краматорск! А тебе, лейтенант, – быть генералом!» И гордо улетел.

Во как бывает. Генералом я, правда, не стал, но Краматорск вспоминаю с большой теплотой – зря Михалыч так про город!

ПРО ЛЕТНО-ТЕХНИЧЕСКУЮ ПАЙКУ

Был у нас в Краматорске, в летной столовой, повар. Лет ему было тогда слегка за сорок, но для всех он был просто Андрей. Есть такая категория мужиков, которая к отчеству за всю жизнь так и не добирается. Выпивал он конкретно, но кулинар был отменный, и начальство закрывало глаза на его вечный автопилот: делу-то не вредит.

Однажды он принял больше обычного и заснул после ужина где-то в своих столовских кулуарах. Проснулся ночью – никого. Он поскреб по сусекам, наскреб здоровенный кусок говяжьей печенки и побрел домой. Надо сказать, что носил Андрей всегда исключительно летный комбез. Вот и в тот раз он был в своей обычной форме. Печенку завернул в газету, засунул сверток за пояс и застегнул молнию куртки комбинезона. Из гарнизона вышел без проблем, но предстояло еще преодолеть небольшой отрезок улицы Ленина. Вот на том отрезке его и заметил милицейский патруль. Подъехали, спросили документы. Андрей любезно послал их. Менты обиделись и конкретно принялись метелить нашего повара. В какой-то момент у него из-под курточки выскакивает украденная печенка и громко шмякается об асфальт им под ноги! (Газета при этом удивительным образом не выпала, а осталась за пазухой). Менты с ужасом переглянулись, моментально запрыгнули в машину и удрали. Андрей поднял свою добычу и пошел дальше. Охотничья удача в тот вечер была на его стороне.

Еще небольшой пищевой сюжетик. Был у меня в эскадрилье РЛЮшник Юра Чунихин. Пошел он как-то раз дежурным по части и закрутился после развода нарядов по каким то делам-проблемам. Прибегает на ужин, а официантка заявляет, что

ничего уже нет – хоть сама ложись! Юра отверг эту форму натурхозяйства и потребовал, чтобы дежурного по полку накормили. Ему снова отказали в оскорбительной форме. Тут нужно сказать, что на ужин больше половины полка не ходило, потому что тягач с аэродрома ехал через город, и народ шел ужинать в семью. Ну, за исключением самых экономных и холостяков. Все об этом знали, а официантки уносили оставшуюся добычу домой. А чтоб не проверили на КПП сумки, они лазили через дырку в заборе. Пошел Юра к той дырке и терпеливо дождался Клавы (официантки). Когда она кинула тяжелые сумки в темноту пролома, Чунихин запрыгнул на них и добросовестно станцевал джигу. После чего отпустил ее с миром.

С тех пор Юра стал VIP-персоной. Мясо ему Клава прятала даже в пюре. И порция его всегда была раза в два больше нашей, обычной.

ПРО БД

Маленькая история. Сидим на БД, играем в преферанс в комнате техсостава. БД в Краматорске было ненапряженным, более того – сплошной отдых. На столе графин со спиртом, но пьяных нет, так, слегка... Внезапно открывается дверь, заходят командир полка с замом по ИАС. «Пожалуйста – карты! Совсем нюх потеряли? Что в графине?!» – «Вода, тащ полковник!» Командир – инженеру полка: «Проверь!!» Тот наливает себе полстакана и медленно выпивает. «Вода!»

Они уходят. Мы еще минуты три молчим в ужасе. Открывается дверь, заглядывает инженер и говорит: «Передайте Остапчуку (инженеру эскадрильи), что я забираю ваше «кино» за месяц. За вредность». И уходит.

«Кино» в полку называли выдачу спирта личному составу за счет «экономленного» на посадках. Летом вместо султыги в систему охлаждения колес заливали дистиллированную воду, с общего молчаливого согласия. Вот такое «кино».

Еще один смешной эпизод на БД. Сидим с пилотами, играем в преф. А в дежурном домике крутится комсомолец полка и фотографирует что-то там для наглядной агитации. Заодно щелкнул и нас. Потом видел это фото в полковой фотогазете. Подписано оно было так: «Капитан Тимофеев ставит боевую задачу личному составу дежурных сил». На снимке у всех четверых карандаши за ухом, а на столе расписанная «пуля» на бланке «Боевого листка», идеально подходящего для этого дела.

ПРО РЫЦАРЕЙ ПЛАЩА И КИНЖАЛА

Помните пятилетку пышных похорон? Это когда включается телевизор, а диктор, как бы стесняясь, говорит: «Вы будете смеяться, но нас опять постигла тяжелая утрата». Не помню, кого мы потеряли в очередной раз, но были дни траура. Фильмы показывают: «Ленин в Октябре», «Коммунист», «Депутат Балтики». В кафе и ресторанах – гнетущая обстановка поминок. Даже люди на улицах скорбно-молчаливые. И вдруг в коридоре штаба полка раздается живой, жизнерадостный смех. Особист выскочил из своего кабинета, схватил весельчака за грудки и заорал фальцетом: «Что вы себе позволяете! Вы разве не знаете, КАКОЕ ГОРЕ У СОВЕТСКОГО НАРОДА!» «Химик» (а это он хохотал) с тех пор даже улыбаться перестал...

Как-то раз, контрик подкараулил меня и по дороге давай заливать соловьем о своей героической профессии. А у меня уже закрутился перевод на завод, в военную приемку. Короче, предлагает он мне стать внуком Феликса Эдмундовича, подучившись в их Новосибирской школе. Я деликатно отказываюсь, мол, недостойн такой высокой чести: женщин люблю, рюмку могу принять... Он на это мне заметил: «Так это и хорошо, значит, такой как все!» Уж и не помню, чего я ему еще плел, вспомнил даже про свой дальтонизм. Обиделся он крепко и, может быть, стал бы мне вредить, если бы не Его Величество Случай.

Собрался он как-то в свое свободное время в засаду. Взял каких-то отвязных теток и поехал с ними на пикник. Программа соблазнения предусматривала стрельбу из табельного пистолета. Уж и не знаю всех деликатных подробностей, но часа через два привезли их обратно. Причем особист и одна мадам были конкретно огнестрельно ранены.

Не задался у них как-то пикник.

А потом и карьера его закатилась, тут уж ему не до меня стало. А может, просто сильно ранило? На замену ему пришел «внучок», прошедший боевые действия в Йемене. Этот из кабинета почти не выходил, где, по словам очевидцев, смотрел порнуху на купленном за чеки видеике. Как оказалось в дальнейшем, просмотрели «они» все на свете...

ТЕЛО ДОЛЖНО ДЫШАТЬ!

Судьба свела меня с одним удивительным человеком – Аксентием Ивановичем Казачинским. Он был начальник группы обслуживания АО в моей родной 2-й эскадрилье в Краматорске.

Слышали про царя Соломона (300 жен, 700 наложниц)? Жена у Сева была одна, а вот по наложницам Соломон «курит!» Думаю, что в свои тридцать шесть лет Сева обошел «на корпус» и Казанову, и других известных ловеласов. Мы с ним были очень дружны, а выделил он меня после того, как к инженеру полка на учениях подошел с докладом солдат-азербайджанец и выдал: «Товарищ подполковник! Там к лейтенант Деделко два жэнцин пришьель!» Сева заинтересовался преемником.

Но сегодня не об этом. Начальник группы РЮ у нас был пуританин, викторианец и верный семьянин. Но и на старуху бывает проруха, и Александрыч решил-таки попробовать этот запретный плод разврата. Выпили мы как-то в нашем эскадрильском ресторане «Плакучая свинья» (полянка возле аэродрома), и Александрыч просит: «Сева, возьми меня к этим женщинам!» Аксентий Иванович аж обрадовался. Во-первых, пал последний Форт Нокс, а во-вторых, спирта под это дело страсти можно немеряно. Ведет он его к Ляле, «богине полусвета», через которую половина полка ходила в молочных братьях, ну а другая половина браталась через Люсю. Подходят они к двери, Сева жмет на звонок, дверь открывается, и их встречает абсолютно голая Ляля! Она жила на четвертом этаже, а убегающего от этого зрелища Александрыча Сева поймал аж на первом.

Нет, говорит, мы с тобой пойдем до конца! И волокет обратно. А как же иначе, тогда спирт не обломится! Затаскивает он его, упирающегося, в квартиру, усаживает на кухне за стол, а Ляля начинает собирать закуску. При этом остается в полном неглиже. Александрыч пошел пятнами, на одном дыхании выпил стакан и просит: «Милая, надень что-нибудь, пожалуйста!» На что Ляля ему отвечает: «Нет, я люблю, чтобы тело дышало! Тело должно дышать!»

Так пал последний «девственник» полка.

ГВОЗДИ БЫ ДЕЛАТЬ ИЗ ЭТИХ ЛЮДЕЙ

Был у нас в эскадрилье техник самолета Володя Серебряков. Мы были ровесниками, даже поступали в ДВВАИУ вместе, но он недобрал немного баллов и ушел на среднее. Заканчивал 10-ю роту майора Ружеле. Еще в училище он прославился, перевернувшись на машине с девушкой где-то возле Илуксте, покалечив ее при этом. Завели дело, но он нашел выход – женился на ней, и все замяли.

В полку Володя тоже был известным человеком, фарцевал налево и направо. Причем в условиях тотального товарного дефицита у него можно было достать все. Вещи, продукты, ювелирку, хрусталь, книги – все! Рассчитаться при этом можно было спиртом. Правда, цена была – мама дорогая! Например, цена кожаного югославского мужского пальто на меховой подстежке составляла ни много ни мало четыреста литров шмурдяка. Тайваньские электронные часы (только появлялись) с мелодией Бетховена «К Элизе» – пятьдесят литров и т.д. Беспредел полный, но тем не менее отбоя от клиентов не было. Всегда аншлаг. И даже самый верхний эшелон полковой власти постоянно обращался к нему. Поэтому положение у него было очень привилегированное. Нужный человек, одним словом. Наш эскадрильский острослов пошутил как-то: «Слава КПСС! При проклятом царизме Серебряков бы сгноил всех на плантациях своей потогонной системой!» В общем, жил Володя припеваючи, обманывая авиационный народ, деньги у него при этом не переводились, да и спирта было море разлитое. Но и на старуху бывает проруха.

Закрутился он где-то по своим делам и опоздал на полеты. Как всегда, одного самолета не хватило. Но не хватило его армейскому инспектору полковнику Сидоренко. А он ловил погоду, чтобы подтвердить классность. А это деньги, и немалые по тем временам. Инспектор со злости взял и арестовал Серебряка на трое суток. Полковые начальники – под козырек, и на следующий день поехал Володя на своей машине в Харьков, сидеть на офицерской губе. Отсидел, вернулся и продолжил свое первичное накопление капитала.

Проходит пару месяцев. Очередные полеты, опять летает Сидоренко и опять на самолете Серебрякова. Приходит, а тех-

ника самолета нет... Стартех с инженером эскадрильи помогают ему сесть в кабину, пристегнуться, подготовить арматуру, а техника самолета нет! Начинается тихая паника. Тут разлет, пошли цели – Серебряка нет!

Инженер эскадрильи на ватных ногах забегает в столовую, а Володя там... Трапезничает. Он, кстати, всегда свято ходил на первый черпачок. Инженер ему орет: «Серебряков! Твою мать!!! Там Сидоренко сидит и ждет тебя уже полчаса!!!» Володя спокойно допивает чай и говорит: «Ничего, подождет. Я из-за него долгие сидел». И наливает еще чаю.

Гвозди бы делать из этих людей.

К БАРЬЕРУ

В 1987 году поступал я в нашу доблестную ПВОшную инженерную академию Говорова, в Харькове. Чего мне стоило добиться разрядки на поступление – это отдельная история. В общем, добился. Опять, со своим дальтонизмом, выучил наизусть полихроматические таблицы профессора Рабкина, как и при поступлении в ДВВАИУ, и пошел штурмовать ВИРТА. Не буду утомлять вас, други, тем, как я, СДшник, сдавал спецпредметы в радиотехническую академию. Но академия оказалась очень правильная, они на оценки при сдаче вообще внимания не обращали, то есть их даже не объявляли. Нам просто после очередного экзамена говорили, кто не сдал. И это называлось «полосатый рейс», потому что неудачник брал свой полосатый матрас и нес его сдавать на склад.

Я дошел до конца (математика, тактика ПВО, спецпредмет, английский, физо), и на финише нас оказалось слишком много. Начальник академии, генерал-полковник Стрельников, принимает решение добавить Уставы и стрелковую подготовку. Уставы я сдаю (попались обязанности начальника патруля, вы уже знаете, как я их изучал), а на стрельбе не попадаю в мишень вообще! Я всегда плохо стрелял из пистолета, а тут еще волнение... В общем, начкурса подполковник Чагаев начинает меня готовить к тому, что я, наверное, не поступлю, мотивируя тем, что офицер должен уметь стрелять.

И тут в тир подходит начальник факультета ЗРВ генерал-майор Медведев Юрий Михайлович. Естественно, сразу «Смирно!» и доклад, а он спрашивает шутя: «Ну, с кем здесь можно сойтись у барьера?»

Чагаев, прогнувшись, докладывает: «Лучший результат у подполковника Зайцева, товарищ генерал-майор, – 27 очков!» Медведев ему говорит: «Ты меня не понял, есть такие, которые вообще не попали? Я бы с ними хотел стреляться, так безопасней!» – «Вот, – говорит Чагаев, – капитан Дедолко даже в «молоко» не попал!» Юрий Михайлович подходит ко мне и спрашивает: «Что ж ты, летчик (а я один в авиационной форме), такой неудачный?» Я что-то промычал невразумительное про ветер и фортуна, но никого не убедил. Медведев берет пистолет и говорит Чагаеву, что будет стрелять за этого летчика, потому как жалко военнослужащего. Стреляет и выбивает 29 очей!!! Подходит после этого ко мне и разрешает: «Учись, летчик!» Как он после мне объяснил, учись – в смысле в академии. И я поступил!

С Юрием Михайловичем я потом задружил (чем-то ему понравился). Весело было, когда мы встречались в коридорах академии. Генералов было положено приветствовать по внутриакадемическому политесу, встав во фронт. И вот когда идет Юрий Михайлович по коридору, человек тридцать поворачиваются лицом, он подходит ко мне и говорит: «Здравствуй, Боря, как дела?» Я капитан, а во фронт стоят и полковники.

Везло (и везет) мне на хороших людей. Пусть у них все всегда будет хорошо!

ЮБИЛЕЙ

Случилось это в 1984 году. Завод, на котором была моя военная приемка, отмечал пятидесятилетие со дня основания. Подготовка была – мама дорогая: тут и телепередача «От всей души» с Валентиной Леонтьевой, и дождь орденов, медалей и почетных званий, артисты всех мастей и рангов, и прочая, прочая. А на заводе было аккредитовано три военных представительства – стратеги ракетчики, мы – ПВОшники и инженеры.

И вот мой начальник неожиданно узнает, что к соседям-соперникам на юбилей завода едут их большие начальники из Москвы. А у нас конь не валялся, и зам главкома по вооружению даже не знает о славном юбилее завода ничего. Шеф срочно организовал приглашение от завода среднему звену наших московских начальников: как же так, срочно приезжайте, потому как без нашего генерал-полковника Леонова и за стол на

общем банкете не сядут, так тут нас все уважают! Московская камарилья тоже добавила маслица и в огонь, и в другие места, и сказано – сделано: дженераль едет!

Шеф, который развел всю эту бодягу только для того, чтобы в Москве, не дай бог не обиделись на то, что наш ГУВ ПВО (главное управление вооружения) не заметили и обошли, сильно приуныл. Ведь от большого начальства – большие беды. Обстановка в общем была сильно накаленная, почти как перед войной. Московские командиры беспрерывно звонят и выдают указания, как встречать, как селить, чем кормить и какие анекдоты любит...

И вот настал день «Ч». Несмотря на выходной, мы все сидим на рабочем месте. Дмитрий Петрович поехал с замом на вокзал встречать московский поезд. Чтобы не страшно было «помирать», он прихватил с собой командира 636ИАП полковника Боровика Валентина Анатольевича. Валентин Анатольевич человек решительный, легкий на подъем, боевой летчик, – на «ура», строевым шагом подошел и доложил Леонову. Генералу, который сам был в форме, понравилось. Тут подходят два мужика (шеф и зам) в норковых шапках (а их тогда носили в основном цыгане и кавказцы с рынка) и тоже докладывают. Хорошее впечатление смазано...

Повезли они его в люкс заводской гостиницы «Индустрия». По дороге генерал их «обрадовал» тем, что уезжает сегодня же вечером. С билетами в Краматорске всегда была проблема. Тут надо сказать, что наши доблестные московские начальники умудрились отправить генерала на второй полке купе. А тот, в свою очередь, не взял с собой никаких вещей, кроме фурика и папахи. Поэтому ночь он спал в своих генеральских брюках и, приехав в гостиницу, первым делом попросил утюг. Хорошо, хоть китель снял на ночь. Шеф посылает зама организовать. Тот приводит дежурную, готовую погладить генеральские брюки. Леонов тактично (этот вологодский говорок, конечно, нужно слышать) говорит, что брюки всегда гладит сам.

Приносят утюг, генерал в трусах гладит брюки. Шеф и зам, как в теннисе, взглядом провожают каждое движение утюга. Потом шеф, вспомнив о вечернем отъезде Леонова, бросается звонить и вызывать меня, как главного специалиста по

железнодорожным билетам. А в это время народ, собранный в выходной день и бездельничающий уже третий час, начал потихоньку выпивать. Хорошо, что я пропустил пару тостов и поэтому убыл по тревоге девственно трезвый. Народ, правда, после моего вызова пить с испугу перестал. Временно.

До гостиницы мне пришлось пробежаться: поблизости никакого транспорта, а приказ был «Бегом ко мне!» – а это километра четыре. (Хорошо, что за месяц до этого я бросил курить, потому что в тот день мне пришлось еще много бегать.) Увидев шефа и генерала выходящими из гостиницы, я ничтоже сумняшеся ломанулся к ним, причем перейдя на строевой шаг. Подойдя, я, как учили, попросил у генерала разрешения обратиться к полковнику Бармину. Тот с удивлением (странно немного, когда люди в гражданке выполняют строевые приемы) спросил у шефа: «Это кто?» Дмитрий Петрович ответил эпохально: «Это наш человек, товарищ генерал-полковник!» Моя строевая выучка генералу понравилась, и он любезно позволил влиться мне в его эскорт, теперь уже состоявший из шефа, зама и меня – в ту пору младшего военпреда и старшего лейтенанта-инженера. Так я попал в военпредовскую номенклатуру.

Дмитрий Петрович, усаживаясь с генералом в выделенную заводом «Волгу», отдал мне свой УАЗ и послал из-под земли доставать билет СВ на поезд «Донецк – Москва». С помощью своих друзей ВАСОшников из Красного Лимана я этот билет решил в течение получаса. Радостный и раздувшийся от гордости, разыскал в заводууправлении свою «команду» и, опять продемонстрировав отличную строевую выучку, доложил о выполнении задания. Генерал взял билет, узнал, во сколько поезд, и бесцветным голосом (но с вологодским характерным говорком) попросил, чтобы его отправили поездом, который шел на два часа позже, «Ворошиловград – Москва».

Это была катастрофа! На тот поезд СВ достать было невозможно, потому как количество мест было очень ограничено. Но делать нечего, и я пошел менять билет. Чего мне это стоило, расскажу теперь только на Страшном Суде, но я поменял!!! Это был мой триумф, генерал сподобился даже спросить мое ФИО!!!

Но недолго я витал в облаках, потому как возникла очередная вводная: заместителю главкома нужно отметить командировочные документы. Выписаны они на нашу приемку, а следовательно, нужна печать. Печать была в сейфе, а ключи от

сейфа у одного из бражничавших на рабочем месте. Он к этому времени набрался так, что остальные решили его эвакуировать от греха подальше домой. Вот только ключи не догадались вытащить из кармана. А посему пришлось мне бежать (машину у меня временно изъяли) еще к нему домой и искать ключи в карманах «трупa». Бегом вернувшись к сейфу, я поставил печати на документах, при этом с особым удовольствием поставил подпись и написал: «Ст. л-т Деделко» (Думаю, что таких аналогов мало-вато будет, чтобы старлей генерал-полковнику отметки делал!).

Уже привычно – бегом – вернулся в свою «команду» и доложил об очередном выполнении задания. Мне опять выделили уазик (потому что язык болтался до плеча) и отправили дожидаться их с торжественной и банкета в генеральском номере. Там я померил фуражку генерала, выпил напиток «Колокольчик» из холодильника и вальяжно-нагло развалился на диване перед телевизором. Побыв несколько часов в шкуре военпредовскойomenclатуры, я стал мыслить гораздо масштабней, чем прежде.

Думаю: вот вернуться НАШИ – генерал, шеф, зам, а в холодильнике-то у нас шаром покати! Пойду-ка я схожу в ресторанчик и возьму водки там, хлеба, в общем, всего самого необходимого.

В небольшом ресторане при гостинице гуляли клерки первого отдела. Помните, как тогда пили? Правильно, весело! Теперь так не пьют. Захожу в ресторан, раскланиваюсь со знакомыми – и к стойке бара. Беру бутылку водки, какие-то бутерброды. Тут ко мне, занятому важным делом, подходит совершенно пьяный шифровальщик из этого самого первого отдела и нагло так спрашивает: «А чтой-то вы здесь делаете?»

Меня, который уже с ЗАМ ГЛАВКОМА, можно сказать, на короткой ноге? Ну, я ему и выдал! Он даже протрезвел сразу, вытянул руки по швам и стал смотреть на всякий случай подобострастно. Закончил я свою гневную тираду обещанием завтра же доложить Николаю Ивановичу Рыбке (начальник 1-го отдела) о безобразном поведении его подчиненных в присутственном месте. Хлестко так я его поставил на место, он даже пытался мычать что то вроде «не губи, барин», но я гордо удалился в НАШ с генералом люкс, с водкой и бутербродами наперевес.

Принес я водку в номер, а тут и МОИ вернулись. Леонов с порога попросил чаю. Шеф посылает зама и меня организовать. В коридоре я Владимиру Федоровичу (заму) докладываю,

что подготовил кое-что покрепче чая. Сам иду на кухню за кипятком, а зам пулей возвращается обратно, чтобы обрадовать остальных. Когда я вернулся, то обнаружил странную тройцу, просто сидящую за столом. Время от времени шеф незаметно толкал Седова. Как я потом узнал у Владимира Федоровича, это Бармин хотел, чтобы инициатива о выпивке прозвучала от зама. Седов после третьего толчка шефа предложил голосом висельника: «Товарищ генерал-полковник! А может, по пятьдесят грамм водочки, с морозца, а потом чай?» Сказал – и на всякий случай закрыл глаза. Леонов же благодушно разрешил: «Это можно!» (Ох, уж этот его вологодский говорок!)

Федорович как спринтер бросился к бутылке и стал разливать. Он и мне пытался налить, но генерал его остановил: «Борису Евгеньевичу – чай!»

Выпили они, крякнули, закусили бутиками и сидят, продолжают молчать. Я потом уже узнал, что генерал их пару раз за день подловил, когда они невпопад отвечали, вот они и молчали, от греха подальше. Проходит еще немного времени, я сижу со своим чаем и вижу: шеф опять толкает зама. Тот уже повеселее: «Товарищ генерал! А может, водочки?» Опять вологодское: «Это можно!» Процедура повторяется: выпили, крякнули, помолчали. Вот только меня вычеркнули напрочь из пьющих. А мне обидно до слез: водка-то моя! На третий раз шеф с Седовым уже оживились, и предложение прозвучало почти фамильярно: «Разрешите повторить, товарищ генерал?» Вот тут прозвучало уже строгое вологодское: «ДОСТАТОЧНО!». Начальники мои загрустили, а генерал-затейник предлагает: «А давайте проедем по городу, может, у вас книги можно хорошие купить?»

Хорошие книги, как и везде в то время, можно было купить или по благу, или на макулатуру. Макулатуру генерал с собой из Москвы не привез, поэтому пришлось снова воспользоваться моими «партийно-половыми» связями. Девушки в книжном, краснея и смущаясь генерала, достали из-под прилавка кучу хороших книг, и генерал был весьма, весьма рад.

Потом была поездка по вечернему Краматорску. Во время которой Леонов стал проверять наш культурный кругозор. Шеф опять прокололся, не назвав новинку из публицистики. Я заработал вистов, поговорив с генералом о творчестве Валентина Саввича Пикуля. Мы оба согласились друг с другом, что

никакой историей в романах Пикюля и не пахнет, а просто немного конъюнктуры и бойкое перо. Седов молчал как зарезанный, думая, что это оптимальный вариант спастись.

Так незаметно, за приятственной беседой время подошло к восьми вечера. Поезд отходил около половины девятого. Мы забрали вещи Леонова из гостиницы (портфель с фуражкой), сели в уазик и поехали на вокзал.

К поезду мы подъехали практически вплотную. По команде шефа я схватил коробку с дарами южной Украины и бегом попер ее в вагон. Генерал же с шефом и замом степенно проследовали по платформе. И так это достойно выглядело со стороны, что даже хамоватые осмотрщики колесных пар поезда старались приосаниться и стать по стойке смирно.

Попутчицей Леонова до Москвы оказалась красивая, статная женщина лет сорока (меня тогда этот возраст не интересовал, поэтому мог ошибиться). На ней был традиционный в поезде спортивный костюм, который выгодно подчеркивал ее кругозор (в районе бедер) и интеллект (в районе бюста). Генерал, увидев соседку по купе, обалдел и почему-то перешел на стихи, почти дословно выдал из монолога Чацкого: «Чуть свет – и я у ваших ног!»

Щирая хохлушка тоже обалдела от бравого генерала и захихикала обнадеживающе. Зам главкома, явно рисуясь перед попутчицей, стал командным голосом нарезать задачи шефу, от которых тот все больше втягивал голову в плечи, а нас с Седовым он тем же командно-вологодским поблагодарил за службу, пожав руки. Я еле удержался от того, чтобы не заорать «ура», но побоялся, что не так поймут.

Шеф перед самым выходом из вагона, нервно (будь что будет!), извлек из пакета коньяк и пару лимонов и положил на столик. Брови Леонова строго сошлись домиком, но выручила соседка, которая одобрительно заметила что-то типа: «Оцэ гарно!». Инцидент был исчерпан. Мы выскочили из вагона, стали напротив купе и, когда поезд тронулся, даже молодежато отдали честь. До машины шеф шел и приговаривал: «Только бы она ему дала, только бы дала...»

В родном военном представительстве я еще был ответственным за эксплуатацию автомобиля. Так вот, садимся мы в нашу машину и едем обратно в гостиницу. Не проехав и ста метров, машина ломается и останавливается. Дмитрий Петрович посмотрел на меня устало и говорит: «Если бы это произошло

двадцать минут назад – тебе уже был бы грандец!» Водитель правдами-неправдами заменил полетевший ремень генератора, и мы поехали дальше. Седов ни с того ни с сего проронил фразу: «Тяжелый генерал!» Шеф с дикой тоской в голосе подтвердил: «Да-а-а!» Потом был маленький «разбор полетов», на котором мои действия были оценены на «отлично», но с оговоркой: «больше внимания уделять эксплуатации автомобиля». В заключение шеф даже приобнял меня и сказал: «Считай, что ты уже военпред!» Я напоминаю, что на тот момент был младшим военпредом. (Обещание свое Бармин выполнил – ровно через полгода я стал военпредом и, надеюсь, не только за встречу и проводы генерала.)

Думая, что мои функции закончены, я спросил у Дмитрия Петровича, могу ли быть свободным? Он аж обиделся и сообщил, что все только начинается и сейчас мы едем посидеть в нормальной компании и отметить юбилей завода. Моя счастливая звезда, взошедшая в тот день, продолжала путеводить! И мы поехали в гостевой домик директора завода на базе отдыха.

Ехали почти молча, так как шеф был очень расстроен результатами приема генерала и «ушел в себя», а мы с замом учтиво не мешали ему. Я уже говорил, что мороз в тот день был очень сильный. Стекла нашего уазика внутри заиндевели, и ехать было довольно проблематично. Хитромудрый водитель не выдержал такой езды, достал початую бутылку водки (ту, генеральскую, недопитую) и стал протирать водкой стекло изнутри. Дмитрий Петрович такого кощунства перенести не смог (генеральская же!) и, отобрав водку, пустил ее между нами по кругу, по глоточку. Настроение немного улучшилось, и в домик мы уже входили с подобием улыбок на лицах.

Картина нам открылась, как говорится, маслом. Хорошенько выпивший генерал-лейтенант, с расстегнутым воротом форменной рубашки, лихо наяривал на баяне нетленку «Вот кто-то с горочки спустился». Секретарь партийного бюро соседнего военного представительства, по всей вероятности, пытался в танце изобразить этого спускающегося с горочки «милого» в гимнастерке. Остальные дружно хлопали и пели.

Шеф, увидев этот праздник жизни, повернулся к нам с Седовым и спросил с болью в голосе: «Ну почему этому .... так везет? И генерал у него мировой парень, и госзаказов на двадцать

лет вперед, да и вообще никаких проблем!» Речь шла о начальнике «соседей» Владимире Борисовиче, который сидел рядом с генералом и громче всех ему подпевал.

А генерал-баянист был начальником заказывающего управления инженерников. Он тоже приехал на юбилей завода, но принял решение, в отличие от нашего Леонова, после торжественной части отдохнуть «душой и телом». Наш приход их всех очень обрадовал. Дело в том, что Дмитрий Петрович был, что называется, душой любой компании, и все, кто там был, это знали. Василий Иванович (так звали генерала), увидев меня, строго спросил у шефа: «Дима! А это кто такой?» И я второй раз за день получил характеристику-лом: «Это НАШ человек!». Одновременно шеф сделал мне страшные глаза и прошептал: «Представься!» Представился я командным голосом с «переливами»: «Младший военпред 1565 военного представительства Министерства обороны старший лейтенант-инженер Дедолко!!!» Генералу мой доклад понравился, он еще спросил начальника соседей: «Володь? А почему у нас нет таких бравых? Смотри, вот этот Димка тебя во всем обходит!»

Признание наконец пришло к моему шефу, но, к сожалению, пока не с той стороны. Пьяный «комиссар» инженерников попытался встать на защиту своих рядов, но самыми убедительными аргументами в его спиче были междометия «эх» и «ух». И вообще он уже поставил себе цель в тот вечер – сделать маску из салата оливье – и уверенно к ней продвигался. Праздник продолжился. Выпили за дружбу, за содружество родов войск, за любовь, за мир во всем мире, за удачу, за успех... Потом немного передохнули в светской беседе. После опять многократное – за дружбу, за мир... см. выше. К часу ночи на ногах остались Седов и я. Погрузка была недолгой. Василий Иванович при этом бормотал: «Левый фланг, не отставать!» А шеф тихо постанывал, как Вицин в «Операции «Ы».

История эта, увы, закончилась грустно. У шефа моего после этого начались проблемы: то подлец аноним доносил в Москву строчит, то начальство московское проверяет с пристрастием. В общем, сплошные передраги. А вскорости отправили шефа на пенсию.

А генерала Василия Ивановича я потом по телевизору видел. Он на похоронах генсеков портреты их носил. И Андропова, и Черненко. Такой вот большой человек был.

*Лукьяненко Андрей. Ник на сайте – ЛАЮ
Родился в 1958 г. Окончил ДВВАИУ и армейские «университеты», где приобрел неоценимые знания и умения, которые и не пропьешь, и с годами не растеряешь. Принадлежит к славной когорте первого выпуска училища «по вышке». В разведку с ним можно идти смело (если только он вас с собой возьмет). Материал для своих рассказов берет не только из богатого армейского прошлого, но и прямо из жизни, для этого часто ездит в трамваях, много беседует с продавщицами и бабушками у подъездов, а потом «по горячему», как настоящий художник, делится впечатлением с читателями. И делает это живо, весело и иронично. Живет и работает в Москве.*

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СЭМА

В нашей взводной компашке был один местный – Сэм. Его заслуженно любили в роте, а родители были хлебосольны и очень гостеприимны. Естественно, день его рождения отмечался всегда на широкую ногу и, как правило, с приключениями.

К четвертому курсу Сэм не мог употреблять спиртные напитки в больших количествах по здоровью, зато товарищи за его здоровье отрывались по полной программе. Народу на мероприятии собралось много – курсанты и гражданские, посидели весело, не менее весело начали расходиться. Проорав традиционно, на пути от парка у комендатуры к трамвайной остановке крепостного трамвайчика «Я помню тот Ванинский порт», решили разделиться.

Меня, как наименее «повеселевшего», понесло «кратчайшим» путем: Северный КПП и через дыры в охранной колючке «мазутки». К моему несчастью, там в засаде стоял замначфака, прямоком на которого я, лоб в лоб, и выкатился. Дальше следовал диалог: «Пили, товарищ курсант?» – «Нет!» – «На экспертизу поедем?» – «Нет». Короче, столкнувались на выпитой бутылке пива, на сем и был отпущен довольным положительным результатом отлова подполковником, с указанием доложить обо всем начальнику курса.

Меньше повезло другим моим товарищам по застолью – Вилли с 35 роты и Генералу с 26-й. Вилли жил в городе (четвертый курс уже), был в гражданке и решил сделать доброе дело – сопроводить до ЦКПП не совсем уверенно державшегося на ногах Генерала. Но как известно, ни одно доброе дело не остается безнаказанным. На КПП трогательную сцену прощания друзей подсмотрел и подслушал коварный начальник патруля и решил их повязать. Брыкаться никто не стал, орлы были не в той кондиции, чтобы молодежато драпать, но Вилли был в гражданке и просто послал его куда подальше. Начальник патруля орал – ты, мол переодетый курсант. Вилли, которого посетило вдохновение: «Кто ты вообще такой, чтобы у меня проверять документы? Для меня только милиция представитель власти, а ты прыщ на ровном месте и только!»

Проходящие из «увала» курсанты, часть из которых, несомненно, знала Вилли (еще бы, первый в истории училища четвертый курс), начали скапливаться, с интересом ожидая развязки. Зеленеющий от злости начальник патруля пригрозил вызвать милицию. Вилли понесло: «Ты что, придурок, какой мент приедет по просьбе какого– то начальника патруля?!»

Отправив плененного Генерала в сопровождении патрульного по этапу к дежурному по факультету, порешили закончить спорный вопрос у дежурного по училищу. К счастью для Вилли, дежурным оказался представитель смежного факультета подполковник Веселов, который его в лицо не знал. Вот тут Вилли и разошелся. Призвав на выручку богатое воображение и оперируя знанием фамилий командиров рот и взводов, он вдохновенно поведал о том, что был отчислен с последнего курса по среднему за пьянку, отслужил в армии год и теперь мечтает восстановиться, сам местный и очень интересуется, какие нужно собрать документы. О чем и спрашивал у курсанта– третьекурсника, мирную беседу с которым так невежливо оборвал начальник патруля. Когда он завернул про все это, бедолаге начальнику патруля аж свело скулы, и дежурный по училищу отправил его от греха подальше нести службу. Задав несколько контрольных вопросов по «изложенному материалу» и получив удовлетворившие его ответы, дежурный по училищу отпустил изрядно протрезвевшего от экстрима Вилли на все четыре стороны.

На этом приключения не закончились. На лавочке ко-
нечной остановки крепостного трамвая сидел с гражданскими
друзьями Сэм и поджидал уже битый час Вилли, ушедшего на
минутку проводить Генерала. В ожидании трамвая к ним по-
дошел следующий из гостей в крепости начальник одной из
кафедр нашего факультета полковник Доннер и завел мирную
беседу со знакомым курсантом. Тут, смерчеобразно, на остано-
вку врывается Вилли, весь в растрепанных чувствах. Стремясь
предупредить его лишние эмоции, Сэм спрашивает: «Игорь, что
так долго?» Не рассмотрев, кто сидит на лавочке, Вилли в за-
пале орет: «Какое, на хрен, долго? Всех повязали! А я битый час
лапшу на уши дежурному по училищу вешал, еле отвертелся!»
И тут он увидел, кто попутчик. Немая сцена... Все сосредото-
чено, до прихода трамвая, разглядывают осеннее небо...

Я подозреваю – и дежурный по училищу прекрасно все
понял, и Доннеру большой поклон за то, что не дал дальше это-
му ходу. Они же понимали: мы это не со зла, просто адреналин
искал выхода в дурных наших молодых башках.

ТОВАРИЩ БЕНДЕР УМЕР

Вначале о ритуале возвращения из отпуска. У нас было
принято приезжать в последний день, и обязательно основной
части появляться в казарме только после того, как ротный и
курсовые плюнут и уйдут домой. (Вовремя приезжали лишь
вдрызг поиздержавшиеся и лишенные фантазии, правда, их с
каждым отпуском становилось все меньше.) И тут начиналось
самое интересное: дегустация напитков, привезенных из всех
городов и весей, до отпаду.

В тот день все было как обычно. Я встретился с Сергеей
Куциком где-то в недрах кубрика, выпили и разошлись, но
его сгубила передозировка – выпил меньше, чем хотел, но боль-
ше, чем смог. Ночью парень проснулся – плохо стало, решил
харчи метнуть, но помните наши форточки – здоровенные та-
кие? Так вот: одна створка была открыта, а другая – закрыта,
по странному стечению обстоятельств, но он этого не заметил.
С размаху бедолага пробил стекло и повис горлом на осколках.
Разбуженные нетрезвые товарищи сняли его, тщательно стя-
нули горло кожаным ремнем и отволокли в госпиталь. Там ах-

нули – задета ткань сонной артерии, сразу на стол, а Куцику плохо стало опять, он продолжил начатое у форточки, врачи орут... Смех сквозь слезы.

Но самое удивительное, что Куцик умудрился доказать, что он был кристально трезв, даже партийное взыскание не получил, он обладал уникальной способностью выбить слезу из начальства и заставить поверить во что угодно. У Сереги остался огромный шрам на шее, а мы его долго после этого звали «товарищ Бендер умер».

САМОГОН ОТ БЕЛЕНКО

Был в Чугуевке старший лейтенант Беленко, исполняющий обязанности начальника штаба эскадрильи. Он оказался засланным казачком и самолет в Японию угнал, МиГ «двадцать пятый». Техника по тем временам новая, японцы его разобрали под руководством америкосов по винтику. Потом, после улаживания дипломатических вопросов, собрали и вернули. Куда? Правильно, к нам в училище. Простоял он целикомым в аккурат до визита большого авиационного начальства, кажется, генерала Симбирцева.

– Памятник предателю? Разобрать!

Разобрали. Корпус – в ангар, двигатели и шасси – на учебный аэродром. Каждая деталь была помечена иероглифами (сборочный номер). Я пытался отпилить кусок с метками как сувенир, но – лень-матушка, сделал наполовину, а когда вернулся на следующий раз, понял, что кто-то оказался шустрой.

Мои знакомые хлопцы, из среднего по СД, проходили на аэродроме практические занятия, ну и вычислили, что если поднять козелками самолет (т.е то, что от него осталось) под определенным углом, то из массандрических емкостей можно слить пять–шесть литров спиртовой смеси, что они и сделали (Слава ДАТУ и ДВВАИУ – ведь неплохо учили!)... Естественно, нажрались и попались. А чтобы им не пришили политику – самолет, мол, из Японии, мало ли чего будет, решили они сказать, что пили обыкновенный отечественный самогон, который прислали в посылке.

Но на «губу» все равно сели.

О ЛЮБВИ К СТОЛОВОЙ

У нас был в роте курсант с устойчивой тенденцией: тянуло его к женщинам только из столовых, причем к официанткам. Первый раз был замечен в курсантской столовой оказывающим джентльменскую услугу: помогал подносить бачок с отходами. Дальше была бурная любовь-морковь и прочие закуски, пока родители, получив письмо «от сынку», не припухли и не пригрозили любимому чаду лишением доступа к салу и домашней колбасе. Любовь сразу угасла.

Второй раз, уже на стажировке, пал жертвой какой-то «Люси из летной столовой». Она ему пудрила мозги весь стаж – «ни-ни», не забывая при этом оказывать внимание другим, в том числе из их же сборной. Мужики собрались и давай ему вправлять мозги, но куда там – клиент упертый, как КРАЗ без колес: «Вам не дает – вот и черните почем зря». Тогда решились на крайнюю меру: отобрали военный билет, выдали только за день до отъезда, но наш пострел везде поспел – поспел и жениться, и все остальное.

Цирк начался после нашего отъезда: молодой муж получил кучу писем, в одном из них радовали – у нас будет ребенок, но его это как-то не взбодрило: он уже с одним из своих товарищей по стажу лечился от «семейной» болезни (по ведомству Акулова), ну, короче, понятно... Далее – показательные выступления: приезд авантюристки в училище, осада общежития с покиданием начкурса рабочего места через умывальник, лишь бы ее не видеть, жалобы всем замполитам и, наконец, прощальное пожелание любимому: чтобы ты в Афган попал...

Кто сказал, что снаряд не падает в одну воронку в третий раз? – Он неправ, это не настоящий вооружейник!

Попал наш герой на Дальний Восток, служил ни шатко ни валко в ТЭЧ, ханку не жрал, платил алименты, однако систематически стал пропадать. Однажды пропал при несении службы с оружием, стали искать, начальник его был ушлый, вычислил и привел группу захвата. Куда? Правильно, к дому официантки. Обыскали – нигде нет. Спрашивают у хозяйки: «Где наш орел?» Та: «Н-не знаю, не в сундуке же!» А сама на сундуке сидит. Но народ в авиации недоверчивый, привык все проверять и своими руками щупать, открыли – вот он, голубчик...

Сейчас фермерствует где-то на Украине, лет пять назад видели, слава богу – жив-здоров.

БОСТОН

Была в училище такая практика назначения младших командиров из числа солдат. Так вот, в славном дальневосточном гарнизоне Домбаровка тоже была разнарядка на поступление в училище. Не в обиду служившим там, жизнь и быт офицеров в том гарнизоне не вдохновляла солдат ехать поступать в военное училище. Но план есть план. Поэтому, намучавшись с Толей, его разбудили, вытащили из сопла самолета, где, по его рассказам, он любил спать, и отправили поступать в наше училище. Куда как солдат он успешно и поступил.

Кличку ему дали случайно – первоначально она звучала так: «Безработный Вилли, Мой Друг из Бостона», потом она трансформировалась в Бостон Брюинс. Краткий словесный портрет: под два метра роста, сутулый, покаты́й узкий лоб, как у неандертальца, ярко выраженные надбровные дуги и грязные вьющиеся волосы. Видом и аккуратностью он походил на бомжа, правда, мы тогда такую «партию» еще не знали.

Тем не менее он даже первым в роте женился. Свадьба заслуживает отдельного рассказа, упомяну лишь то, что на пороге ЗАГСа молодые обнаружили, что почему-то до сих пор им никто не подарил кольца. Свидетели побежали занимать деньги на кольца... Отец нашего Лысого, майор К., которого, на его беду, уговорили возить свадьбу весь день, обнаружил в багажнике бочонок солодового пива и, справедливо посчитав, что это его заслуженный гонорар, забрал его домой. В четыре часа ночи – удары в дверь и загробный голос: «Василий Васильевич, пиво отдай!»

Отчислять на моей памяти его хотели по разным причинам раза три и основательно, но все безуспешно.

Один раз он набрался наглости и пришел к новому Заму по МТО училища (старое руководство его знало и бежало от него как от чумы). И что вы думаете? Помните, было в крепости здание почты? Так вот, ему дали там квартиру, на беду проживавших рядом. Потом уже поняли, кого заселили, но было поздно. Толя трезвонил Заму и жаловался, что квартиру могли бы дать и получше. А жители крепости начали находить в подвалах домов вместо картошки записки: «Верну весной. Толя Б.»

Один раз в столовую заступили младшие курсы. Бостон, знавший там все ходы– выходы, прокрался и украл изрядную

часть говяжьей ноги, но сунуть ее куда– либо не соизволил и среди бела дня начал драпать с украденным мясом. Попав в поле зрения дежурившего в столовой прапора, на его крики: «Курсант Б., вернись, я тебя знаю, верни мясо!» – только как истинный последователь Паниковского, прибавил ходу. Что было дальше? Толя отхватил от ноги кусок на пять кг и пошел сдаваться властям. У меня сохранился кусок нашей ротной сатирической газеты об этом случае.

Помните, иногда, кажется по средам, нам давали некое блюдо из кислой капусты и картошки. По кислоте сравнить его было не с чем. Ощущение такое было, что упав в бачок алюминиевая ложка – растворится через пару минут. Основная задача была выловить в бачке оставшуюся целой картошку, остальное есть было уже проблематично.

За нашим шестиместным столиком мне «посчастливилось» сидеть почти напротив Толи. В тот день все было как обычно. Бостон сходил за индивидуальной пайкой на кухню – полной тарелкой того самого лакомства, к которому остальные практически не притрагивались, и начал священнодействовать над хлебом и маслом. Дело в том, что хлеборезы из солдат, булки, не заморачиваясь особо, надрезали на пять–шесть здоровенных кусков. (Лично я потом этот кусок разрезал еще натрое). Толя пододвигал к себе пару таких кусков. Затем наступал черед масла. Поначалу Бостон пытался брать масло первым, нервно разрезая общий кусок облизанной перед этим вилкой или просто хватая руками. Его тут же заставляли съесть все масло, а пять дней потом делили между собой без него. Поэтому доставалось ему все, из соображений гигиены, в последнюю очередь.

Далее составлялся бутерброд. Один огромный кусок хлеба получал сверху кусок масла и тут же прихлопывался вторым. Сия громадная конструкция клалась сверху на тыльную часть правой ладони и толкалась в открытый рот, как в паровозную топку. На узком лбу надувались вены, сузившиеся от удовольствия глаза подергивались поволокой, и – р– рраз! Срабатывал компостер, челюсти с лязгом смыкались, причем за раз откусывалось не менее половины этой конструкции. Но не всегда все было просто. Иногда в рот все это не пролезало, тогда в ход шел

указательный палец левой руки, который надавливал вниз на челюсть, с целью увеличения возможностей.

Пока все шло по обычной схеме, Толя задумчиво размешивал кусок сахара в кружке напитка «Бодрость», окуная в нее первые фаланги пальцев, которые оставляли на поверхности напитка пятна сродни нефтяным (он всегда так делал, пока кусок практически не растворялся), и примеривался к готовому бутерброду.

Вдруг я услышал всхлип, фырканье и шлепок. Что произошло? Толик отодвинул тарелку, в ней лежал монстр-бутерброд. Я не верил своим глазам: в первый раз Толя отказывался от еды! Оказывается, в этот раз и палец не помог – из обоих уголков рта стекала кровь. Так Бостон порвал пасть.

ЗАКОН АВИАЦИИ

В качестве вступления – сценка из полковой жизни.

Идут два «бывалых» технаря с утра на стоянку, за ними трусит молодой лейтенант, только из училища. Один технарь говорит другому: «Как же плохо после вчерашнего, Коля...» Второй отвечает: «Не говори, Вася, три на двоих – явно много». Сзади подает голос молодой: «Подумаешь – три бутылки массандры на двоих при хорошей закуси – ерунда!». «Бывалые» вздохнули, и один, не оборачиваясь, ответил: «Три литра чистого, сынок»...

Был в авиации такой неписанный закон, который заключается в том, что каждый наливает себе сколько хочет. Это натуральный самообман, который довел до «белочки» массу народа, особенно в удаленных от благ цивилизации «тупиковых» частях, таких, как моя первая.

В полки мы попадали, уже имея опыт употребления массандры и спирта – его привозили друзья со среднего, которые выпускались раньше нас, со стажировок и из полков. Да и на стажировке время даром в этом плане не терялось. На стаж мы попали в Правдинск, в то время там стояли еще Миг-25. Раскидали нас по эскадрам и другим подразделениям кого куда. Народ в основном туда не ходил, наш стаж попал на февраль, в самые морозы. Поселили в негодном для проживания помещении, впоследствии там была гостиница, температура вну-

три – чуть выше той, что на улице. Бутылка «Старки» Арзамасского завода, купленная в местном деревенском магазине под названием «Голубой», случайно упала (попала мимо внутреннего кармана моей солдатской технички), разбилась и тут же замерзла до льда! В силу не то чтобы особой тяги к техническим знаниям, скорее от природного любопытства, я регулярно посещал стоянку. Как выяснилось потом, все увиденное там и сделанное своими руками здорово пригодилось впоследствии.

Один раз стоянку очень сильно занесло, и чистить снег вышел весь техсостав: техники, механики, ну и я, стажер. После расчистки снега механиков отпустили, а меня стопорнули: куда, мол, стажер? – тебе с нами – в нишу. Зашел вовнутрь – оживление вокруг чайника и легкий шепоток: «на лимонных корочках – отлично». Банковал хозяин ниши – краснолицый техник самолета. Ехидно посмотрев на меня, спросил: «Будешь, студент?» Позволю напомнить, что у нас был первый выпуск по высшему, посему неудивительно, что обратились ко мне именно так. Отвечаю: «Почему нет?» Про упомянутый «закон авиации» я тогда еще не знал, а он льет и льет в солдатскую кружку. Ну, думаю, издевается, но ДВВАИУ я не посрамлю. Решил выпить всю – знай, мол, наших. У меня и мыслях – то не было, что можно живому человеку налить в кружку столько чистого спирта, думал – массандра. На закуску лежало пару кусков хлеба и два куска любительской колбасы, нарезанные так тонко, что разве не светились (был год Олимпиады, все фонды бросили туда, а «голодающее Поволжье» обделили в квадрате). Поднес ко рту кружку, в нише все живое замерло. Я глотнул, продолжаю и чувствую: губы обожгло, дыхалку вот-вот перекроет – подсунули спирт!

Что делать? Мгновенно приходит решение: лучше допить до конца. Что и делаю. Потом взял кружок колбасы, понюхал его, в нише по-прежнему гробовое молчание, повернулся к «доброму» хозяину и сказал: «Предупреждать надо, что чистый!» – повернулся и вышел вон, справедливо рассудив, что при такой дозе главное – доползти до койки, а это не шутки – два километра по морозу. В спину услышал: «Да – а, достойная смена»... Насилу выжил, зато больше столько спирта без закуски никогда не хотелось.

ТЕХНАРИ-ЗАМПОЛИТЫ – 1 : 0

В нашей школе прапорщиков служили два престарелых «перспективных» командира взвода – преподаватели, тоже Д-пилские, но «лохматых» годов, вот– вот уволят. Естественно, большие любители заложить за воротник.

Неутомимый замполит Коля Золотарев поймал как-то двух гонцов из числа будущих прапоров с пятью бутылками водяры, которую заключил в свой железный ящик типа сейфа, в нем еще хранились комсомольские документы: ведомости, печати «Уплачено ВЛКСМ» и т.п. Коля производил «разбор полетов» в присутствии одного из наших героев, ничего не боясь, так как он неоднократно хвастался: замок крутой, не откроешь!

В тот день начальник школы неосмотрительно поставил ответственными с ночевкой по ротам обоих друзей, возможно надеясь на то, что до полочки далеко. Но техническую мысль не убить ни одному, даже очень ушлому, замполиту.

С раннего утра были слышны вопли раненого зверя, а блаженно улыбающиеся пьяные лица «ответственных» почти не реагировали на бегающего вокруг замполита. Кроме того что они сожрали всю водку, они еще испортили все документы! Не мудрствуя лукаво, они раскачали и шваркнули об пол канцелярии ящик– сейф, водка разбилась, ее и слили. Правда, водка стала от печатей фиолетовая, но они клялись, что на вкусовых качествах продукта это не сказалось.

НАМ ПЕСНЯ СТРОИТЬ И ЖИТЬ ПОМОГАЕТ

Как-то послали два учебных взвода из Никулинского ШМАСА на овощебазу. Один под моим чутким руководством, другим верховодил Юра Голощапов, выпускник 15-й роты. Дорогое командование среднего уровня, инструктируя нас в подразделениях, в открытую ничего оттуда не просило, но в глазах командирских ясно читалось скудное денежное довольствие, сварливость жен и прожорливость чад.

На данной овощебазе за пару дней до этого побывал на оказании шефской помощи взвод будущих прапорщиков из нашего учебного центра. Надежды авиации ПВО, как и поло-

жено «золотому фонду,» удержу в экспроприации плодоовощной продукции не знали и на КПП были с позором разоблачены охраной. Вызвали администрацию базы, приезжало наше командование – в общем, скандал по полной выкладке. Что же нам делать? Вохровцы на проходной по виду звери натуральные, явно выкормыши Лаврентия Палыча. Проведя рекогносцировку, я было малодушно плюнул на все меркантильные соображения, но не таков был мой товарищ. Почесав затылок, он сказал: «Не бойсь – прорвемся без шмона, я отвечаю! Затаривай взвод по полной программе...»

По окончании работ построили бойцов для убытия. Метров за 30 до КПП Юра хорошо поставленным командирским голосом скомандовал: «Рота, строевым шагом – марш!» «Запевай!». И два взвода, чеканя шаг, грохнули: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Бойцы в старых бушлатах и грязных подменках сразу как-то подтянулись, полные пазухи и набитые картошкой вещмешки стали незаметны. Это шли не сборщики колхозного картофеля из подшефного ПТУ. Это лихо маршировали орлы ВВС!

Морщины и насупленные физиономии вохровцев как-то вдруг разгладились, один из них побежал отворять ворота, другой отдал честь и стоял как монумент, пока мы не миновали ворота проходной. По щеке старого служаки стекала скупая мужская слеза...

Вот так, воистину, выпускникам ДВВАИУ песня строить и жить помогала!

ЭКСТРИМ-КОМАНДИРОВКА

Наш 445 ИАП какой-то восторженный чудак (на букву «м») назвал «имени Ленинского комсомола». И действительно, средний возраст офицеров был около 25-27 лет. И выпуск с выпуском в горнило нашей богом забытой дыры кадровики, с подачи политрабочих, бросали молодежь с училищ, студентов, младших лейтенантов из ГВФ по контракту. Главной задачей и основной традицией офицеров гарнизона было попытаться срыть оттуда как можно быстрее и куда угодно. Народ поэтому был лихой и отвязный...

...Командировка на аэродром маневра как- то сразу не далась. В купе поезда Воркута – Москва, где мы ждали счастливого момента отправления на «Большую землю», завалился техник самолета Стеша – на то время наше эскадрильское несчастье, которое долго и нудно увольняли. Видок у него был сильно помятый, гудел он в городе явно не один день. По огню в глазах, тремору рук и свинцовому цвету лица было ясно, какой вопрос будет задан. У нас в загашниках «было» (как позже выяснилось, даже слишком много), и, приняв от нас выделенную из соображений человеколюбия дозу, он дематериализовался так же быстро, как и появился.

– Худой знак! – прокомментировал кто- то.

Если бы он знал, как был прав...

Бригада подобралась разношерстная: старший – техник звена, нудный и вечно всем недовольный, спецы – тихий забитый двухгодичник- студент, два орла – уроженцы Д- пилса Ленья и Леша, и ваш покорный слуга.

...Мчался с дробным стуком колес по просторам русского севера экспресс. Мерно покачивалась в такт, на фоне лесных пейзажей, разлитая в стаканах массандра... Закусив и немного приняв «на грудь», основной народ успокоился. Но не таковы были наши землячки Ленья и Леша. Первой их жертвой пал щедро накормленный халявной огненной водой старлей- зрвшник, он выпал на полку как-то быстро и уверенно, как ракета в заряжающее устройство. Майор внутренних войск, подсевший на каком-то перегоне, оказался немного крепче, но и его надолго не хватило. Выведя из строя всех вояк в окрестных вагонах, Ленья и Леша принялись за гражданских, но и этого им показалось мало. Остаток вечера они провели в вагоне-ресторане.

В нашем вагоне была проводница, по внешнему виду – ну чисто персонаж «Ширли-Мырли»: свалывшиеся волосы неопределенного цвета, униформа с грязным подворотничком и интригующая черная полоска от угля на невытой шее, в сочетании с неестественной худобой. Ленья свел с ней знакомство на почве проката стаканов; естественно, по доброте душевной и ей не раз было налито. Где- то ближе к двум ночи Лене резко понадобилась женская ласка. В поезде практически все уже спали, но он меня разбудил, чтобы озвучить это намерение. Я пожелал ему удачи, но сопровождать его искания отказался.

Не успев толком прикимарить, я вскочил от нечеловеческого вопля. Мелькнула мысль: Леню убивают! Друга надо выручать, не один километр с ним протоптали по болотам в поиске грибов и клюквы. Примчавшись и обозрев картину в служебке, я сначала впал в ступор, а потом загородил любопытствующим вход. Проведя экспресс-дознание, выяснил следующую цепь событий. Сил у Лени в своих поисках хватило только до служебного купе. Встретив проводницу, после недолгой (в два-три совместных приема спиртосодержащих жидкостей) переоценки ценностей, он все же решился сделать ей предложение интимного характера. Она без раздумий согласилась, и это было ее роковой ошибкой. Леня был из интеллигентной семьи и к тому же болезненно брезглив. Расчехлив бедолагу, как спарку, он обнаружил под несвежим бельем отнюдь не благоухающее тело. Нетрезвый ум подсказал решение: надо продезинфицировать! Сказано – сделано. Раздвинул ноги и – продезинфицировал спиртом из прихваченной фляги!

...Пострадавшую на ниве любви проводницу привели в чувство дополнительной дозой, о чем горько сожалели с утра – в нетопленном купе (вахта была пуста) стоял жуткий колотун. Больше всех пострадал майор: при его выходе на каком-то полустанке проводница вместо служебного билета спяну просто послала его куда подальше...

Проснувшись от грохота проезда через мост и вопля ресторанного халдея: «Ваша яичница с зеленым горшком в постель, сэр! Как вчера заказывали!», – выяснили, что проехали через Волгу, значит – Ярославль, пересадка.

Второй день командировки начался. Невыспавшиеся и злые, по дороге шипя на веселящихся Лешу и Леню, которым пару глотков чая было уже достаточно для повторного впадения в эйфорию, как колонна военнопленных, прошагали по центральной улице от вокзала до пивбара на площади Труда. Подобные заведения знали все офицеры нашего корпуса. Прибыв сюда за назначением, приходилось торчать в этом городе пару дней минимум. Округлые окна пивбара смотрелись довольно странно, серая массивная конструкция здания тоже не ласкала взор, зато внутри нас ждала родная атмосфера: на столах и стенах среди наскальной живописи резко бросались в глаза надписи ДАТУ, Савватия, Туношна, Бежецк и даже Д-пилс.

Приняв экзотического для наших мест по тем временам напитка – пива, вспомнили, что не купили билеты на проходящий паровоз до Бежецка, и вся процессия побрела назад. Загружаясь, краем глаза заметили, что в соседний вагон тоже села группа военных. Поезд медленно продвигался с частыми и долгими остановками (уже цивилизация, люди живут и спуют туда-сюда, мы уже от такого поотвыкли). Плацкартный вагон не без усилий нашей неугомонной пары жужжал как улей. Перед самым десантированием из вагона пошли все – таки выяснять, что это там за пассажиры – военные, оказалось – туношата – братья, вторая группа, посланная на переучивание из полка МиГ– 23 работе с «сушками».

Присланный за нами командованием Бежецкого полка «техавтобус» в виде ЗИЛ-131 тентованного со скрипом и скрежетом принял в свое чрево десяток технарей. Леша, за которым не успели уследить, умудрился надавать тумачков «косо и нагло посмотревшему на офицера прапорщику», дежурному по ВАИ. К тому моменту, как мы это заметили, прапор спешно ретировался, а Леша грозно помахивал боевым трофеем – отнятой полосатой палкой регулировщика. Затем размещение на койках в спортзале и начало братания личного состава: выяснение общих знакомых, тосты за содружество и ближе к концу застолья споры, чья матчасть лучше. Туношата оказались молодцы, припасли много вкусных домашних харчей, и застолье продолжалось довольно долго.

В моей программе посещения гарнизона Дорохово было всего два пункта: по-быстрому разобраться с уже подзабытой техникой и смотаться на пару деньков в Москву, где уже ждались друзья и подруги. Но, как всегда, планы одно – реальность другое. Коллега – вооружейник, знакомый по училищу, после рабочего дня зазвал в гости с ночевкой, поэтому остальные события рассказываю со слов действующих лиц.

Кроме меня и техника звена никто интерес к технике не проявил. В спортзале стоял дым коромыслом, особенно старались дорвавшиеся до вожделенного источника туношата. Слухи о том, что творится второй день в спортзале, медленно, но уверенно расползлись по гарнизону. Безмятежно «отрывающиеся» вдали от родных просторов мастера ШРниц и силовых

отверток не знали и не ведали, что по их душу уже готовится карательная операция.

На «сушках», конечно, тоже были и султыга, и спирт, но не в таком количестве, как на наших «летающих гастрономах». Почуяв запах халявы и лицемерно прикрываясь лозунгом наведения порядка на территории гарнизона, вечером группа захвата в лице замполита полка и группы поддержки сделала налет. В результате внезапного кавалерийского наскока из-под кровати Леша была изъята почти полная канистра (десятка) массандры. Наши не бузили: надо им эта гадость – «нехай окаянные понажираются».

Но тут вступила в действие третья сила: туношата дружно посчитали, что им плюнули в душу, и отбили у оторопевшего подполковника канистру назад. Обстановка накалялась с каждым мигом. С обеих сторон появились подкрепления, со стороны подпола – два зашуганных бойца с повязками «Патруль» и силящийся сделать серьезную мину старлей, их начальник. Командированная сторона усилилась проснувшимися. Техник звена, почуяв жареное, быстро дематериализовался. У туношат был свой неформальный лидер – Алик Балаев, жизнерадостный и эксцентричный техник самолета, после училища ГВФ бог весь какими ветрами занесенный в армию, ростом метр с кепкой. Вопрос с конфискацией канистры решился быстро. Встав грудь к груди подполковника, Алик, гневно сверкая снизу вверх глазами, задал вопрос, который поставил в тупик замполита:

– Товарищ подполковник, вы коммунист?

– Да, а что?

– Пойдемте за угол, разберемся как коммунист с коммунистом!

Подпол позеленел и молча ретировался... Через день мы уехали.

На нас послали «телегу» в корпус. «Отважный» техник звена до отъезда обивал пороги местного начальства с просьбой вымарать его имя. Меня, которого там действительно не было, из списка злодеев не вымарали, но в полку меня знали и, не поверив телеге, только пожурили. Леня с Лешиком обошлись выговорами от комэски и лишением права на командировки на

полгода. Алик Балаев закончил службу майором в Туношной. С техником звена после того случая все мы обращались, как с пустым местом...

Прошло много лет, сомневаюсь, что все персонажи сейчас живы, но все равно эту командировку никак забыть не могу!

БЕДА

В гарнизоне вечером витало нечто непонятно-гнетущее. Люди в технической столовой не гомонили, как воробьи, официантки работали хмуро и медленно, между ДОСов по дороге в общагу не попадались прогуливающиеся мамыши с чадами, и даже птицы не пели. Ветераны жаловались на давление. Было понятно: что-то грядет...

Недобрую весть в общагу принес чумазый базовский командир взвода РЭГТ по кличке «Тюрьма», прибывший домой задолго до окончания второй смены полетов. Два слова гулко упали на стол, полный соседей в его комнате, накрытый нехитрой закуской и графином массандры: «ЗАК сломался!»

В комнате наступила гробовая тишина. Испуганно звякнула задетая чьим-то конвульсивным движением общая вилка, прислоненная к сковороде жареной картошки. Свершилось! Трудяга «Зеленый змий» на базе «Захара», передвижной бездонный источник массандры и спирта, очередной реанимации не подлежал. Не выдержало сердце – накрылись оба бака одновременно. Гонца, принесшего плохое известие, вопреки средневековой традиции, убивать не стали, с робкой надеждой спросили: «Может, новый пригонят?» – «Нет, уже снимают резервный с консервации, выпаривают баки». Кто-то из молодежи испуганно ойкнул, остальные стали делать в уме несложные математические расчеты остатков СВС и чистого в личном пользовании.

Вся соль вопроса заключалась в том, что резервный ЗАК был до этого где-то у ракетчиков на разливе окислителя, и какое амбрэ было бы у спирта, несмотря на все выпаривания, все прекрасно представляли. Самолеты тут же раскочакали по спиртосодержащим до минимума и старались не дозаправлять «отравой» до последнего. Технота, глядя на красавцы «двадцать пятые», стоящие на ЦЗ, мысленно съезживала их до «сухих двадцать третьих» и тяжело вздыхала.

Прошло около месяца, запасы «живой воды» закончились даже у запасливых женатиков, векселя и расписки под светлое будущее никто уже не принимал. И вот, решившись рискнуть испортить канистру, в ту же героическую комнату общаги приволокли со стоянки десять литров «нового» СВС, логично рассудив, что разбавленная отравка менее вредна. Пробовать сам никто не согласился – специальности «камикадзе» не было в профиле обучения нашего училища. Но все же – дождались! В комнату запорхнул кряжистый и бесшабашный пожилой прапорщик с позиции по прозвищу Дед (Деды разные бывают, прошу не путать!).

– Дед, долбанешь?

Того (он был слегка подшофэ, где достал только?) взял кураж.

– Легко!

– Она с нового ЗАКа, порченая.

– Ну и в рот ей потные ноги! Наливай!

Сказано – сделано! Тишина – не хватало только барабанного боя. Глоток, второй, третий, все смотрят... (знаете, прапорщики пьют, по моим наблюдениям, ханку как-то по-особому, сосредоточенно и со вкусом, как в последний раз, типа – вдруг больше халявы не будет?) Наконец он отрывается от стакана и вытирает рот.

– Пошло!

Радостный вздох прошелестел по комнате. Прапор крикает и просит сигарету. Вдруг его резко скручивает, и он еле добегают до умывальника!

– Не пошло... Горестный одновременный вздох...

Пить ее решились только через месяц.

Ивкин Эдуард. Ник на сайте – тот же.

Родился в 1963 г. в семье офицера ДВВАИУ. Таким образом, судьба его была predetermined. Но он, обладая характером, решил судьбу переломить и поступил в Педагогический. Учиться там не смог – не потянул физические нагрузки – и после первого курса подался искать легкой жизни в военное училище. Один из немногих выпускников ДВВАИУ, которых небо приняло в свои объятия в буквальном смысле. Облетел на транспортных самолетах весь бывший Союз вдоль и поперек, что не могло не отразиться на его рассказах на сайте. Живет и работает в Клину.

ВОСПОМИНАНИЯ О КРЕПОСТИ МОЕГО ДЕТСТВА

Сам я в крепости вырос с 1969 года. И хорошо помню старый штаб училища в левом крыле школы, плац на территории, где сейчас спортивная площадка бывшей школы (и ее уже нет). Помню, как в ночь перед выпуском нам, пацанам, родители категорически запрещали выходить вечером на улицу, так как стояла страшная канонада.

Помню, как выпускники катали пушку по территории училища, которая сейчас является памятником в жилой зоне, и расстреливали из нее чипок. Помню, как курсанты увлекались авиамоделизмом и на плацу пускали кордовые модели.

А еще хочу попросить прощения, пусть и с опозданием в три десятка лет, у курсантов первого факультета, у тех, кто прятал спиртное в вентиляции между корпусом физики и ангаром с самолетами: это я с друзьями слямзил. Но это от глупости, а не со зла, – было нам тогда лет по десять.

Еще вспомнилось, как однажды возле казарм первого факультета курсанты сдавали физо – подтягивание и подъем переворотом. И вот один боец повис, как сосиска, и ничего у него не получается. Мимо идет заместитель начальника училища, не помню уже его фамилию. Так вот, останавливается он у турника и так по-отечески: «Что, товарищ курсант, не получается?» Курсанты народ добрый, из второй шеренги: «Сами

бы попробовали!» А он: «Да не проблема» – прыгает на турник и давай крутить «склепки», «колесо»... А полковник-то еще воевал в Великую Отечественную. Кстати, хочу сказать: мы пацанами ходили на турники зарабатывать себе на мороженое. После сдачи физо в песке под турниками всегда можно было найти копеечки, выпавшие из курсантских карманов после подъемов переворотом...

Да, все мое детство прошло вместе с курсантами. Особенно когда отец был командиром взвода, но это было еще до школы. Я помню времена, когда на аэродроме стояли турбовинтовые самолеты, а часовые стояли на вышках по периметру аэродрома.

И история. Приехал ко мне друг из города Петя Римша, попросил сводить его на аэродром училища и там пофотографироваться. Мы, пацаны, народ шустрый, залезли на аэродром со стороны валов, ну и фотографируемся. Тут из-за самолета курсант-часовой с карабином наперевес, кричит: «Стой, стрелять буду!» Ну, в общем, привели нас через караулку в комендатуру, во владения коменданта майора Лещенко. Тот, устроив нам допрос, берет фотоаппарат моего друга и говорит: «Ну-ка, давай посмотрим, что ты тут нафотографировал?» Открывает фотоаппарат и достает пленку. Каково же было его удивление, что на пленке ничего нет! Каково же было наше удивление, что такой большой дядя и не знает, что пленку проявлять надо! Потом пришел особист, вызвали моего отца... Отец, уже дома, включил ременную передачу... Это я уже взрослым понимать стал, что могли нас и грохнуть на посту. А тогда вся крепость и прилегающие окрестности были нашей игровой площадкой...

И в заключение опять про память. Я думаю, наши воспоминания, возвращая нас в нашу молодость и детство, помогают нам быть молодыми. Мы стареем только при взгляде со стороны. А в душе всегда чувствуем себя теми пацанами, которые посвятили свою молодость курсантским будням. И когда проводятся встречи, ловишь себя на мысли, что перед тобой все те же, пусть потолстевшие, полысевшие и слегка постаревшие, но те же твои товарищи – курсанты. Слава курсантам ДВВАИУ! Да здравствует наша юность!

ЛЫСИНА И СПИРТ

Наша летающая лаборатория Ан-26 с экипажем никогда не покидал родной аэродром без двадцатилитровой канистры спирта. Главным предназначением данной жидкости был блистер штурмана, вернее, его противообледенение. Но на моем веку не встречались штурмана, которые позволяли себе истратить хоть грамм драгоценной жидкости на эту процедуру, то есть попросту выпрыснуть спирт в атмосферу. И девяносто девять процентов спирта расходовалось «по назначению».

1988 год. Страна все еще продолжает бороться с пьянством. Ваш покорный слуга в одной из первых командировок на Новую Землю, везем чинов в папахах от ракетных войск стратегического назначения. Прилетели поздно, и нас всех вместе расселили в гостинице. Экипаж, как всегда, быстренько сообразил на стол, командир дает команду пригласить пассажиров к столу и выставляет чекушку водки, из резерва, в надежде, что порядочные гости должны ответить тем же. Не ошибся! За первыми тремя тостами быстро закончилась водка, и командир дает команду : Ликер «шасси» на стол! Стратеги удивленно спрашивают: «Что это – спирт?» Мы: «Да». – «Медицинский?» – «Нет, наш, авиационный». – «А не боитесь его пить?» – «Да всю жизнь пьем!»

И в это время встречает в разговор наш бортрадист, замечательный человек и юморист по жизни. И говорит: «Да можно его пить! Только если спирт хороший – то ничего, а если плохой, то волосы от него выпадают». А надо сказать, что у нашего бортрадиста была огромная лысина, но он ее маскировал. Уж очень он любил девушек, а лысина ему явно мешала в искусстве обольщения, и поэтому он носил дорогой парик.

Так вот, вечер командировки прошел в отлаженном русле...

Наутро наблюдаю в умывальнике картину: моется, по пояс, наш бортрадист (без парика!). Вдруг входят наши пассажиры-ракетчики и удивленно, и даже с ужасом, смотрят на лысый череп прапорщика. Тот улавливает взгляд старших офицеров, промакивает полотенцем лысину и с серьезным лицом выдает:

– Да, хреновый спирт вчера был...

Реакцию ракетчиков описать не берусь – трудно...

Слава конструкторам и химикам, кто придумал столь замечательный способ охлаждать РЛС и радиостанции. И столь замечательную противообледенительную жидкость!

ПИВО ПЕННОЕ

Расскажу историю про длительные перелеты, пиво, туалет и счастливые лица. В сентябре 2002 г. отправили нашу летающую лабораторию с проверкой и облетом средств АСУ и связи Балтфлота в город Калининград. Так как с Литовской республикой договориться о транзитном пролете не получилось, решили нас отправить нейтральными водами по Балтийскому морю. С собой приказали взять с нашего аэродрома Левашова – генерального конструктора, со свитой и плюс комиссию. Всего на борту оказалось шестнадцать человек. Генеральный для комиссии расстарался: взял с собой четыре ящика пива «Степан Разин» и пять бутылок водки. Так как лететь пришлось на минимально безопасной высоте, чтоб не сечь международные трассы, время полета составило более четырех часов.

Летели весело. То ли на радостях, что вырвались со службы, то ли в честь перелета, но «наука» и комиссия круто накушались, и во второй части полета наш бортовой «биотуалет» – обыкновенное ведро – оказалось полным под завязку. (Я всегда обращал внимание, что выпиваешь пол-литра пива, а выделяешь гораздо больше.) Но никто из пассажиров об этом не подумал, а пиво и водка на халяву особо вкусны... В общем, при полете к Калининграду пивная пена в глазах пассажиров видна была уже выше зрачков. После посадки не успели встать винты, командир открыл рампу, так народ друг друга чуть не передалвил... Такие счастливые глаза я крайний раз видел при получении денежного довольствия после трехмесячной задержки...

Летайте самолетами транспортной авиации, но не забывайте взять с собой пластиковый биотуалет!

Кстати, о био-туалетах. Есть закон на самолете: кто первый посещает ведро, тот его и выносит. Но в последние времена моей службы появились на борту молодые специалисты-хитрецы, которые с собой берут полторалитровую бутылку. Туда и ходят помаленькому. А потом бросят на рампу, а механик за ними убирай. Решил командир отучить таких хитрецов. Попросил меня, как только кто пойдет в туалет с бутылкой, сообщить ему по СПУ. И вот после трех часов полета смотрю – молодой штурман пробирается к рампе. Я, как договорено, командиру: «Клиент на подходе». Он мне говорит: «Как процесс пойдет, мне сообщи и

держись крепче». Все, конечно, понимают, что горлышко бутылки довольно мало и надо иметь большое умение и желание, чтобы заодно не «помыть» руки. Так вот, только штурман начал свое дело, я – сигнал командиру, а он самолет резко влево, потом вправо и на пикирование. Я думаю, даже человек, далекий от авиации, легко представит последствия таких действий...

А штурману пришлось переодеваться.

СЛУЧАЙ В ВОЗДУХЕ

Возвращались мы в 1989 г. с аэродрома Талаги, Архангельск. Подсадили к нам техников с местного полка с какой-то ответственной задачей: то ли забирать свой самолет из Ржева, то ли сдавать в ремонт. Так как Клин все же ближе к Ржеву, чем Архангельск, народ с трудом нам навязали. Надо отметить, что перевозка личного состава на самолетах-лабораториях категорически запрещена.

Летим. При подходе к Московской зоне РЦ сообщает, что Клин закрылся по шторму, рассчитывайте посадку на запасной, Бежецк. До Бежецка еще час полета, есть время подготовиться. И тут начинаются наши приключения. Первым задымил пульт управления РСБН-2, почти сразу отказал АРК, второй комплект. У штурмана испарина на лбу. При подходе к Бежецку дежурный РП с земли запрашивает нас, какой у нас запасной аэродром. Мы ему: «Бежецк». В эфире пауза. РП запрашивает: «А сколько у вас топлива?» Командир: «А с какой целью интересуетесь?» РП отвечает: «У нас гроза, и условия хуже минимума» – и предлагает вернуться в Ленинградскую зону. Надо отметить, что пока мы по маршруту обходили грозы, (а при вылете выполнили неполную заправку), топлива у нас было впритык – дойти до дома. Командир требует разрешить посадку. Руководитель намекает на личную ответственность командира. Командир соглашается, и РП дает добро. С первого раза штурман ошибся на триста метров левее полосы. Идем на второй круг – опять мимо! Командир заерзал в кресле и дает команду застегнуть ремни парашютов, со словами: «Если сейчас не попадем – набираем высоту и прыгаем». В кабине пауза и немой вопрос: а как же пассажиры? Командир, понимая немой вопрос, сам говорит: «Распределим пассажиров

среди худых членов экипажа, и будут прыгать тандемом...»

Получив приказ, я, как положено, зашел в салон, где были пассажиры, и без задней мысли взяв парашют себе и начальнику, пошел к рампе надевать парашют, понимая, что одним из «тандемщиков» буду я (вес в те времена у меня был шестьдесят пять кг). Когда я надел подвесную систему и повернулся лицом к салону... Надо было видеть лица наших пассажиров! Нет, это не были испуганные лица паникеров. Просто какая-то безнадега... Они-то про тандем не слышали!

Посадку мы выполнили только с четвертого раза. Вечером в гостинице все нажрались «в сиську»...

А утром к самолету пассажиры не пришли. Уехали автобусом в Тверь. Правильно говорят: «Хочешь прибыть быстро – лети самолетом, а хочешь вовремя – езжай поездом!»

КАК Я БЫЛ ВТОРЫМ ПИЛОТОМ

Вспоминаю своего первого командира экипажа Василия Александровича Мажникова, который по увольнению обещал нам написать книгу о командировках и назвать ее «Командирон». Итак, еще одна история из командировочной жизни экипажа самолета-лаборатории Ан-26.

Конец 80-х годов, отправляют нас в командировку на Дальний Восток. В общих чертах: перелет Клин – Южно-Сахалинск, в среднем трое-четверо суток, и так как летишь навстречу солнцу, в основном посадки глубокой ночью. И чтобы удлинить полетное время экипажа (время, которое экипаж может находиться в воздухе за сутки), командование в состав экипажа включило левым пилотом молодого командира, а на правую чашку – опытного летчика-инструктора. И так же поступила штурманская служба.

Главная задача экипажа в командировке на нашем самолете – проверка средств ПВО на бдительность и снятие точностных характеристик локационного поля и еще ряд специфических задач. Так вот, добрались мы до Сахалина. Сентябрь месяц, золотое время в тех местах. Во-первых, путина: рыба идет на нерест, и икру в те времена там не заготовливал разве что самый ленивый. Заканчивалась горбачевская перестройка, и во время путины в тех местах была большая проблема

со спиртным. Мы это знали и заправились спиртом, сколько смогли. А меняли бутылку спирта на килограмм икры. И вот после очередного облета, узнав, что на следующий день полетов не планируется, решили мы отдохнуть на берегу речушки с шашлыками из красной рыбы. Славно посидели и, как это часто бывает у опытных летчиков после очередной чарки и трехнедельного воздержания, потянуло к женской половине, и удачно потянуло.

Молодую часть экипажа в приказном порядке отправили в общагу, на всякий пожарный. И конечно, этот самый пожарный случай накаркали...

Рано утром прибегает посыльный: экипажу срочный вылет, «добро» есть, завтрак с собой, врач у самолета. Что делать? наших старших товарищей нет, и «явки» свои они не сдали. Не выполнить приказ сверху – это катастрофа. И молодой командир принимает решение – летим! Проходим врача, командир командует мне: садись на правую чашку, а то с СКП заметят, что в кабине пусто! Ну как не выполнить указание командира? Идем на взлет!..

Далее рассказ от имени нашего опытного летчика-инструктора. «Раннее теплое утро, сахалинский восход солнца неопишуемой красоты. Выхожу я на крыльцо частного домика, с романтическим намерением, как в известной песенке, покидать камешки в пролив Лаперуза, и... мать твою – взлетает самолет с нашими номерами!» Опущу все дальнейшие выражения и мысли наших дедушек авиации...

Отработали мы удачно. При заходе на посадку РП дает команду – после посадки в конец полосы и открыть рампу. Мы поняли: там нас ждут наши «пропажи». Все сделали как надо, запрыгнули они на борт, подруливаем к стоянке, а там нас уже встречает все руководство – кто-то уже «просчитал», а может, и настучал... А мы все тут, как положено по штатному расписанию! Еще раз убедился я, что в дружном экипаже нет разделения между летчиками и техниками.

О РИСКЕ

Конец девяностых годов. Это было время, когда государство вспомнило, что офицеров надо хоть слегка кормить, но денег на керосин и тем более на командировочные расходы не хватало.

Мы уже сороковые сутки в командировке на Дальнем Востоке. Сидим в Новосибирске, на пути к дому. Командировочные закончились еще в Центральной Угловой, в середине командировки. Канистра из резерва штурмана пуста, лица родного экипажа до тошноты друг другу надоели. Нас уже третьи сутки никто в европейской части России не берет, и главная проблема – нет керосина! И вот нас берет Оренбургский полк, полк братской дивизии ВТА. Все рады, кроме штурмана. Выдает он нам: «Командир, недолетим – топлива не хватит!» Командир: «Сколько не хватает? Штурман: «Шестьсот килограмм». Командир подумал и выдает: «Будет тебе шестьсот килограмм...» Пока шли к диспетчеру, штурман весь изнылся об опасности перелета, о ветре, о перегрузе. На что ему командир выдал: «На панель ТЫ пойдешь?! Экипаж я кормить с каких ... буду?»

Ну, в общем, штурман сломался. Запустились от АПА, причем один движок, и на исполнительный старт, перед полетом запустили второй, и сразу на взлет. Метео нам выдало, что до удаления сто от Новосибирска будет встречный ветер, а потом попутно-боковой. Но, как всегда, метео ошиблось... Но главное, штурман от волнения блуданул и направил нас северным коридором, что на пару сотен километров дальше. На подлете к Оренбургу загорелись красные лампы аварийного остатка. Командир командует борттехнику: «Вырубай правый движок!» Бортовой, расширив глаза, выполняет приказ. Командир запрашивает дежурного летчика разрешение на посадку с прямой (то есть не строя предпосадочную «коробочку»). Время три часа утра, и РП дает добро. Посадка, и на пробеге вырубаются второй движок! Самолет ныряет в ближайшую рулежку, и мы останавливаемся...

Тот же экипаж, тот же самолет, но летим мы из Васькова, что под Архангельском. Подсаживают нам двух полковников, летчиков-инструкторов из Москвы. Все хорошо, летим. Попутчики в папахах обсуждают полеты за чашкой коньяка... Подходит к концу второй час полета, чувствую, что-то не так: в кабине суета. Накинув телефоны на уши, понимаю, что загорелась лампа «СТРУЖКА В МАСЛЕ». Командир вырубает двигатель, дает команду штурману рассчитать путевую, вес и все, что полагается, чтоб принять решение – идти дальше до

мой или на вынужденную посадку на ближайший аэродром. Принимает решение – идем домой.

Тут господа полковники, разгоряченные виртуальными полетами и коньяком, решили оценить красоту вечернего неба с борта Ан-26. И «приятно» удивляются, видя безжизненно повисший винт правого двигателя. Скажу честно, это довольно грустная картина. Мало что винт стоит как вкопанный, так еще на нем образовалась снежная борода. Полковники в панике бросаются в кабину. И требуют объяснения у командира, напирая на то, что они полковники и летчики-инструкторы. Командир их долго не слушал, а приказал покинуть кабину. А те дают авторитетом...

В то время летал с нами радистом «мальчик» ростом чуть больше двух метров и с кулаками размером с пивную кружку. с летной фамилией Крылышкин. Командир по СПУ приказывает ему, как он говорил, при свидетелях и под запись на магнитофон: «Радист, выкинь их из кабины к едрене фене, разрешаю силой!» Радист, добрейшей души человек, хотел все сделать полюбовно. Но не тут-то было – полковники давят... И тогда радист с размаха первому в лоб – тресь! Нокаут. Второй с воплями: «Уволю!» – ретируется в салон...

Мы спокойно дотянули до дома. Надо был видеть, как господа полковники через несколько дней извинялись перед экипажем...

А мы своему командиру всегда верили.

*Борисов Сергей. Ник на сайте – сергей.
Родился в 1967 г. в семье офицера. На факультет вооружения ДВВАИУ поступил с юношеской идеей фикс: изобрести жидкий взрыватель для жидкой взрывчатки. Со временем стал приземленнее и понял, что Гераклы приходят и уходят, а конюшни остаются. После окончания ДВВАИУ служил за сучив рукава в самой Домбаровке. Сегодня уверен, что в глухих гарнизонах люди добрее, человечнее и порядочнее, чем где бы то ни было. Но всех почему-то тянет в столицу. Активный участник и организатор встреч и мероприятий выпускников нашего училища. Живет и работает в Москве.*

О ФАМИЛИЯХ

В 80-х годах стали у нас делать интернациональную армию, и поэтому люди из братских республик (Закавказье, Средняя Азия, Молдавия) поступали за красивые глаза (то бишь без экзаменов). И у нас в роте такие были, одного из них звали Саша, а фамилия его была Дима.

На занятиях, как вы помните, когда преподаватель не знал фамилии курсанта, он показывал на него и говорил: «Товарищ курсант...?» – и делал паузу, а тот должен был сказать свою фамилию. И вот часто было, что поднимает Диму преподаватель: «Курсант...?» – пауза – а тот вскакивает и, довольный (обкатал программу!), откликается: «Дима!» Препод уже строже: «Курсант?!..» – «Курсант Дима!» – а говорил он с молдавским акцентом. Все, довольные, следят за этим представлением, офицер закипает, а Дима безмятежно улыбается... В конце концов преподаватель кричит: «Да что зовут тебя Дима, я уже понял давно! А фамилия-то какая?!» – «Нет, зовут меня Саша, а фамилия как раз Дима и есть, товарищ полковник». Все ржут, полковник хватает классный журнал, находит фамилию и... успокаивается.

Сейчас Дима военный прокурор. Значит, хорошая у него фамилия.

О РОДСТВЕННИКАХ

Был у нас на 2-м факультете начальник кафедры полковник Ларченков. Хороший был человек (царство ему небесное), а сын его Димка учился с нами в роте. Так вот, читает отец лекцию, а читал он спокойно, поэтому некоторые несознательные засыпали на его лекциях. И сын однажды тоже не выдержал нагрузки и уснул крепким солдатским сном, аккуратно уложив шапку под голову. А батя узрел – и, как положено: «Курсант Ларченков!» В ответ – тишина. Он громче (уже кричит): «Курсант Ларченков!!!» Того толкают под бок, Димка вскакивает сонный и, ничего не понимая: «Что, папа?!» – «Какой я тебе, на хрен, папа?!» Димка окончательно проснулся, а все остальные выпали в осадок...

Сейчас Димка сам уже полковник, но, когда собираемся, часто вспоминаем эту историю...

НА СТАЖИРОВКЕ

Заводская стажировка после четвертого курса у нас проходила в красивом городе Киеве, от этой поездки остались только хорошие воспоминания.

После обеда мы любили заходить в кафе «Арагат», где можно было покушать и выпить пиво, но это происходило не всегда – в смысле, пили пиво (и не только) мы всегда, но и другие заведения города Киева посещали.

И вот однажды сели мы в каком-то типичном летнем кафе с грибками, пластиковыми столами и стульями. Взяли по паре стаканов пива, какие-то чипсы с сухариками, в общем, расположились.

Смотрим, в нашем направлении движутся двое товарищей – уставших, по лицу видно, измученных нарзаном, но со следами интеллигентности. Сначала подходят к стойке, потом, обиженные – им не дали посуды – отходят, смотрят по сторонам и к нам приближаются: «Извините, что к вам обращаемся, но ситуация сложилась так, что денег нет, а посуды не хватает» И достают из кармана «мерзавчик» и стаканчик: «Господа, позвольте воспользоваться вашим стаканом, – и показывают на тот стакан (в центре стола), в котором торчат салфетки, – у нас в наличии всего один».

Да какие проблемы, ребята, тем более раз вы такие вежливые! Один из них вытаскивает салфетки, кладет на стол, а другой ставит второй стакан, открывает бутылку и ровненько, по-братски, с волнением (как я говорил, уставшие они были) разливают бутылку на двоих.

Берутся за стаканы и... фатер-матер, а стакан-то привинченный оказался к столу! Один клиент стакан запрокидывает, а второй смотрит с ужасом, как под его стаканом появляется лужица... И смех и грех: мы засмеялись, а у человека горе. И тогда он обращается к нам, почти со слезами на глазах: «Ребята, заберите, пожалуйста, свои стаканы». Мы быстренько убрали стаканы, а он взял аккуратненько столик в руки, приник ртом к вожделенному стакану и поднял стол. Ну, мы, конечно, не сволочи последние – стол ему поддержали – посодествовали как могли...

Ну и человека на миг счастливым сделали!

Как-то в Киеве пошли мы в магазин за горячительными напитками. Сами понимаете, захотелось покушать, а на сухую как-то не елось (но хотелось!), а тогда, как вы помните (в 1988 году), уже были напряги с этим делом, так как Горбатый затеял борьбу с пьянством и алкоголизмом.

Пошли мы в магазин – человек восемь, чтобы больше взять. Очередь стоит человек сто, мы двоих своих пропихнули поближе к заветной двери и сами рядом стоим – очередь контролируем.

Народ берет там: две водки и восемь пива или ящик пива и три водки, ну не мелочится, короче. Тут наша очередь подходит, и Сева, мля, заявляет продавщице: «Мне, пожалуйста, ящик водки и три ящика пива, чтобы десять раз не ходить!» У продавщицы аж челюсть отвисла: «Не много тебе будет?», а Сева: «Так я же не один, нас вон сколько!» И мы давай кричать и махать руками, изображая массовость.

Хорошо, народ там был понятливый – да это же военные, мля! Ну и продавщица заулыбалась: «Военные, так что же вы сразу не сказали, ребята? Отдыхайте на здоровье!»

Да, тогда еще любили армию и уважали.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Расскажу про возвращение группы курсантов с заводской практики, из южного города Баку в славный город Даугавпилс.

Возвращались мы как большие, то есть сами по себе, без присмотра офицеров. Билетов на поезд в кассах не было (как и везде в южных городах), пришлось воспользоваться услугами местного спекулянта.

Коля Баранов (старший нашей группы, сержант) подошел к нему и спросил про билеты.

- Брат, какой базар, четвертной сверху и все!

- Вот двадцать пять рублей, потом вынесешь билеты, получишь остальное.

- По рукам! - и в кассу шнырь.

Ждем пять минут, десять, пятнадцать, а ожидание, сами знаете, утомительно. Наконец выходит, выносит билеты. Коля проверяет, все нормально, доплачивает по прейскуранту до полной стоимости. Спекулянт: «А где еще четвертной?!»

Ну и тут, откуда ни возьмись, выходят остальные пятнадцать человек! И все мы дружно - сквозь зубы, но с улыбкой на лице - говорим ему с нажимом: «Спасибо!» Типа, иди отсюда, пока не схлопотал!

Как вы понимаете, брат все понял и быстренько ретировался.

В общем, сели мы в поезд, вагон плацкартный, воды в туалете, как всегда, нет, на дворе июль – жара. А так как возвращались мы после месяца практики (половина которого прошла в Киеве), то денег уже не оставалось. Соответственно, постельное белье мы не брали, а матрасы нам по такому случаю проводники не выдавали. Около вокзала купили на всех хлеба несколько буханок и четыре батона вареной колбасы – другой не было. Поехали.

Тянем время, есть не садимся. Ладно, давай пожрем, что ли? А продукты хранились у Мартина, взял он и, как в годы войны, поделил каждому по-честному колбаски и хлеба. Поели.

С трудом дотянули до следующей трапезы. Поели. Подремали. Чувствуем - вроде, запашок какой-то новый появился.

- Мартин, давай колбасу от греха подальше стрескаем, - говорим ему.

– Нельзя! Нам еще долго ехать!

Низя, так низя! В общем, дотягиваем до очередного перекуса. Мля, епрст и еклмн! – а колбаса-то испортилась!

Со слезами на глазах где-то под Харьковом выбросили два батона вареной колбасы!

Хлеб доели. Пить нечего...

Едем дальше. Народ в вагоне пиво пьет, лимонад, а нам, типа, не охота – мы же авиация! Фрукты-овощи народ жует с аппетитом, а нам по барабану – мы же из ДВВАИУ!

Проехали Харьков. Голодные как сволочи. Уже видения от жары и голода начинаются. Остановка. Станция Белгород, кажется. Поезд стоит минут двадцать. А в соседнем плацкартном отсеке ехали два мужика – и так нормально ехали: водочку пили, «Буратиной» запивали, курочку трескали, яйца, овощи свежие, колбаску домашнюю... В общем, духан стоял неописуемый! А мы голодные на полках лежим, не шевелимся, уже силы нас оставлять начали потиху...

И, значит, станция. Мужики уходят. Кто-то в окно смотрит и говорит – а мужики вроде насовсем ушли. Начался диспут – а если не насовсем? А если покурить? Да нет же – вон в город отправились.

Ну, что долго говорить – мы же люди дела! Сейчас проверим! Глядь – водки на столе нет, какой-то пакет лежит и остатки закуси. Раз и сумок нет под сиденьями – ну значит, точно ушли! Мы же не знали, что они без сумок были...

Кто-то крикнул, типа: «Толпа, налетай!» И, что характерно, никого не пришлось уговаривать!

В общем, остатки закуси и то, что было в пакете, мы оприходовали за несколько секунд. Помню, еще «Буратину» по глоткам на всех поделили. И довольные, с чувством выполненного долга, легли на свои места. Поезд тронулся, мужиков нет – значит, правильно сделали!

А тут как раз и наши соседи нарисовались с бутылкой водки. Оказывается, они водку в городе покупали у таксистов, чтоб догнаться. Ну, мы же не знали...

Надо отдать тем мужикам должное – ничего они нам не сказали и пошли пить свою водку в вагон-ресторан.

А наш коллектив начал рассасываться помалу: кто вышел в Харькове, кто в Орле, кто в Брянске, кто где живет.

В общем, наш старшой Коля Баранов вышел в Брянске, а потом на машине нас догнал на следующей станции - взял дома денег, купил два пакета с едой и питьем и привез! Это был момент большого курсантского счастья. Дай бог ему здоровья! Ну и мы, конечно, оторвались по полной, тем более что Коля не забыл в пакет положить литровую бутылку самогона.

Слава ДВВАИУ и нашим верным товарищам!

УГОН

Полковник Чавпилов, которого мы ласково называли Чапа, был колоритной личностью. Он преподавал у нас электротехнику, мужик был хороший, но всякие смешные ситуации, по иронии судьбы, вечно крутились вокруг него, словно карма у него такая была.

Какой-то урод отремонтировал 338-ю аудиторию в нашем корпусе так, что длина кафедры (возвышения) была на полметра меньше длины классной доски. Так вот. Обычно Чапа с упоением писал формулы на доске и при этом входил в такой раж, что мел летел в разные стороны кусками. Спать было совсем невозможно от этого грохота. Глаза уже слипаются, и вдруг: трах-тарарах! Несколько полусонных курсантов вскакивают испуганно: что случилось?! Упал бедолага, но уже встает, потирая бок... И так из-за преподавательского экстаза он терял пространственную ориентацию не один раз. Но когда поднимался, то неизменно говорил:

– Вот все у вас на втором факультете так! На соплях держится!

Мы, конечно, реагировали дружным смехом.

Однажды он сломал указку пополам, когда что-то эмоционально объяснял на лекции, и потом, конечно же, добавил, что все у нас на втором факультете держится на соплях!

Еще прикол был на лекции. Чапа читает лекцию, мечтательно уставившись в стенку: «ДИД 0,5 – такой ма-аленький двухфазный инерционный двигатель...» И вдруг из задних ря-

дов раздается хамский голос: «А нах он нужен?»

Но вопрос задается с заинтересованностью в голосе, и преподаватель мгновенно покупается на интонацию: «Ну, он много где применяется в авиации...»

Забавная история с ним случилась в 1986 году, когда он поехал вечером в кинотеатр «Октобрис» - на своей машине - посмотреть какой-то фильм. Посмотрел. А потом сел на трамвай и уехал домой. Как будто так и надо. А про машину забыл.

Дня через четыре идет в гараж за своим авто, открывает ворота и - о, ужас! - машину сперли! Бежит домой, звонит в ментовку, так мол и так, машина такая-то - украли, сволочи, советского офицера обворовали!

– А какой госномер, говорите?

– Да такой-то и такой!

– И на правом крыле царапина есть?

– Да!

– А мы-то думаем, что за чудак, блин, свою машину у кинотеатра бросил и четыре дня про нее не вспоминает?!

В 1994 году, уже будучи в запасе, я встретил Чавпилова рядом с одним кафе в Даугавпилсе, подошел к нему, представился... В общем, выпили мы с ним водочки, многое повспомнили... И про «угон» у «Октобриса» он мне подтвердил тоже!

Расчувствовались мы тогда, даже обнялись на прощание...

Спасибо нашим учителям! Слава ДВВАИУ!

ПЕРЕПОЛОХ

Спирт технический (и спирто-водяные смеси) – это то самое святое в авиации, про которое можно сказать, перефразируя классиков марксизма-ленинизма: «Мы говорим спирт – подразумеваем авиацию, мы говорим авиация – подразумеваем спирт!»

Помню, попал я после училища на МиГ-21, а в родном ДВВАИУ обучался я на «изделие 01» (или, как говорили в то время иностранные шпионы, МиГ-31). И вот прихожу на службу, а начальник группы спрашивает: «Какую матчасть учили?» – «МиГ-31!» – «Да это то же самое, только одной цифрой и отличается! 21 или 31 – какая разница!»

Потом попал на Миг-23, спирта особо не было, но коллектив в основе своей был веселый.

...Идут полеты, прибегают Витя Петровский, на такие вещи - типа отбой полетов - у него всегда нюх был:

– Полеты сейчас зарубят!

– Да ты что, с какого? Видимость – миллион на миллион?!

– Мля буду! Полк летит из Амдермы в Сарышаган на стрельбы, а у нас будет дозаправка! Изделие 01!

Что здесь началось...

Полетам отбой. Командир ОБАТО лично подгоняет всю автотехнику к рулежке. Как вы помните, ездили мы всегда на тягачах, а летчики на автобусах. Так вот, бойцов посадили в автобусы летные и под ответственность прапоров повезли скорее в казарму. Увезли от позора. Самолеты растащили буквально за пять минут по стоянкам. Через семь минут кто бегом, кто на своей матчасти, прибыли на ЦЗ. В руках у кого банка, у кого канистра, кто-то прибежал с пожарным ведром... В общем, были собраны все емкости во всей части.

Полетов у нас не было потом неделю, только ПХД да парковый день. Конечно же, взятого не хватило, как всегда, и потом сослуживцы еще часто ездили в течение двух дней за «догнаться» – ребята, выручайте, вы еще у себя напьетесь! ДСП выставили из офицеров, но и это не помогло: кто-то ночью взломал лючки и даже у одного борта пробили обшивку зубилом! Так жажда мучила...

А потом на построении нам зачитали директиву Главкома о безобразиях, которые творятся в полку в Домбаровке. Было это летом 1991 года...

Да, спирт тот был очень хороший – пшеничный ректификат! Пьешь, как чистойшую воду, запаха никакого. Спасибо ребятам из Амдермы, и извиняйте за испорченную матчасть.

Я даже водки потом такой вкусной ни разу не пил.

Слава авиации ПВО!

БОЛЬНИЦА

Волей судеб попал я как-то в больницу и ощутил себя там кадетом-первокурсником, так много схожего.

Ну, например, есть там стены (правда не крепостные, а из белых бетонных плит), есть два КПП (причем один из них центральный, с вертушкой и комнатой отдыха, а второй – Зеленые ворота). Есть там дежурные медсестры (типа дежурного по факу), и одна из них носит кличку Копченая, так как имеет созвучную фамилию, да еще в случае употребления больными горячительных напитков сдает их - стучит заведующему отделению (по-нашему, начальнику факультета), и бедолаг на следующий день выписывают за нарушение режима (то бишь Устава). И заметьте, БЕЗ ПРАВА лечь на повторное лечение в эту больницу! Никакого гуманизма и человеколюбия, братцы...

На выходные, если тебя не отчислили до их наступления, отпускают домой, что резонно, ибо процедуры в субботу и воскресенье не делают. По логике, сделали тебе в пятницу процедуры до обеда, и ты свободен с 13.00 пятницы и до 8.00 понедельника, но нет, мы же первый курс, не забывайте... И народу говорят: «Выбирай, браток, один день отдыху - или суббота, или воскресенье, два дня тебе будет «замного» (помните словечко?). Так как больные должны лежать в санчасти, а не шастать в гражданском платье!»

Напоминает вам это что-либо, товарищи курсанты (запаса)?!

Но самое интересное, что для того чтобы больной не смылся в «самоход», вечером в 22.00 медсестра проводит вечернюю проверку личного состава и отмечает по списку всех присутствующих! Хорошо еще, что больных не заставляют строиться в коридоре, а сличают их по палатам.

А самая главная фишка, что больным в случае ухода на побывку домой выдают увольнительные записки, только называются они «Разрешение на отпуск». И вот такая бумажка лежит сейчас передо мною, и написано там, что данный товарищ отпущен в отпуск с 15.00 29 апреля до 20.00 1 мая сего года! Это в честь праздника дали не один день, а целых два!

Но и здесь есть свои маленькие радости (только не смейтесь!). Смотался я домой, не дожидаясь построения в 15.00, а ушел гордо, с высоко поднятой головой в 8.00 утра, даже не позавтракав, так как в увольнении, сами знаете, каждая минута на вес золота.

Что характерно, когда я шел от больничного корпуса к КПП, то ждал что вот-вот выскочит из-за угла патруль, дежурный, комендант или, на худой конец, прапорщик Подлещик, перед глазами стояли крепостные валы, а рука непроизвольно дергалась к голове, чтобы поправить фуражку...

Еще упустил момент, что для получения разрешения на «увал» каждый пишет рапорт на имя начальника отделения, а тот рассматривает потом ваш рапорт, а ты как «дух» сидишь и переживаешь: а вдруг не отпустят, вдруг рожка твоя кому не понравилась...

Но мы-то знаем, что все это понты, что после пяти лет в стенах нашего славного училища все это ерунда.

В общем, главная мысль этой истории заключается вот в чем:

Не болейте, друзья! Берегите себя и своих близких!

Попов Александр. Ник на сайте училища – А_Попов 24.

Родился в 1967 г. в Подмосковье. В детстве любил играть в солдатиков – и доигрался, поступив в ДВВАИУ на факультет вооружения. После окончания училища служил на самом Дальнем Востоке и прошел все ступени полковой службы вооружейника. Интересы самые разносторонние: фотография, рисование, дайвинг, философское самозерцание (если есть время). Очень увлеченный человек. Является автором памятного знака ДВВАИУ в честь 60-летия училища. Литературная составляющая его таланта не менее интересна и несет смешное, доброе и лиричное одновременно.

Живет и работает в Подмосковье. Где родился, там и пригодился.

ПРО ШАПКИ И ТОРПЕДЫ

Старая добрая шапка-ушанка. Наша национальная гордость. Великое изобретение советской военной мысли! Как много добрых слов можно сказать в ее адрес. Зимой она согревала своим теплом наши неразумные головы. На лекциях превращалась в мягкую подушку. Вспомните, как приятно было на занятиях давить на ней харю – не то, что на пилотке летом. Кто-то носил ее «пирожком», кто-то «домиком». Одни – на макушке, другие на лбу. И в кадетские времена, и будучи офицером, отмечал одну удивительную особенность: всегда она хорошила съехать кокардой на бок.

А помните, как на первом курсе старались брать шапки впритык, не дай бог чуть больше размером? Наивные пижоны! А во что превращалась к третьему курсу наша шапка? Под воздействием осадков в виде дождя, снега и слюней, пущенных во сне на лекции, пропаренная изнутри результатами физических нагрузок и силой армейской мысли, неоднократно придавленная крепкими кадетскими головами... Скукоживалась, сморщивалась, из пушистой, мягкой, серо-синей красавицы превращалась в маленькую, нелепую, зелено-коричневую тубетейку, даже язык не повернулся бы назвать ее меховой. И эта

нашлепочка уже еле держалась на нашей раздувшейся от полученных знаний голове.

Но зато потом, на четвертом курсе, набравшись немного житейской мудрости и практичности, мы выбирали уже шапки побольше, не стесняясь выглядеть в них смешными. Зато в любой холод можно было легко натянуть ее поглубже, целиком пряча уши от ядерных прибалтийских морозов.

А с чего это я распелся про шапку?

Да вот с чего.

Учились мы на третьем курсе. Зима в тот год выдалась уж больно суровой. Морозы стояли около двадцати градусов, а то и больше. А что такое минус двадцать в Прибалтике, не мне вам рассказывать. Воздух скрипел от мороза. Все училище ходило тогда с завязанными ушами. Кадеты, пока доходили от казармы до столовки, успевали носы отмораживать.

Как-то раз в один из таких морозных дней прослышал наш отличник Юрка, что в городе появились в продаже итальянские солнцезащитные очки. И потерял покой. Очень уж хотелось ему купить эти чудо-очки да пощеголять в них в очередном летнем отпуске. Не дожидаясь выходных, выбил себе Юрка увольнение среди недели и после обеда побежал в город.

Это в училище хорошо с опущенными ушами ходить: кроме своих никто тебя не видит и ты не особенно заботишься, как при этом выглядишь. В городе совсем другое дело! А вдруг засмеют? Вдруг несознательное гражданское население скажет, мол, вон чмо идет с опущенными ушами и красным носом. А если еще и девушки вслед похихикают? Кошмар!

Поразмыслив, не стал Юрка опускать уши, постеснялся. Как говорится, «форс морозу не боится». Натянул шапку поглубже, да какой на фиг поглубже, когда она уже от первоначального размера безнадежно усохла на два-три. Так только, прикрыл маковку бесформенным блинчиком и все, вроде как зачехлился.

А когда к восемнадцати ноль ноль вернулся Юрик из увольнения, на него больно было глянуть. Два огромных бордовых пельменя красовались вместо ушей, медленно покачиваясь при ходьбе. Глянешь на эти локаторы – у самого начинают уши чесаться. А-а, зато купил очки! Красивые такие, капельками, с зеркальными покрытием да с итальянским треугольным

лейблом. Неделю ходил Юрка с перевязанной головой, словно боевой красный командир. А бессердечные сокурсники лишь подтрунивали:

– Сгубил тебя, Юрик, вражеский аксессуарчик, здоровья не пожалел ради буржуинского ширпотреба!

Зато через год, помня о печальном случае, выбрал себе Юрик огромную шапку, настоящее меховое корыто! Чуть ли не по самые плечи мог ее нахлобучить и плевать хотел, что подумают про него окружающие. Ибо здоровье дороже.

А каким надежным буфером служила наша шапка между головой и различными твердыми поверхностями!

Помните, в учебном здании первого факультета кроме центрального входа были еще два боковых, под лестницами? Первый выходил к столовке, второй – к зданию математической кафедры. Надолго мне вбилась в голову память о том втором выходе. Особенностью этих выходов была их уникальная малоразмерность. Высота дверного проема была явно меньше стандартной. Поэтому всем, кто был ростом выше табуретки, чтобы вписаться в эту амбразуру, нужно было не забывать пригибаться.

Короче, потерял я как-то бдительность. На полном ходу впилился лбом в притолоку. Хоть и была на голове шапка, стыковочка получилась жесткой. Треск, искры! Чуть башка не отлетела. Стою и чувствую, как кадеты учебный корпус раскачивают, и колокольный звон в ушах. Когда туман в голове рассеялся, подобрал с пола свою шапку, посмотрел на кокарду, та аж в обратную сторону выгнулась от удара. Сказал я тогда большое спасибо своей шапке, благодаря ей отделался легкой контузией. А если б пилотка на голове была, точно пришлось бы звездочку изо лба выковыривать!

Закончились истории про шапку, зато осталась история про тот злополучный выход

На одной из кафедр факультета «СД» выполняли мы лабораторную работу. Причем само занятие проходило на втором этаже, а лабораторный опыт ставили на первом. По очереди, группками по пять–шесть человек, спускались на первый этаж, что-то там делали и опять возвращались в аудиторию. Настала наша очередь идти узнавать, почему самолеты летают, а крыльями не машут. Вышли в опустевший коридор и направились

к лестнице. Как раз перед нами к лестнице подошла хорошенькая девушка и тоже стала спускаться на первый этаж.

Надо сказать, что в училище все девушки, работающие на кафедрах, были для нас хорошенькими. Помните, как грациозно они проплывали мимо кадетского строя и массовых скоплений курсантов. Словно принцессы! Не-е, не принцессы. Королевы!

Одна королева всей роте запросто могла свернуть головы. Кадеты, провожая ЕЕ взглядом, на сто восемьдесят градусов выворачивали шеи, наступали друг-другу на пятки, сбивали ногу, ломая при этом строй.

За такую убойную силу мы их ласково называли «торпедами». Проплывет такая, покачивая различными соблазнительными округлостями и выпуклостями, и все, хана боевой готовности, ни о какой защите отечества уже не может думать кадет.

Ну вот. Девушка вниз по лестнице – и мы следом за ней. Девушка на выход – и мы за ней. Вышла на улицу и пошла себе по дорожке, звонко цокая каблучками. И... мы за ней, словно стадо зомбированных баранов. Но, видимо, свежий воздух произвел свое отрезвляющее воздействие. Метров через десять первый из нас вдруг остановился, вспомнив, куда надо было идти. Остальные, наткнувшись на него, тоже «вернулись на землю». Вот те раз! Удивились мы такому групповому наваждению, почесали репы, поржали да и пошли обратно выполнять важный лабораторный опыт. А для себя сделали вывод, что на территории училища притягательная сила девушки возрастает на порядок, а то и больше!

ПРО ИГОРЬКА И ПРО ВОИНСКИЕ ПРИВЕТСТВИЯ

Учился в нашем взводе хороший парень Игорек. Был Игорек высок, статен, одним словом, красавец парень. Но отличало Игорька одно качество. То ли в силу внутренней неорганизованности, то ли по причине сугубо гражданской душевной организации частенько случались с ним различные неприятности. Это только говорится, что в одну воронку два раза снаряд не попадает. На Игорькову голову неприятности сыпались с завидной точностью и постоянством.

Многие ведь ходили часовыми на пятый пост охранять ГСМ? Многие. А многие брали с собой на пост книжки почитать? Многие. А куда прятали в случае проверки? Правильно, в песочек, что в пожарном ящике насыпан. А многие попадались? Во-о! А Игорек сгорел! И вроде сделал все правильно: и встретил проверяющего как положено, и доложил, все чин по чину.

Но то ли перестарался, то ли буквы от чтения отпечатались в Игорьковых ясных очах, то ли дежурный по училищу попался такой вредный и знал, куда при шухере часовые всех времен прячут различные недозволенные предметы, прилетел все-таки к Игорьку в тот день очередной снаряд неприятностей. Блин... вовсе не об этом я хотел рассказать.

Может, про галошу, которую Игорек потерял, когда шел на 5-й пост или возвращался с поста... или на самом посту? В общем, Игорек даже сам не заметил, в каком месте эта проклятая галоша катапультировалась. Небось чувствовала, предательница, чем в скором времени все обернется. Лежит, наверное, до сих пор где-нибудь в кустах и радуется своей независимости. А может, и нет...

Гм-м... тоже не то. Или... как Игорек отстал от роты и заблудился? Не-е, тогда при чем здесь приветствие?

А-а... во-от о чем хотел!

Как-то решил Игорек жениться. Как положено, написал по команде рапорт на предоставление краткосрочного отпуска и стал ожидать положительного решения вопроса. Вопрос решился быстро. И за день до сочетания законным браком вызвали Игорька в штаб то ли отпускной вручать, то ли дополнительный инструктаж получать, уж не помню.

В общем, ошивался Игорек перед штабом в томительном волнении. Вокруг птички поют, на душе радостно. Стоит к парку передом, к штабу задом, фотки рассматривает на доске информации, а в правой руке довольно увесистую жменю мелочи перебирает. И радостно так монетки позвякивают, под стать душевному настрою.

Вдруг чувствует Игорек, что его кто-то сзади, настойчиво так, взглядом сверлит. Обернулся – и ...обомлел. Едрена-

матрена! Да это ж начальник училища, генерал-майор Бобылев! А генерал смотрит на Игорька ласково так, как удав на кролика. Будто чего-то ждет от этого кадета. Стоят, смотрят друг на друга, глазами хлопают.

«Интересно, чего ему от меня надо?» – подумал Игорек и улыбнулся.

«Во тормоз! Приветствовать будем или глазки строить?» – подумал генерал. И решил тактично вывести кадета из оценки. Взял да отдал генерал Игорьку воинскую честь, приложив руку к головному убору!

Смекнул наконец Игорек, что надо этому приставучему генералу. И хотел уже было в ответ тоже поприветствовать начальство, да к руке словно кувалду привязали. В кулаке-то целая горсть монеток зажата. Понял Игорек, что горит. Даже волосы под фуражкой зашевелились. Но промедление было равносильно самоубийству.

«А-а-а, будь что будет!» – подумал Игорек и, не задумываясь о последствиях, вскинул к головному убору свободную левую руку.

Последствия не заставили себя ждать. Расценив сей жест как полное неуважение к начальству, вlepил генерал наглому кадету трое суток гауптической вахты, без суда и следствия, предоставив таким образом Игорьку срок для обдумывания твердости его брачного намерения. И полетел Игорек белым лебедем не под венец, а на арестантские нары, в ласковые объятия старшего лейтенанта Завертяева.

Свадебку, знамо дело, пришлось отложить до окончания жениховой отсидки. А по окончании срока заключения все-таки сочетался Игорек законным браком, ну и, конечно, с последующим обмыванием этого знаменательного события.

Вот такая вот очередная закавыка приключилась.

ПРО ГАДКОГО УТЕНКА И ПРЕКРАСНЫХ ЛЕБЕДЕЙ

Было дело на четвертом курсе. Помните, буреет к этому времени кадет, матерееет. Но службу свою знает и правильно ее понимает. И знает также, как избегать неприятностей, связанных с этой самой службой. Пусть даже неуставными методами. А тут уж, как говорится, не пойман – не вор!

Выпало в тот весенний вечер нашему отделению убираться в столовой. После того как столовка опустела, не спеша навели порядок, помыли пол, посидели еще, покалякали, позубоскалили и ближе к отбою стали выдвигаться в расположение роты.

Дружной и расхлябанной гурьбой вышли из столовки, из того выхода, что напротив центрального входа в учебное здание 1-го факультета. Темнота уже опустилась на плац. Ну и пошли себе бесформенной кучкой со скребками да полотерами на плечах. О каком строе может идти речь? Тут слышим, вроде бежит кто-то. Ну бежит и бежит себе, нам-то что! Идем дальше. Но уже начинает одолевать ощущение скрытой угрозы. Кидаем косяки вправо. Оказывается, чутье не подвело. Видим, на углу столовки патруль стоит, а к нам на всех парах патрульный несется. Ну, мы типа не видим, идем себе дальше. Догнал нас патрульный, юный совсем первокурсник и, переведа дух, говорит извиняющимся тоном:

– Мужики! Там эта... начальник патруля вашего старшего зовет!

Только этого не хватало нашему славному гвардейскому экипажу! Тем более что до спасительного угла оставалось каких-нибудь десять–пятнадцать метров.

Тут Шура Борисенок поворачивает к патрульному свой гордый профиль и говорит, грозно так:

– Передай ему, чтоб шел на хрен!!!

У первака так челюсть и отвисла. Да, честно говоря, и нам по ушам резануло...

«Эх, вот бы и мне поскорее таким стать! Как эти гордые и независимые джентльмены!» – с восхищением подумал «гадкий» первокурсник.

А стая прекрасных птиц так же чинно и благородно поплыла себе дальше и вскоре скрылась за углом.

Э-эх! Видел бы растерявшийся первокурсник, как, завер-

нув за угол, умеют быстро бегать эти гордые лебеди, враз превратившиеся в резвых скакунов! Размашистым шагом, легко и непринужденно неслись они по опустевшим улочкам старой крепости. Со скребками наперевес, соблюдая режим радиомолчания. Впереди всех Шура Борисенок со шваброй, и половая тряпка, словно знамя анархии, гордо реяла над высоко поднятыми головами. И только топот копы..., простите, ботинок сотрясал тишину позднего вечера.

ПРО ПАШУ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НАУКУ

Пашина уникальность заключалась в том, что его внутри-организменный хронометр отсчитывал время раза в полтора медленнее, чем течение мирового времени. Поэтому и манера поведения, речь, движения, а видимо, и мысли шли в ногу с его биологическими часами. Короче, вспомните милого, интеллигентного и чуть заторможенного слоненка из мультфильма «38 попугаев». Вспомнили? Вспомните его манеру говорить – медленно, гундяво растягивая слова. Теперь снимите со слоненка очки и напяльте на него кадетскую форму и сапоги. Знакомьтесь: это Паша!

Как-то раз проходило у нас групповое занятие по политической экономии социализма. Та еще лженаука! Настоящая бомба для мозгов. И помню, вопрос-то был какой-то совершенно неподъемный.

– Итак, кто хочет выступить? – спросил с издевочкой экономически подкованный преподаватель.

В аудитории повисла тишина. Даже штатные гении-отличники уши прижали. Остальные олухи и обалдуи тоже притаились, заранее смирившись с нависшим над их головами бананом. Все ожидали развязки «смертельной лотереи».

И вдруг, словно первоцвет на лесной проталине, медленно поднимается Пашина рука. Вот это да-а... Пашка и прежде в умниках не ходил, а тут на такой мертвый вопрос попер! Видать, накануне штудировал Паха вопросик, раз так самоотверженно бросился под танк.

Облегченно вздохнув, «оставшиеся в живых» занялись своим делом: кто книжки читать, кто письма строчить.

А Паша, медленно выплыв к доске, доложил преподавателю и начал свою «тронную» речь:

– Бу-бу-бу, бу-бу-бу-бу, бу-бу, бу! Бу-бу! Бу-у-у-у!

Словно колдун Вуду, бубнил Паша что-то невразумительное, словно хотел погрузить слушателей в гипнотический сон.

– Бу-бу-у-у-у! Бу-бу-бу-бу! Бу-у-у, бу-бу! Бу! Бу!

Помните, как реагировали преподаватели на ту ахинею, которую мы несли, отвечая на поставленный вопрос? Если смотрит уважительно и одобрительно кивает – в тему, значит, отвечает кадет. Если смотрит безразлично-пренебрежительно и вилочкой лапшу с ушей снимает – ну, вы поняли.

– Бу-бу-у-у-у! Бу-бу-бу-бу! Бу-у-у, бу-бу! Бу! Бу!

Нашему преподу впору было посочувствовать. Нельзя словами передать весь букет эмоций, который отражался на его лице. Страдания читались на его лице и какая-то внутренняя борьба – видимо, пытался врубиться в Пашину ахинею, и одновременно рушились в его голове какие-то священные устои всей социалистической экономики.

Минут пятнадцать держал ответ Паша. Нам-то что, мы привыкшие, да и не слушали вовсе, а вот преподавателя было жалко. Это было серьезнейшим испытанием прочности его нервной системы – психическая атака интеллигентных слонов!

– Бу-бу-бу! Бу-бу! Бу-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у!

Неожиданно Паша умолк. Лицо его отражало мучительные раздумья. В аудитории повисла зловещая тишина.

– Почему замолчали, товарищ курсант? – язвительно спросил преподаватель, вытирая со лба холодный пот и стряхивая с себя остатки наваждения.

И тут, громко и глубоко выдохнув, голосом слоненка Паша задает вопрос, напрочь разрывающий сознание:

– ПРОСТИТЕ... А НА КАКОЙ ВОПРОС Я ОТВЕЧАЛ???

Вот это фортель!!! Вот это взрыв в башке!!! Ай да Паша, ай да сукин сын! Пять баллов тебе за выступление! Ну это мы так подумали, сквозь смех. А что творилось в голове у преподавателя, одному Богу известно.

В общем, отхватил Паша свой честно заработанный банан, заметьте – добровольно! А вопросик замучил-таки кто-то из отличников.

Такие вот славные парни учились вместе с нами!

ПРО НАРЯД И КАРТЫ

Дело было на четвертом курсе.

Заступил я в тот вечер во внутренний наряд дежурным по роте. А дежурным по факультету заступил новый офицер, капитан, из наших, из ДВВАИУшных, только прибывший из полка. Поступил в адъюнктуру. Миша, по-моему, его звали. Разговорчивый такой офицер. Общенье началось уже с развода. Спрашивал обо всем: про особенности нашего жития-бытия, о порядке харчевания, короче, обо всем, что касается внутренней службы и распорядка. Ну а мы в свою очередь отметили, что с дежурным офицером нам повезло. Мужик простой. Главное, не зануда и не гундос.

Далее все происходило своим чередом: ужин, поверка, отбой.

После отбоя обнаружилась азартная группа из желающих расписать пулечку. Спустились нарушители распорядка в подвал, уселись в сушилке и давай в преф резаться. Видать, самоподготовки им не хватило.

Дневальные тем временем прибрались на территории. Кому спать надо было, пошли дрыхнуть, ну а мы с дневальным принялись службу бдить.

Где-то после одиннадцати раздался предупредительный телефонный звонок – мол, дежурный пошел делать традиционный обход. Предупредили картежников, те рассосались по кроватям, вдруг вздумается дежурному лично пересчитать кадетское поголовье.

Зашел дежурный, перекинулся с нами парой фраз, убедился, что в казарме тихо, да и пошел дальше в младших курсах проверку производить. Вот молодец, не стал докучать нам лишней формальностью. Видать, проникся доверием.

Тут же картежнички из кубриков опять выползли да сно-ва нырь в подвал продолжать «партею».

Ну а мы достали книжечки и принялись ночь убивать.

Где-то через час слышим: опять кто-то в дверь ломится. Глазам не поверили: опять дежурный заходит. Сразу не сообразили, что ему надо, может, решил все-таки посчитаться? Нет, не похоже, уж больно нейтральный разговор завел.

Картежники в подвале, знамо дело, услышав шухер, заныкались. Словно сверчки, по углам, по щелям забились, прикинулись ветошью.

А дежурный тем временем слово за слово разошелся. Как песни, полились из его уст баечки и всякие истории, одна за другой. Ну, думаем, потрещит полчаса, ну максимум час, да и пойдет себе спать.

Сверчки в подвале сидят, не понимают, чего вдруг шухер затянулся. А дежурный и не собирается уходить, уже стульчик попросил принести, уселся поудобнее, как раз возле подвальной двери, и опять затянул свое.

Картежники разведчика выслали. Тот одним глазом зырь сквозь замочную скважину. Не поймет, в чем дело. Уже дверцу чуть приоткрыл и глазом давай водить, увидел дежурного, замер. Знать, рано еще отбой тревоги давать, опять вниз на цыпочках спустился доложить обстановку.

Ну а мы в скором времени поняли, какая нелегкая принесла нашего дежурного. Видать, не хотел он один сидеть в своей каморке, а спать боялся по первой, вот и пришел к нам ночное время скоротать, поболтать за жизнь. Наверное, переполняла его радость, что уехал из полка, вернулся в старые стены, и он этой радостью с нами делился. Почему с нами? Ну, наверное, как с самыми старшими в то время. Пятые курсы были не то в отпуске, не то на стажировке. Нам-то что, давайте покалякаем, товарищ капитан. Как говорится, кадет спит, наряд трындит, а служба идет. Вот только с картежниками как быть? Тем-то и не играетя, и не спится.

Час проходит. Другой проходит. А дежурный не уgomонит-ся никак, не хочет уходить – и все тут. Мы уже стараемся с ним не разговаривать, только головами в ответ киваем, типа интересно нам. А у самих уже веки слипаются, да рты зевотой разрывает. Уж два часа пробило. Дневальный пошел спать, вместо него другой на тумбу влез, заспанные глаза таращит, не может врубиться, чегой-то дежурный здесь делает. А дежурный не смущается, все новые темы для разговора находит. Правда, разговор все больше на монолог смахивает.

А «подвальные» в непонятках пребывают. Уже кто как мог устроились там спать, только время от времени по одному к двери выползают, прислушиваются, беззвучно матерятся да обратно на дно уходят.

Еще час прошел. А ночь-то свое берет. Вот уже речь дежурного медленнее становится, голова ниже клонится. Смотрим, засыпать начинает, речь становится малосвязной, все тише и тише. Потом вовсе притихнет и спит. Мы на цыпках к двери: мож, пока дежурный кимарит, успеем картежников эвакуировать. Ни фига! Чуть скрип – опять вздергивает голову капитан, лупалки проморгает и по новой начинает рассказывать.

Наконец кто-то из картежников не выдержал. По-наглому вышел из подвала с перекошенным от злости и недосыпу лицом и пошел в кубрик. А в сторону дежурного что-то буркнул, типа про невысохшую форму. Прокатила уловочка. Один заложник освобожден!

А другим как?

Дежурный, язви его, все не уходит! Уже раза четыре, в процессе разговора, засыпал на стуле. Мы ему намекаем, чтоб не мучил себя (а еще больше всех остальных), пошел бы поспал. Ни фига, нельзя, говорит, спать, и опять начинается рассказ вперемешку со сном. До четырех часов и мы, и картежники испытывали на себе «радость» общения, пока не пришла очередь мне и дневальному спать идти. Разбудили смену. У дневального, который два часа назад спать уходил, чуть глаз не выпал от удивления, увидев все ту же картину.

Изображая сожаление, попрощались с дежурным. Ну а тот, наверное, решив, что душевная компания распадается, наконец-то собрался и поковылял к себе в дежурку.

Освободились наконец картежники! Порычали на нас, за то что приболтали дежурного, и пошли по-человечески досыпать оставшиеся два часа. Ну а мы уже не стали узнавать у них, кто и сколько выиграл, а кто проиграл. Такой вот преферанс получился.

Ерошевский Андрей. Ник на сайте – Роджер.

Родился в 1969 г. С детства мечтал стать военным летчиком и, скорее всего, стал бы, но подвело зрение. В ДВВАИУ учился на «хорошо» и «отлично», да и в жизни привык делать все именно так. Его блистательная офицерская карьера была похоронена лично Горбачевым и Шеварднадзе, которые из зависти к его звездному будущему затеяли перестройку, чтобы потом сокращать таких офицеров рядами и колоннами. После увольнения не пал духом, успешно занимается рекламной деятельностью, пробует себя в журналистике. Живет и работает в Белоруссии.

КРАЙНИЙ ПОХОД

Последние, или, как говорят в авиации, крайние яркие воспоминания о Даугавпилсе, Крепости и прочих атрибутах курсантской юности – это 21–23 июня 1991 года, когда весь набор курсантов 1986 года праздновал выпуск. В этих воспоминаниях намешано многое: последняя (теперь уж именно так) ночь в общежитии перед выпуском, когда не было отбоя, когда начкурса сидел с нами на лавочке под окнами, выпивал (шампанское, наверно), курил, разговаривал «за жизнь»; суета утром, в парадке с лейтенантскими погонами, торжественное построение на плацу, выход за дипломом, прощание со знаменем с железным рублем под коленкой, прохождение торжественным маршем с золотым фонтаном надраенных монеток, фурики в воздух, когда объявили, что родственники могут поздравить новоиспеченных лейтенантов, обмывание «поплавок» из ведерной хрустальной вазы с последующим ее разбиванием... Потом вечер в кафе с командирами, подругами, танцами, торжественными речами, клятвами в вечной дружбе, слезами расставания и тревожным чувством того, что это больше никогда не повторится...

Потом была дорога домой, в первый отпуск перед началом офицерской карьеры. Карьера должна была начаться в Безречной. Неизвестно, как все сложилось бы в другие времена, но на

дворе был 1991 год. Год, который многое, если не все, поменял на просторах некогда огромного монолитного государства. Безречку постигла участь многих военных гарнизонов: ее просто не стало. С кончиной Безречной закончилась и моя военная карьера, не успев толком и начаться. Но я не в обиде на судьбу. Видимо, так было нужно.

С тех самых пор я, наверное, и собирался навестить Крепость и Даугавпилс. Я не был там 16 лет. Желание это росло со временем и усилилось, когда в 2005 и 2006 годах я принял участие во встречах нашей роты, проходивших в белорусском Браславе. А что такое Браслав? Это пятьдесят километров до Даугавпилса... Тем более что время встреч обычно совпадало со временем встреч всех ветеранов ДВВАИУ, проходивших где-нибудь, а в нашей Крепости, на нашем плацу... Видимо, энергетика этих встреч и подвигла меня заняться поездкой вплотную.

И вот я снова в городе моей юности. Сердце радостно волнуется встрече...

Сразу после размещения мы поехали на экскурсию в центр. Первое приятное потрясение – общественный транспорт. Большие комфортабельные автобусы, доброжелательные кондукторы, билет 18 сантимов (\$0,36). Конечная – автовокзал. Отсюда и началась наша пешеходная часть нового знакомства с улицами старого доброго Д-пилса.

Все было узнаваемо! Исторический центр хорошо сохранился, хотя и претерпел изменения в духе времени. Все вывески с рекламой и названиями на латышском, в то время как люди вокруг общаются и матерятся по-русски. Именно этот факт почему-то доставлял особую радость. Значительные изменения коснулись гостиницы «Латвия»: ее переименовали в отель «Латгалия», надстроили этаж из стекла, вокруг вместо ресторана, где я через заднее крыльцо покупал водку на свое 20-летие, отгрохали гипермаркет Rimi. Неплохое, кстати, место для затаривания всякими вкусностями. Будете смеяться, но именно в торговом зале Rimi я встретился с однокурсником Андреем Францкевичем.

Вместо центрального совкового рынка теперь тоже рынок, только крытый и с таким количеством всевозможных за-

ведений, что мы с семейством просто не осилили посетить все. Ограничились быстрой «обзорной» экскурсией.

В сквере около Дома торговли отстроили церковь. Говорят, она не такая внушительная, как была здесь когда-то. Через сквер от Дома торговли ворота гарнизонной комендатуры с легендарной «губой».

На следующий день, 16 июня, с самого утра мы снова выбрались в центр продолжить экскурсию по городу. На бывшей улице Ленина (теперь Рижская) отобедали в кафе «Весма», милое, между прочим, заведение. И кормят вкусно! Позаглядывали в магазинчики, побродили по рынку, посидели у фонтана в сквере напротив «Латвии» в ожидании часа «Ч», когда должны были собраться участники встречи. У входа в гостиницу встретился с Андреем Масляковым. Оказалось, он был здесь случайно, о встрече ничего не знал, а меня тем не менее узнал со спины – что значит два года подряд виделись в Браславе! Подошли еще Игорь Петухов, Валера Сигнеев, Андрей Францкевич.

Выдвинулись в Крепость. Вы уже заметили, что слово «крепость» я пишу с большой буквы «К». Чувствую в ней живое существо, со своей энергией, волей и желаниями...

...От трамвайного кольца под арку моста, на пригорок перед ЦКПП – и вот они, стены с бастионами, дорога мимо мемориальной доски Мусы Джалиля...

Вроде все то же самое, только как-то не так, необитаемо все выглядит. Дежурка Центрального КПП в полуразрушенном состоянии, вместо выдвижных училищных ворот оранжевый шлагбаум, постамент справа – без самолета...

Вот она, родная казарма 4-го факультета... Зарешеченное окошко вещевого каптерки Кошкорева... Выехали на плац. Говорят, его накануне привели в порядок: повырубали деревья, проросшие сквозь асфальт. Дело в том, что за неделю до нашей встречи в Крепости проводили мероприятия, приуроченные ко Дню города. На плацу играл оркестр, во дворе и казарме 4-го факультета проходила культурная программа.

На встречу в этом году собралось, по словам ежегодных участников, не так уж и много людей, человек пятьдесят. Вовка Крушинский из 45-й роты 1990 г.в. принес ВВСовский флаг.

Построились пофакультетно, прошли торжественным маршем. «Дед» даже мелочь бросил в воздух, как на выпуск! После переместились в беседку перед штабом, где оргкомитет организовал нехитрый, но добротный фуршет. Фурор произвел п-к Габричидзе, появившийся чуть позднее, зато при полном параде!

Тосты, общение, мероприятие постепенно перетекало в неформальную фазу. Мои однокурсники потихоньку разъезжались по своим делам. Получилось так, что все, кто приехал на встречу из 46-й роты, попали на нее по моему, причем очному, приглашению, а ранее никто из наших «латышей» на всеучилищных тусовках не присутствовал.

В конце концов с нами остался Андрюха, и я повел своих девчонок на давно обещанную экскурсию по Крепости...

От пушечного фонтана мы пошли мимо офицерского чипка к общагам пятых курсов. Честно скажу: ощущения еще те! Смесь радости от свидания с местом, где прошла юность, с тихой грустью от того, что все это уже не воротишь, и каким-то напряжением с примесью жути от того, что находишься в заброшенной Крепости, которая знает о твоём присутствии, но позволяет тебе быть здесь... Это было так, как будто я не только знал и понимал, но и собственными глазами увидел, что возврата в прошлое уже нет. Наверное, за этим я и ехал в Д-пилс...

Дальше мы пошли мимо нового учебного корпуса (кстати, сохранился он гораздо хуже старинных построек) во двор 1-го фака. Да, тут запустенье ощущалось еще сильнее, чем на ЦКПП и на плацу. Двор факультета просто превратился в лес. Про казармы СД-шников и в курсантские-то годы ходили жуткие легенды, а тут так вообще – Берендеево царство. Жуть! Место, где мы однажды сдавали подтягивания на физо, вообще чуть отыскал в зарослях. Потом мы поднялись на валы и пошли по ним до караулки. Спуск проходил экстремально. Дамы вообще мало приспособлены для прогулок по крепостным валам, а на каблучках и подавно... В общем, все завершилось мягкой посадкой.

Дальше наш путь пролегал мимо курсантского чипка и столовой. Все помещения заколочены, внутри практически ничего нет, а так хотелось побродить под «ампирными сводами» зала для приема пицци или посетить малую и большую «дискотеки», варочный цех, овощной (помните, где стояли ванны

с картошкой?). Кстати, в длинных коридорах столовой я осваивал технику катания на скейтборде. Помните, пол в столовке покрыли виниловой плиткой – идеальное место для катания в наряде по столовой.

За столовой завернули направо, на 2-й пост возле вещевых и оружейных складов. Все в зарослях, вышки уже нет. Остались только столбики с остатками колючки, которые ограждали территорию училищного арсенала. Возле складов, в валу оказался открытым один из фортов. Внутри ничего, кроме крепостного духа и следов, оставленных недобросовестными туристами.

Ну вот, наконец мы и пришли к казармам родного 4-го фака. Все четыре года мы прожили рядом с Николаевскими воротами Крепости, которые были замурованы с внешней стороны, а в бывшем караульном помещении – кордегардии, красивом здании из красного кирпича, в готическом стиле, располагалось водонапорное хозяйство. Территория эта была огорожена, и доступа туда в курсантские годы мы не имели. Сейчас же ограждение убрано, ворота открыты. Внутри этих ворот я побывал впервые. У них интересная архитектура. Обратите внимание: там по бокам от центральных створок ворот есть калиточки. Они ведут в помещения, отгороженные от основного входа стенами с бойницами. При проникновении неприятеля под свод ворот ему пришлось бы несладко. Караул мог вести огонь сквозь бойницы, простреливая все пространство от входа до выхода. В дальнем углу ворот просел пол. Под воротами явно было пространство. Помните, п/п-к Казак говорил, что под Крепостью есть еще подземная крепость... Эх, заглянуть бы еще туда!

Ну, вот и она, родненькая казарма. Навеса над входом нет – срезан по самое «не могу». Входная дверь заколочена. Через смотровое окошко заглядываю внутрь – видны входная дверь в помещение казармы, налево – вещевая каптерка Славки Ладыгина, направо – хозкаптерка Генки Лимана. В бессилиии дергаю ручку двери в надежде войти внутрь – заперто! Пошли на факультетский плац. На первом этаже в окна даже вставлены новые стекла – последствия недавних мероприятий. Заглядываю в окно – вот они, наши кубрики... Как хочется внутрь! И тут Крепость, почуяв мое желание, преподнесла мне маленький, но такой дорогой и значимый для меня сюрприз: одна рама оказалась незапертой!!!

Радости моей не было предела. С боевым кличем я преодолел низкий подоконник и спрыгнул по ту сторону толстых стен... Ей-богу, это был исторический момент! Я попал в НАШУ казарму. Конечно, все, что можно, оттуда вынесли. Ободрали всю деревянную облицовку со стен... Но, парни, там остался НАШ ДУХ! Дух молодых беззаботных пацанов, которые ворочали железо в качалке, которые ночи напролет печатали фотки в тесных каптерках. Вспомните эту непередаваемую атмосферу ночного чаепития из пол-литровых банок с пачкой творога вперемешку со сгущой и половиной батона из столовки вприкуску... А видеосеансы с выставлением шухера от самых входных дверей... Помните возвращения из самохода через окно третьего взвода?.. Андрюха вспомнил, как однажды летом пошел сильный ливень, и наша безбашенная братия в одних синих курсантских трусах с воплями безумного блаженства выскакивала во двор фака под небесный душ... Я не помнил этого момента, но, стоя перед окном родного кубрика, ощутил, как же нам было, наверное, здорово проделывать все эти глупости, рискуя попасться на глаза дежурному по факу со всеми вытекающим из этого последствиями.

А потом я пошел по помещениям. Везде пусто... Но в то же время все было наполнено моими воспоминаниями. Я постоял на месте, где сидели мы с Юркой Гребенчуком. У нас за спиной на стене была розетка (ее останки и сейчас там), к ней постоянно, напрямую были подключены электронные часы, которые собрал Андрей Ферчук. А на часы кто-то наклеил наклейку с надписью «Fashion Promotion». Направо от входа у нас был шкаф, в котором находилось самое ценное для всего взвода – взводный мафон. Сначала у нас был какой-то бобинник, а позднее мы скинулись на кассетник «Радиотехника» с выдвигной кареткой. Он, кстати, достался мне в «наследство» после розыгрыша взводного имущества на пятом курсе и еще несколько лет радовал меня после выпуска. Именно в нашем классе, на этом магнитофоне, мы записали несколько песен в исполнении Юрки Дымчишина (царствие ему небесное). Они до сих пор у меня на кассете в домашней фонотеке.

Классы третьего и первого взводов тоже на своих местах, и в них – ваша энергетика, парни! Ленинская комната тоже пуста, вся наглядная агитация – в истории. Зато на подоконнике я нашел выписку из Приказа МО по правилам организации работы

сушилки. Если кто забыл или не знал – ознакомьтесь. Особенно это касается старшин рот! Хотел забрать с собой – не рискнул. Это артефакт из ТЕХ времен, поэтому должен находиться в Крепости... Так что если кто-то захочет лично освежить в памяти правила организации сушки обмундирования, аккуратно написанные через трафарет, загляните в бывшую казарму 46-й роты, в ленинскую комнату, они там на подоконнике.

В телезале полумрак. Большинство стекол в этой части казармы выбиты, и проемы заколочены фанерой. В бытовке какой-то строительный хлам. В оружейке – пустота. В канцелярии – куски обоев со стен да остатки труб отопления... Ну, теперь святая святых дежурного по роте – туалет. По словам нашего начкурса м-ра Мекша, «здесь должно быть чисто, сухо, свежо». Личному составу на ПХД ротником предписывалось «стены мыть тщательнее, с обеих сторон».

Парни, это был просто кайф, причем отдельный кайф – посетить умывальник с туалетом. В этом было что-то таинственное – прикоснуться к тем трубам, в которые были ввернуты латунные краны, которые перед сдачей наряда надраивались пастой гой до блеска котиных яиц. Помните, у нас даже была душевая с горячей (!) водой. Вот и она, вроде как на месте. Я предпочитал вон ту, дальнюю кабинку...

Но, парни, это еще не самый центральный момент из визита в туалет. Вот они, очки. Ну-ка, вспоминаем! Место, где курсант на несколько минут оставался наедине с самим собой, это святое место, где должно быть «чисто, сухо и свежо». Состояние, достижимое при помощи хлорки, лизола, иногда кислоты, зубных щеток, лезвий и колоссального количества энергии дневальных суточного наряда... Я не удержался... Я отправил малую естественную надобность в наиболее сохранившееся очко... И этот процесс тоже был сродни некому таинству! Я почувствовал: мне было позволено это сделать!

Ну что ж, перед выходом оставалось только одно неисследованное помещение – та самая сушилка, в которой всегда было тепло и уютно, особенно по утрам, когда косящий от зарядки наш брат курсант «притапливал на массу» в куче сушащихся шинелей, х/б и портянок. Вот эта дыра в стене между

сушилкой и холодной каптеркой Генки Лимана наше ноу-хау. Чтобы зимой хоть как-то обогреть Генкины апартаменты, нам разрешили пробить в стене дыру. Андрюха Францкевич лично приложил к производству этой пробоины руку. Оцените толщину стены, Генкино желание согреться в каптерке и желание товарищей ему в этом помочь! Книга рядом – случайно оставленный сборник стихов местной поэтессы Вилмы – Валентины Воротниковой, оставленный, видимо, после культурных мероприятий по случаю дня города.

Знаете, я бы продолжил бродить по казарме еще неизвестно сколько времени, будь моя воля. Но вечерело, Андрей пригласил в гости. А от приглашений старых друзей не отказываются.

На месте «голова солдата» – зеленый газон. А когда-то это была территория второго взвода, и мы частенько в летнюю пору щипали травку между плитками. А ротник однажды поставил задачу Лехе Михайловскому четко и конкретно: «Курсант Михайловский, возьмите щетку, табуретку, сходите на территорию и как следует отдерите голову солдата!»

Напротив головы была автобусная остановка. Она и сейчас там, только ее слегка модернизировали, установив такой бастиончик из красного кирпича. Проект рисовал Славка Ладыгин. Он поступал из войск и до армии окончил строительный техникум. Помню, он в классе делал какие-то наброски, а мы вокруг наблюдали за процессом...

На трамвае номер три от кольца мы поехали к Андрею и чудно провели вечер. Андрей звонил Юре Яриновскому и Сане Федосееву, но они не смогли приехать. Тем не менее еще один приятный сюрприз меня поджидал. Андрей с женой пошли нас провожать до автостанции, и на улице мы встретили Саню Федосеева – он куда-то мчался на машине. Вот он какой, бравый полицейский Саня Федосеев – такой же живчик и энеджерджайзер. Его я не видел с самого выпуска, все эти шестнадцать лет. От избытка чувств-с не удержался и погладил его по лысине! Наверное, это добрый знак...

На следующий день у нас была запланирована экскурсия в Ригу на весь день. Но это уже немного другая история.

КПП

Стоял я как-то дневальным на ЦКПП. Лето – красота! Помните, иногда на ЦКПП, со стороны жилухи, привозили бочку с квасом. В жаркий летний денек не избалованным гражданскими вкусами курсантам – самое то! День мы простояли, настала ночь. Теплая такая, даже душная... Бочку, естественно, на ночь замкнули. Утречком, часа в четыре, когда рассвет только-только расталдычивается, меня посетила жажда. Но где ж искать продавщицу, которая продаст стаканчик холодного кваса мучимому жаждой дневальному по КПП? А поскольку утро вечера мудренее, я где-то (уже не помню где) раздобыл тонкий длинный шланг типа капельницы и через верхнее дренажное отверстие в крышке бочки аккуратненько наполнил графин и прочие емкости, которые удалось раздобыть на КПП. И остаток наряда мы провели чудненько, потягивая прохладный квасок...

Опять я на ЦКПП. Только уже зимой дело было. Еще, помню, комендант, который инструктировал наряд, был жутко злой, и нам почему-то не разрешили ночью уходить в казарму отдыхать лежа (спать) положенные нам четыре часа. Хотя казарма наша прямо за КПП. Взамен предложили странный вариант – перекантоваться в коридорчике комендатуры на раскладушках.

А морозец был еще тот, доложу я вам! Ну, мы еще не очень-то опытные и наглые были в том возрасте и стойко принялись переносить тяготы и лишения. Провалившись часок ночью на раскладушке в шинели и шапке с завязанными ушами, я понял, что заснуть мне в эту ночь не суждено. Не хватало чего-то, чем можно было укрыться...

Когда меня пришли будить (где-то в шесть утра) долго смеялись. Я на одной раскладушке лежал, другой укрывался... Наверное, было теплее!

НОВЫЙ ГОД В БЕЗРЕЧКЕ

История из гарнизонной жизни. Готовились мы встречать 93-й год. Жили тогда холостяками на квартире у Сереги Маринина (кажись, 43-я). Квартира у него была на первом этаже. Утром 31 декабря я, проснувшись, прошествовал совершить утренний туалет. Захожу в ванную – йопть! Полванны черной

вонючей жижи... Я в туалет – почти полный, и прибывает! Разбудил пацанов. Серега, как опытный саксаул, почесывая волосатую грудь и затягиваясь утренней сигаретой, изрек: «Стояк замерз» – и грязно выругался.

Оделись мы потеплей и сунулись в подвал. А там царство Деда Мороза – сталактиты, иней, ледяное поле и подтекающая задвижка на водопроводе, а также вся домовая канализация, которая течет прямо в подвал. Такое я видел впервые.

Ползли мы вычислять, где наш стояк. Нашли. Серега сказал, к кому сходить за паяльными лампами. Сходили, раскочегарили, начали прогревать. Час греем, другой. В это время другой наш товарищ шурует в унитазе вантузом, чтобы грязь эту пропихнуть как-то в нужном направлении. Праздничное построение мы пропустили. Где-то в районе обеда отогрели – вода из ванны и туалета ушла. Но тут прибегает к нам в подвал Саня Силантьев и кричит, что у нас в квартире с потолка течет вода. Причем хорошо так, уверенно.

Мы – к соседям сверху. Те в отпуске. Пока нашли, у кого ключи, пока открыли квартиру... А там воды по щиколотку, ковры плавают. Оказалось, что канализационный стояк замерз до третьего этажа, и вода из квартир на пятом и четвертом, через третий течет на второй и первый. Мы наверх – просить, чтобы хозяйки поубавили темпы праздничной варки-готовки, пока мы не отогреем трубы между первым-вторым-третьим этажами. Параллельно стали вымакивать-вычерпывать воду из ванной, прихожей и кухни. Стало темнеть. К нам потянулся народ из полка любопытствовать, как у нас дела.

– Что-то дымно у вас, - говорят.

– Да, это наверно, из подвала потягивает – там же целый день паялками греют...

– Да нет, – говорят, – что-то горелым пахнет...

– Да не беспокойтесь, – говорим мы и продолжаем греть и вычерпывать. (Человек с вантузом уже переместился на второй этаж.)

А время наступления Нового года все приближалось... Тут я замечаю, что из-под плинтуса на кухне вьется плотный такой дымок и уже начинает резать глаза. Метнулся в подвал и кричу Маринину: «Серега, горим!» Он бросает бычок в сугроб, топчет

его и отправляет меня к пожарным. Я бегом. Прибегаю к пожарным, а они сами целый день то потопы устраняли, то затыки продували. Ну, говорю, поехали теперь к нам пожар тушить.

Приезжаем, заходим к нам. А у нас в квартире уже дубак, грязь. На кухне на корточках сидит Маринин и из чайника поливает плитус. Поворачивает к нам свое чумазое лицо и спокойно так изрекает:

– Сё, пацаны. Уже потушил.

Пожарник пожелал нам счастливого Нового года, мы ему – тоже. Серега встал, налил себе и нам по рюмахе спиртику, на закуску предложил сырую луковицу. Папа Карло, блин.

Мы «мекнули», закусили и принялись наводить марафет, т.к. лить с потолка уже перестало. А буквально через полчаса пошли к нашим друзьям из соседнего подъезда – Новый год стоял у порога...

ЗАПИСКА

Было это в Безречке, году в 1992-93. Дружили мы, молодые лейтенанты, жившие на квартире у Сереги Маринина, с семьей Побегай. Частенько бывали у них в гостях по вопросам совместного застолья или просто вечерних посиделок с просмотром телевизора, слушанием музыки, игрой в компьютерные игры, поеданием оладушек или драников.

В один из таких вечеров я, Серега Маринин и Леха Гаранин (молодой хозяин ближнего привода) с гитарой и тремя литрами, зашли на огонек. Сидели долго – в банке осталось грамм триста. Детишки уже утомонились, да и нам полагалось честь знать. Собрались домой, а Серега что-то неподъемный оказался. Ну, мы с Лехой его под белы ручки - и на выход. При этом Серега категорично заявил, что банку с остатками огненной воды понесет сам. Ну как не согласиться... Повели мы его к нам в холостяцкую берлогу в соседний подъезд. Пока с пятого этажа спустились – натерпелись экстриму, так как Серега на ногах практически не стоял, хотя был товарищ тренированный и продержаться мог долго, дай бог ему здоровья.

Дома началось самое интересное. Серега демонстрировал крепость своего черепа – бил по нему сковородкой. Потом им же сломал фанерное «остекление» двери в зал, потом попы-

тался зачем-то вытащить из квартиры кровать... Мы с Лехой видим – дело неладно, и повисли у него на руках, затащили в кровать, уложили, прижали... Серега еще минут пятнадцать грязно ругался по-немецки, ревел как бык и порывался нас с себя стряхнуть. Но мы держались крепко. Наконец он угомонился...

Наутро он, естественно, ни на какое построение не ходил, а я возле его кровати обнаружил вот эту записку, которую храню, как дорогую реликвию. Текст привожу дословно:

«Андрюха, если я помру, скажешь моим, что я их сильно любил!

Сергей!

Очень голова болит».

Надо думать, что голова у Сереги больше болела все же от общения со сковородкой.

Заплавский Евгений. Ник на сайте – Фоксбэт45.

Родился в 1965 г. в Даугавпилсе. Благодарен судьбе за годы учебы в ДВВАИУ среди товарищей по курсантской юности. Считает, что не меньше ему повезло и с годами дальнейшей службы в авиации, где он практически породнился с любимой матчастью и всегда находил понимание с сослуживцами и командирами. Остро пережил вынужденное расставание с авиацией и самолетами. Очень чуток к неискренности и фальши в человеческих отношениях. Любит хорошую музыку и хорошую литературу. Сентиментален и любит лирические стихи, но пишет суровую прозу. Живет и работает в Днепрпетровске.

ВЕЛИКАЯ СИЛА ИСКУССТВА

Всплыло вдруг в памяти какое-то полузабытое и непонятное действие, имевшее место то ли в общеучилищном, то ли в факультетском масштабе – уж больно отличалось оно своей необычностью и нетрадиционностью в серой череде курсантских будней.

Были мы уже курсе на четвертом. В одну из пятниц нарисовался замначфака по политчасти Малинин и создал формажор в истерической форме. Мать-перемать, грядет какой-то конкурс, чуть ли не в межгалактическом масштабе, а мы не готовы. Вот вам день, в субботу будьте добры представить театрализованную высокохудожественную постановку на экологическую тему. Почему экологическую, до сих пор не пойму, может, это уже тогда (в 1986 году) модно было?

Делать нечего, в увольнение хоцца, сели, чешем репы. Сальвадор Дали взвыл бы от зависти, увидев наше сюрреалистическое действие. Помню, как взвыл Малинин (и не от зависти), но это было уже потом.

Идея инсталляции про защиту природы заключалась в следующем. Наш «замок», Мишка Цветков, как самый заметный и хорошо физически сложенный, помахивая топориком из каптерки, злобно озираясь, искал дерево на уничтожение. Для придания сему персонажу антисоциального статуса его обря-

дили в зеленый военный ватничек и ушанку с развязанными, болтающимися как у барбоса, ушами. Слава богу, додумались снять кокарду, а не то действие приобрело бы некий политический подтекст.

Изображать березовую рощу выбрали самых высоких, но худосочных, с целью экономии бумаги. Актер обкручивался листом ватмана, на ватмане в хаотичном порядке рисовали черные кляксы, на руки тоже накручивались бумажные крапчатые трубы, на головы цеплялись какие-то веночки. (До сих пор перед глазами стоит Валька Обухов в образе березы. Реальность – сто процентов.)

Берез было четверо или пятеро. Стояли они в первом ряду и голосили что-то типа: «Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла... ой, страх-ужас, этой што ж деется, природу убивают, спасите-помогите...»

Я был во втором ряду. Березовых шмоток на нас не хватало, но у нас была другая миссия. Для придания сцене трагизма был придуман, а точнее, «сплагичен» в цирке, сложный технический прием. У «берез», стоящих в первом ряду, за ушами были закреплены трубочки от капельниц, концы трубочек вставлены в пластмассовые бутылки с водой. Бутылки находились в руках артистов «второго плана». Под жуткое завывание и размахивание руками-ветвями «берез», Мишка Цветков махал топором, мы изо всех сил давили на бутылки, и фонтанчики из глаз подрубленных «деревьев» добивали до первого ряда кресел училищного клуба.

Ощущение надвигающегося апокалипсиса было полнейшее. От вида нашей безыдейной постановки руководство факультета впало в ступор. До сих пор помню растерянное лицо Малинина и никакое (самое страшное) лицо Фатеева. На ротника вообще без содрогания невозможно было смотреть. Короче, был наш взвод с позором изгнан из искусства и не прошел в следующий тур.

Чем все закончилось в итоге, не помню уже, но осадочек в душе непризнанных талантов остался. Боролись, как могли, – и на тебе... А что ж вы хотели за полтора дня? Сценарий, режиссура, костюмы, промоушн и прочие «не верю!». Тут бы и у Станиславского, наверное, руки опустились...

Вот такое вот оно, курсантское искусство.

«ОГОНЕК»

Расскажу я вам, друзья, про одну занятную историю, которая случилась с нашим взводом в воскресенье 25 марта 1984 года и имела определенные препаскудные последствия. Итак, почти конец второго курса, мы уже вроде не щеглы залетные, а ого-го!!!

Те времена приснопамятны тем, что выход на волю был очень ограничен, и основной отдушиной массово-культурного времяпровождения (сейчас я не имею в виду походы на городские дискотеки с последующим ристалищем) были так называемые «огоньки» в мед., пед., кулинарных и прочих организациях. Наклюнулась такая возможность и у нас. Благо, перед этим была проведена довольно серьезная работа, установлены довольно тесные контакты, обе заинтересованные стороны успели слегка перезнакомиться, понравиться друг другу – в общем, процесс пошел. Итак, осталось убедить начальство в чистоте наших помыслов и ринуться в пучину наслаждений...

Начальство сразу как-то неблагосклонно отнеслось к нашей затее. Пришлось включать все доводы, обаяние и обещания стать еще лучше, чем мы есть. Со скрипом, но вождеденное разрешение было получено.

Трудности начались практически сразу. Где-то за неделю среди ночи (!) сыграл нам ротный подъем. Ничего не понимая, как всегда, минут за 10 построились и услышали зловещий голос: «Ну что, первый взвод, доигрались!!» Тупо тараща глаза друг на друга, узнаем, что Андрияха С., отгрузившийся в санчасть пару дней назад, на самом деле там не лежит, а благополучно, неизвестно с какой мотивацией, слинял в Белоруссию к бабушке, и где его сейчас носит, никто не знает. После первого чувства шока пришло второе: про наш многострадальный «огонек» можно забыть.

Что делать, надо искать беглеца. По уставным канонам ему позволялось отсутствовать какое-то время, это воспринималось как самоволка, а потом – все, воинское преступление (оставление воинской части, т.е. дезертирство). Андрияху смогли каким-то непостижимым образом разыскать, и вернулся он за двадцать минут до падения дамоклова меча.

Так вот, девки воют, мы наказаны, что делать?

Начали мы так сначала осторожно, а потом все настойчи-

вее капать на мозги руководству: «Дяденька начальник, ну дяденька начальник! Пустите за девок подержаться! Мы хорошие, больше не будем, обязуемся и клянемся в честь надвигающейся перестройки в корне изменить отношение к себе...» и т.д. и т.п.

М-да, я до сих пор не знаю, почему наши командиры отважились на этот шаг— пошли на поводу у отравленных спермотоксикозом курсантов второго курса. Маховик второго за последнюю неделю падения первого взвода завертелся, и ничто уже не могло его остановить. Поскольку курсовик был в карауле, отправили с нами старшим начальника лаборатории кафедры капитана Кармазюка. Суровый такой, противный дядька, особенно в роли дежурного по факультету. Прибились мы в общагу медучилища, спустились в подвал, где у них была то ли столовая, то ли еще что, и понеслось.

Не, ну сначала была культурная программа. Вася Бегаль и Леха Полежаев изображали Аль Бано и Рамину Пауэр, Олег Пушкин Демиса Русоса, тот же Леха Полежаев и взятые в качестве сессионных музыкантов Джон и Пепс из четвертого взвода играли AC/DC, Сашка Эрдей читал свой бессмертный опус «Мой уютг не из золота сделан, из простого железа выкован...» В общем, было весело и непринужденно.

Непринужденность, следует честно признаться, подогревалась волшебной смесью, состоящей из шампанского и ликера «Мока» пятьдесят на пятьдесят. Этот волшебный напиток шел на ура с обеих сторон, благо затарились мы основательно и свезли все это в общагу накануне в субботу, в увольнении. Чтобы никто не мешал гусарам «оттопыриваться», были проведены некоторые манипуляции, в результате которых наш цербер получил в руки книгу «Таис Афинская» и был пристроен на мягком уголке в холле, короче, выведен из боя.

Ликер и шампанское делали свое дело, музыка играла, воздух вокруг был напоен ароматами безнаказанности, влюбленности и разнообразной парфюмерии. Афродизиак еще тот! Начали пароваться, уединяться и расползаться по комнатам. Время летело незаметно.

Все шло уж больно хорошо, и по всем законам подлости обязательно должно было появиться слабое звено. И оно появилось. Как-то оставшийся вне общего разгула Колька Р., видя

такое дело, быстренько собрался, съездил домой на Химию, врезал там стаканчик крепенькой и вернулся обратно. К самому концу мероприятия. Конец-то концом, но никто и не соби-рался шабашить. Маховик, о котором я упомянул выше, рас-крутился и не останавливался. На попытки нашего поводыря положить конец безобразию и вернуть всех вовремя домой ни-кто не обращал решительно никакого внимания.

В глазах капитана Кармазюка застыл ужас предстоящей расправы с ним со стороны факультетского начальства. Нако-нец две трети взвода удалось собрать, запихать в шинели и вы-давить на улицу. Как сейчас помню: идет снежок, воздух чист и прозрачен. В голове шумит, и все передвигаются, держась друг за друга. Треть взвода осталась в общаге, ухватившись за возможность задержаться – якобы для оказания помощи дид-жеям в погрузке аппаратуры. Ждали дежурку из училища, чтобы погрузить туда все это имущество. Дежурка опаздыва-ла, дежурным по училищу был Передня.

Авангард нашего взвода к тому времени уже прибился в расположение роты и – после злобной лекции ротника – уныло мыкался в темноте кубрика, натываясь на табуретки, кровати и друг друга. Как там у классиков: «Любовь сушит человека, бык мычит от страсти, петух не находит себе места, предводи-тель дворянства теряет аппетит...» Аппетита ни у кого не было, никто не спал, гадая, где же эти гады, оставшиеся. Было даже завидно. Не спал и ротник, нервно ожидая возвращения маши-ны. Не спал и Передня, торжествующе вышагивая возле КПП. Вот он, его Тулон – раскрытие глубоко законспирированной когорты анонимных алкоголиков.

Наконец где-то через час прибилась машина. Прибывших вместе с ней человек семь–восемь ротник пытался вывести из-под удара Передни, но тот уже изнывал в боевой стойке.

С криком «Да они все пьяные, давай тащи их дышать!» ротник, дежпофаку и Передня пошли в ротную канцелярию. Никто не хотел умирать. Дежпофаку, офицер с гордым прозви-щем Пиночет, видя, как наши орелики дышат не в стакан, а из него, понял все и чуть в обморок не упал. А ротный сказал: «Вот видите, они все трезвые!» Но Передню не проведешь, и ночь развлечений и утех продолжилась в санчасти. Выбор был

невелик – предстояло дуть в трубку. Хотите верьте, хотите нет – трубка сработала только на одном – на том самом Кольке Р., который не участвовал в общем сабантуе, а догнался, съездив на часок домой. Все были в шоке. Все ж знали, что он не пил!!! Но дело сделано, злодей нашелся.

...В хмурое утро понедельника генерал Хабаров на общечилищном разводе дважды помянул незлым тихим словом наш провисший взвод, санкции еще долго отрыгивались всем причастным и непричастным, рота по нашей милости лишилась развлечений почти на полгода. А потом все забылось. Кольку, посмеиваясь, еще долго называли алкашом. Да он и сам не мог понять, почему все так плохо закончилось, начавшись так хорошо?

ПРО ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР И ЗАВОЕВАНИЕ АВТОРИТЕТА

Вспоминаю нас в августе 1982 года, перепуганных сопливых первокурсников. Страх божий, глянуть жалко. Затравленные взгляды, каждый второй хромает, сбиваемся в кучки, как воробьи, втягиваем головы в плечи. Короче, вот они, жертвы естественного отбора (привет дедушке Дарвину). Каждая сволочь считает своим долгом обидеть салабона. Идем, человек пять из роты, на какие-то работы, в столовую мимо 28-го учебного корпуса. Возле зала дипломирования 2-го факультета на крыльце в полудреме развалились «тузы» – 5-й курс, 28-я рота. Вот спрашивается, на хрена старшине этой роты подрываться с крылечка и под одобрительное ржание остальных сокурсников топтать ногами и зверским голосом орать: «Стой!!! Смирно!!! В колонну по одному!!! Равнение налево, шагом марш!!!»? Я человек не очень злопамятный и, в принципе, ко всему отношусь философски, но тот гадкий смех в спину помню до сих пор.

Вот он, уже наш пятый курс. Выше нас только солнце. Куда что делось? Орлиный взор, развернутая грудь, шаркающая походка, снисходительные улыбочки... Никогда не позволял себе глумиться над младшими, скорее с каким-то ностальгическим чувством поглядывал в их сторону. Ну, разве когда позвоним на 1-й фак и смотрим потом из казармы, как дневальные через все училище тащат на КПП огнетушители. Типа, комендант приказал все огнетушители принести на проверку.

Прошла и эта пора, выпуск, лейтенантские погоны... Плечи еще развернуты, голова еще высоко запрокинута.

Полк. Блин, все то же самое, начинается все сначала! Как учили основоположники диамата – по спирали. Растерянные лейтенанты; все, чему учили в училище, и на хрен не надо, техника-то совсем другая... Подколки, идиотские шутки типа – сидишь в кабине, а кто-то давит тумблер «кресло вверх-вниз». Очко сжимается в первый раз, когда «стреляющая мебель» под тобою вдруг куда-то начинает ехать. Воображение за микросекунду успевает нарисовать картину подметания фарша с бетонки после несанкционированного катапультирования. Все такие тертые, умные, деловые. Даже чересчур.

Первая и единственная мысль, что засела в голове: «Блин, если не освою матчасть, все – кранты, опозорюсь на всю оставшуюся жизнь. Что скажет коллектив?» Поэтому осваивал, грыз литературу, ловил каждое слово спецов. Именно так можно было завоевать авторитет среди себе равных. Получилось, смог, оказался не самым тупым. Приметили, через пару месяцев забрали из эскадры в ТЭЧ. В итоге стал начальником группы регламента по РЛЮ.

И опять все повторяется. Уже я опытный и стреляный воробей, поэтому могу себе позволить кой-чего в отношении кой-кого. И была, между прочим, такая необходимость, потому что года где-то с 92-93 уже в «самостийну українську армію» поперло «поколение ПЕПСИ». Техника? Какая на хрен техника! Стырить что-нибудь, пожрать да поспать.

Ну, поскольку я какой-никакой начальник, мне надо, чтобы кто-то работал, причем грамотно, да и вообще смену надо себе готовить. Как об стенку горох. Не, никто не сопротивляется, просто ничего догнать (в плане техники) не могут.

Был у меня в группе техником лейтенант Игорь Б., выпускник Харьковского училища. Парень отличный, неглупый, но или их там так учили, или же то самое нежелание, о котором сказано выше. Кто хоть раз заглядывал в первый и второй отсеки, где находится радиолокационная станция, могли видеть волноводы – это такие прямоугольные трубы желтого и синего цвета, по которым шла СВЧ-энергия в антенну и обратно. Желтого цвета были негерметичные волноводы, синего – герметичные. Туда подавался воздух под давлением, чтобы на высоте

СВЧ-энергия не пробила стенку волновода.

Так вот, после полугода натаскиваний на матчасть, потеряв всякую надежду на результат, откровенно, в присутствии зрителей, издаваюсь, экзаменуя «будущее украинской авиации»: «А скажи, вот на самолете есть волноводы синие и желтые, почему?» С великим трудом приходим к тому, что в синих что-то есть. Наверное, какой-то газ, потому что неоднократно видел, как туда что-то подкачивали и мылили, когда искали потерянный гермет. «Ну, с этим понятно, а что же тогда в желтых?»

Напряженная игра интеллекта на лице. Все уже, зная меня, готовы к цирку. Говорю, подталкивая к пропасти:

– Ну, посмотри внимательно, что еще на самолете покрашено в желтый цвет?

– Трубопроводы...

– Правильно, отвечаю. – Ну, так что же там, в желтых волноводах?

– КЕРОСИН...

No Comment...Как индейцы – ни флага, ни Родины...одни понты.

ПРО СУДЬБУ

Итак, первый лейтенантский, Новый 1988 год. В то время я, Вадик Перевезенцев (41-я рота) и Олег Маршалко (22-я рота) жили втроем в военном городке в пяти минутах от города в «ничьей» холостяцкой трехкомнатной квартире (гостинице для перелетных экипажей, которая по прямому назначению никогда не использовалась).

Накануне праздника, числа двадцать восьмого, встал вопрос: как праздновать будем? Кто-то же должен стол по-человечески сервировать. Короче – нужны бабы, надо где-то искать... Поехали на какое-то предпраздничное мероприятие от какой-то организации, нашли, как бы получше сказать, «хоть куда», но очень веселые, милые и обаятельные.

Итак, 31 декабря. Пойла взяли на работе немеряно (литров двадцать), закуси тоже набрали, как в последний раз. Стол девочки сервировали как в ресторане: салфеточки, вилочки, рюмочки – красота. Расклад: особой мужеского полу – пятеро (кроме вышеуказанных троих добавился молодой летчик нашего

года выпуска, накануне крепко поругавшийся с женой, и Лева Фофанов с беременной супругой). Особей женскага полу было восемь (!), перестарались малехо накануне – брали с запасом. С учетом имеющихся двух женатых пар (Вадик Перевезенцев на тот момент тоже имел беременную жену) холостяцкий расклад приобрел несколько угрожающие пропорции: трое против шести. Предстояло не ударить лицом в грязь.

Начали где-то часов в восемь вечера. Как все было красиво первые полчаса, культурно... тосты, какой-то юмор по телевизору, смех, все о'кей.

М-да, по молодости как-то не рассчитали сил, и, когда часов в одиннадцать нас зашли поздравить инженер полка по РЛЮ Саша Майстрович и стартех ТЭЧи Витя Латыш (тоже почему-то с беременными женами – что за год такой выпал?), как бы поделикатнее выразиться, никто никого уже не слушал и не узнавал.

Начались первые потери. В полночь Лева упал на колени и уверенно куда-то пошел на четвереньках, пока не добрался до шкафа, ударился об него головой, упал и в таком виде провел остаток новогодней ночи. Его несчастная жена присидела рядом с ним на полу, пока утром он не очухался.

Специфика всех праздников в гарнизонах примерно везде одинаковая: после полуночи все ходят друг к другу, догоняются, а потом идут в местный очаг культуры на дискотеку.

Именно тогда, в тот Новый год, я узнал, что такое настоящая амнезия. Разбившись на пары, мы все где-то ходили, у кого-то пили, где-то прислонялись к деревьям и заборам, поздравляли и обнимались хрен знает с кем. (Оказалось, что амнезия штука заразная, поскольку наутро никто ничего тоже вспомнить не мог. У всех были какие-то обрывки сознания.

Тем не менее часа в три все одновременно (!) сползлись домой и решили идти в клуб – позажигать. Это было предпоследнее, что я помнил в тот Новый год. Последнее, что я запомнил, – падение с крыльца и какая-то драка с моим участием в туалете. Не, ну я тут совершенно ни при чем, пошел себе в туалет помаленькому, а тут дверь распаивается – и какой-то чужой урод из города махнул ногой в мою голову. Спасибо автопилоту, это все я помню четко, как сейчас. Откуда только реакция взялась, успел максимально отклониться, получив в качестве боевых по-

вреждений только пустячную царапину на носу. Протрезвев, таким образом, на две секунды, смог нанести настолько удачный ответный удар в его голову, что когда, как мне потом рассказали, эту кампанию забирала милиция, на наполовину синюю голову моего визави без содрогания невозможно было смотреть.

Погнавшись в азарте борьбы следом, в холле клуба я был обнаружен нашей компанией, сразу забыл обо всем, заулыбался: «Девочки, где вы пропали... как я вас люблю...» – и повис на них.... Все, после этого голова окончательно отказалась сотрудничать с телом.

С целью предотвращения крупного скандала с участием командования полка меня как можно бережнее вынесли из клуба и повели домой. Все, праздник кончился. В итоге наши дамы остались без мужского внимания, да и вообще неудобно как-то получилось.

А вот теперь о судьбе. Когда меня, чуть живого, выносили из клуба, на выходе стоял наш Славик Орехов с женой и подругой жены, которая тот Новый год отмечала с ними вместе. Славик весело заметил: «О, Женьку несут!» – на что подруга его жены с ужасом спросила: «А что, это ваш? Тоже офицер? Свинья! Разве можно так напиваться!» Мама родная, если бы ей в тот момент сказали, что пьяные бабы волокут ее будущего мужа, она, пожалуй, имела полное право плюнуть сказавшему в лицо. И не только плюнуть.

Познакомились мы с ней где-то через полгода, совершенно случайно, и постепенно в процессе общения потихоньку приблизились к вышеописанному эпизоду. Немая сцена... А что делать, судьба...

Вместе мы уже двадцать лет, настоящая военная жена, боевая подруга. Иногда выхожу на балкон, смотрю на наш бывший очаг культуры, усмехаюсь. Видимо, кто-то там, наверху, обладает приличным чувством юмора...

И в продолжение – еще про судьбу. Лето 1988 г., после того легендарного нового года прошло где-то около полугода. С будущей женой я еще не познакомился, а она со мной, если помните, только заочно и как бы со стороны.

Опять те же персонажи. Воскресенье, выходной, поехали в кино. Кинотеатр «Салют», жилмассив «Победа». Очень такой приличный массив, ни одного завода, река Днепр, набереж-

ная, пляжи, кр-р-р-расота... По меркам Советского Союза, я бы сказал, элитный район. До кино было пару часов, купили пива и пошли на пляж. Покупались, вышли на троллейбусную остановку, сели на лавочку, сидим, сохнем. Хорошо... Говорю: «Какой отличный район, чистый, красивый, все под рукою. Я бы хотел здесь жить, ну например, в этом доме» – и показал рукой на многоэтажку напротив.

Блин! Именно в этом доме (!) я прожил 8 лет вместе с тещей!!!

ПРО ЧУВСТВО ДОЛГА

Вершиною любых регламентных работ, естественно, кроме гонки двигателей, было особое событие под названием «Списание». Проще говоря – проверка комплекса «РЛЮ – АВ – все прочие системы» с фиксацией результатов в систему «Тестер-ЗУМ». Еще проще – поиск команды ПР («Пуск разрешен»).

О, это особая команда, кто слышал или знает, тот поймет – это вершина пирамиды из сотни команд, причем отсутствие одной из них приведет к отсутствию главной и вождеденной. И тут начинается самое интересное: кто кого – РЛЮшники вооружейников завалят или наоборот.

Участвовало в процедуре «списания» порядка десяти человек. Обычно вооружейники ТЭЧ выкатывали имитационную «голову» ракеты, подстыковывали ее к пилону, прицел гудел, спирт бежал, лампочки мигали, ПР в муках рождался.

Бывало, что роды откладывались. Об одном из таких случаев этот рассказ.

Днепропетровский полк, самолет МиГ-25 ПДС, год где-то 1994–1995. Сложный случай – нет радиийного ПР на левой плоскости, ничего не помогает, заменили полсамолета, привезли с полетов учебные ракеты, цепляли их на пилон (может, сигнал на головку самонаведения поближе и посильнее будет). Все напрасно. Уже начали подтягиваться сочувствующие с идиотской вечной шуткой: «А водило к самолету не пробовали цеплять?»

Короче, все перепробовано, и инженер по АВ дает команду привезти с позиции боевую ракету. И вот, изделие привезено, подцеплено на пилон, пошла работа. И тут раздается чей-то крик: «Ракета горит!!!» Всех как ветром сдуло с самолета – рассыпались по кабинетам, хотя это чисто условное спасение – кто

знает типовой ангар с лабораториями по бокам, тот поймет. А под крылом висит пятиметровая «дура» полтонны весом, одна боевая часть килограммов сто, по-моему. Потихоньку повывались из-за дверей – действительно, висит эта тварь на пилоне и дымится в районе боевой части. Хороший такой белый дым. Что делать, никто не знает. Собрались в кучку метрах в десяти, стоим, думаем. Не думается. Дым идет и все тут, хоть и не активно, но как-то стабильно – ситуация патовая. Что-то делать надо.

И тут кто-то вкидывает «гениальную» мысль: «Чья ракета?» – «Вооружейников». – «Так вот пусть и идут разбираться». Прапора вооружейные сразу как-то испарились. Стоит посреди кучки причастных к безобразию Сашка Зражевский – молодой да ранний начальник группы регламента АВ (прикиньте, через три года после выпуска – уже такой руководитель в таком блатном полку. В Советском Союзе такое было невозможно, а в независимой Украине – вполне). Стоит и растерянно так спрашивает: «А чего я? У меня дети».

В ответ ему угрюмые такие лица ласково так приговаривают: «Давай, «рыба», иди, дети у всех есть». Пару слов о «рыбе» – не знаю как где, а у нас в Днепре вооружейников испокон веку звали «дельфинами», даже над их лабораторией висела вывеска с нарисованными дельфинами на пилонах. Почему «дельфины»? Потому что «почти люди».

Пошел Сашка... Все опять попрятались, только одним глазом наблюдаем, если что... Возвращается целый, ржет истерическим смехом. Все, думаем, свихнулся бедный. Ничего, подлечили, стопарь СВСа – лучшее лекарство. Все оказалось намного прозаичнее. В пилоне разгерметизировалась трубка системы охлаждения тепловой ракеты, и хладагент потек из пилона на ракету, капает, испаряется, дымок белый идет. В общем фуфло, и как-то, слава богу, без подвига обошлось, но приятно, что всегда найдутся люди, которые пойдут, ЕСЛИ НАДО.

Коллективное убеждение – страшная вещь. Даже если не хочется.

Гуляев Дмитрий. Ник на сайте – Фред.

Родился в 1970 г. в Москве. Является потомственным лицом московской национальности. Из молодых, амбициозных (в хорошем смысле) и не желающих перенимать опыт атеросклероза и простатита. После окончания ДВВАИУ служил в distinguished Академии имени профессора Жуковского. Сегодня, по его собственному признанию, сидит бюрократом на газовой трубе, с помощью которой политики делают дружбу народов «нерушимой». Остается человеком при любых обстоятельствах, и люди ему при этом не мешают. Обладает несомненными литературными способностями и своеобразием авторского стиля. Прочитайте рассказы Фреда и улыбнитесь!

О ХОЗЯЙСТВЕННОСТИ

Много коротких, но теплых строк посвящают бывшие курсанты воспоминаниям про братский раздел родительских посылок. Освященная древностью варяжских дружин традиция. Но были исключения. О том расскажу.

Учился в нашем классном отделении курсант Б. Был он сыном славного украинского народа, крепкий хозяйственник, как теперь говорят, и сын своих родителей. Получал он от них посылки регулярно. Я даже скажу – постоянно и с пугающей периодичностью, но традиций не поддерживал и жрал сам. Как известно, на всякий болт найдется гайка, и такое время настало.

Из очередной посылки приберег курсант Б. баночку меда. Хранил ее бережно, менял ей места дислокации, но не уберег! Была она употреблена злоумышленниками без участия курсанта Б. И заставили они его страдать безмерно... Вел курсант Б. жизнь в училище размеренную, соблюдал распорядок отбоев и подъемов, сампо и ПХД. Но тот день перевернул в нем все!

Ваш покорный слуга имел в тот день счастье быть дневальным и часов около двух ночи прибыл в кубрик, чтобы поспать коротким чутким сном. Отбил я, предвкусил неги, и в тот миг один из однокурсников моих произвел громкий и характерный звук газоиспускания. (Когда спим, разве следим мы за

собой?) Слева, где была койка курсанта Б., раздался страдальческий скрип пружин, и, как крик души, реплика: «Ось вин, мэдок! Выходэ...» Он и ночью страдал!

Отдельный опус, как курсант Б. убывал в отпуск. Учился он, кстати, неплохо; честно сказать, отличником был, но не из породы умнышей, а из железнозадых. Но теперь не об этом. Готовил он к отпуску парадку тщательно. Вязал аксельбанты, прилаживал на фуражку «курицу», погоны – песня, они выгибались навстречу небу. (Кстати, любуюсь современной формой ВС РФ, понимаю, откуда эта страсть к папуасским нашивкам и прочему.) И вот таким орлом вылетал навстречу своей малой родине.

Вызывал он недоумение у многих однокурсников, но водились и единомышленники. К таковым никогда не относился. Более того, никогда не ушивал форму, а скорее, наоборот. Помню, как задержанный совместно с курсантом КВАТУ на Белорусском вокзале патрулем, я вызывал у него (курсанта) недоумение своей формой 54-го и шапкой доброго 60-го, при максимально мне нужных 50-го и 56-го размеров. От патруля я ушел резким спуртом, сказывался опыт первого разряда по полосе препятствий, а вот понимания у калининградца не нашел. Ну как ему было объяснить, что свободная форма удобней – и вшивник влезет в стужу, и движения не сковывает. Он, бедняга, был ушит, за что и поплатился. Устремившись за мной, порвал штаны и был окончательно патрулем повязан.

СТЕНГАЗЕТА

В годы учебы я являлся редактором сатирического листка, не упомяну уже и названия, но сверхпопулярного в среде однокурсников. Наш начкурса майор Калинаускас был славным человеком. Ему недоставало, на мой взгляд, малого – чувства юмора. Многие без него обходятся, и ничего, а вот на такой должности, как у него, это качество крайне необходимо. Отсюда непонимание творческих порывов и аллегорий, коими я усыпал ватман в минуты вдохновения...

Однажды, манкируя своими обязанностями по выпуску газеты, славно провел время в чипке. Вернулся почти перед построением на увал и решил наверстать наскоро. Тема была – уборка нарядами кубриков. Думаю, художников Кису и Осю из «Двенадцати стульев» все помнят? Вот и я набросал малопонятную аллегорию с тряпками, швабрами и прочим делом, а внизу незатейливо так написал: «Убирайте чище!!!»

Подсох ватман, и несу я это безобразие в канцелярию. Смотрит майор, молчит. Встал, обошел газету вокруг. Потом сел. Вытер вспотевший лоб и говорит: «Это, товарищ курсант, не газета, а порнография! Ничего не могу понять!»

Ну, я, конечно, отстаиваю мнение как автор, мол, метафоричность изображения подчеркивает беспорядок в умах. Вместо службы, мол, думают о чем угодно, вот и выходит такой кубизм. А на порнографию нет и намека. Это вот, говорю, грабли, швабра, тряпка... Передавил, видно. Взревел командир: «А сходи-ка ты сам в наряд три раза, а потом нарисуешь грабли и щвабру!!!» (говорил он у нас с заметным литовским акцентом). Вот так впервые мне стала доступна истина, озвученная одним из генсеков КПСС: «Абстракционисты, они же еще и пидарасты!»

С тех пор творю только в реализме. Чего и всем желаю!

ПРО ПОЭЗИЮ

Тут уж и еще одну историю припомню. На Погулянке, кажется, в живописном лесочке расположен был санаторий. Не помню уже названия, да и не в том соль рассказа. Зачастили мы в тот санаторий для поправки здоровья. Баньку ангажировали с бассейном, то да се. Конечно, в те тихие поры никто не ведал о нынешнем размахе. Оргий не было, а барышни, из числа прогрессивисток, приглашались скорее для приличия. (Что-то там, может, по углам и происходило – свечей не держал-с.)

Под закат одной из таких вечеринок, сам изрядно навеселе, но чист душой и телом, оказываюсь с одной из барышень на руках. Все куда-то разошлись. По парам, может? В общем, и я с прикупом. Дама п-пьяна и истерична соответственно. Внимаю ее слезам. Слушаю историю падения. Пресекаю попытки поцелуев за честность и «ну, ты-то не такой?» Достала. Но и остановить ее уже было невозможно.

Не знаю, чем меня осенило, но, приперев ее коленом к стене автобусной остановки, начал читать ей Есенина и Пастернака. Замолчала, горемычная. Смотрит на меня, и в глазах испуг. Под конец одной из строф вырвалась с громким криком: «Помогите! Насилуют!!!» И растворилась в осенней темени...

Мораль налицо. Даже поверхностное знакомство с поэзией избавляет от превратностей судьбы.

АНЖЕЛИКА И КУРСАНТ

Назначил меня командир в ответственный наряд. Кажется мне, что назывался он «помощник дежурного по комендатуре Даугавпилсского гарнизона». Служакой я был, дай бог каждому. От моих криков: «ЕСТЬ! ТАК ТОЧНО! НИКАК НЕТ!» по грубым, обветренным командирским лицам стекали слезы умиления. Подход, отход от начальника. Все четко, молодцевато, с огоньком.

Это меня и сгубило. Одно дело таким незатейливым способом косить от тягот внутренней службы в подразделении. Другое дело – КОМЕНДАТУРА! Там на арапа не пропрешь. Таких миндалов там видали. Думаю, что каждый кадет помнит дислокацию этого мрачного места. Бастилия, пельменная, парк. Думаю, и по сию пору все на месте. Только не разносится бодрая дробь барабана над уютным чистеньким плацем во внутреннем дворике в ознаменование строевых занятий с арестованными нарушителями Уставов, не гремят конвойные бачками с баландой, не кипит там военная жизнь... Жаль! Но я отвлекся.

Итак, по прибытии докладываю. К службе готов. Знакомлюсь с дежурным офицером. Выбрит, подтянут. Принимаю у предшественника нехитрый скарб. Началась служба. Отвечаю на звонки, делаю записи в журнале телефонограмм. Смеркалось. Дежурный офицер отлучился. Полный воинского долга, стою у штурвала гарнизонной комендатуры. Держу руку на пульсе, так сказать.

Звонок протренькал не тревожно. «Помощник дежурного по комендатуре ... бла бла бла». – «Аллеее!» – Голос женский. Дивного тембра и красоты. Чтобы не обмякнуть, нарочито грубо отвечаю: «Слушаю вас!» – «Милеенькийий! Это яяяя!» Интимность тона заставила меня оглянуться. Вдруг не одинок?

Авансов не давал! Телефончиков не чиркал. Уверен, что анонимка обозналась, и хочу избежать конфуза. «Помощник дежурного по коменда... бла бла бла... Курсант Гуляев слушает!!!» На другой стороне провода пауза. Сопение. Ответ не однозначен. «Ты что, дурак? Я скучаааю. Ты меня забыыыл». – «Представьтесь!» – «Вот нудяка! Ты новенький?»

Бросил взгляд на наручные командирские. Со времени заступления в наряд прошло три часа. Службу понял. Обстановка рабочая. «Никак нет», – говорю. «Я Анжелика!» Понял, что не отделаюсь по-простому. Пытаюсь шутить: «А я король!!!» – «Ха-ха-ха!» Смех звонкий, с переливами. Зацепило. Но стараюсь не ронять чести мундира и, сдерживая дистанцию, поясняю: «Нахожусь на службе! Бжу, так сказать! Возможности отвлекаться не имею!» – «Не валяй дурака, миленький. Я приеду!»

О как! Оборот внезапный. Успехом у прекрасного пола пользовался, хоть и безуc. Но вот так заочно?! Уточняю: «В котором часу?» – «Ну, через час». – «Принял! Как вас узнаю?» Голос от волнения подсел, не скрою. «А я тебя?» – «Буду на углу парка. Военная форма, белый ремень. В правой руке газета «Советская Молодежь», в левой журнал «Огонек». Пауза и снова задорный смех: «Шалун!!!»

Мосты сожжены! Иду на ВВ! Встал и принялся нервно ходить по дежурке. Смеркалось гуще. Дежурного все не было. Загулял! Забросил службу, поправ воинский долг. Но я спокоен. Звонки по гарнизонным делам умолкли. Бегло смотрю на фосфоресцирующие стрелки. Полчаса есть в запасе. Решил осмотреться по помещениям. Не имея ничего скабрезного в виду, просто из природной обстоятельности. По привычке, так сказать.

Газету и журнал нашел сразу. Диванов не обнаружил... Утомленный поисками, прислонился к двери дознавателя или следователя. (Не упомнишь всех чинов и должностей. Годы!) Задумался. Мысли все о незнакомке. Кто она? Кокетка или фриволка? Воспитан строго, наставленный отцами-командирами; отогнал похабные мысли. Конечно! Не институтка, ну что же? Пусть! В воображении родился образ темноволосой иберийки. Густые волоса разметаны по плечам. Алая роза. Шелестящие юбки. Кастаньеты. Шестиструнка переброшена за спину... Встряхнул головой, очнулся.

Внезапно дверь за моей спиной скрипнула. «Не заперто!» Робея, заглянул в темный проем. Обстановка по-армейски строга. Стол. Стулья. Бумагами заложена столешня, но все в порядке. Все приспособлено к работе на благо укрепления дисциплины и пресечения воинских и уголовных преступлений. Без хозяина все это могло бы смотреться нарочито, но я благоговел. Чем не место для встречи с незнакомкой? Вести неторопливую беседу, позвякивая ложечкой в стакане с крепким чайком. Обсуждать вопросы искусств и художеств. Прихвастнуть успехами в боевой и политической подготовке...

Готовый вновь окунуться в мечтания, осек себя. Вдруг ошибка? Вдруг не я желанен? Шаги возвращавшегося дежурного звучали гулко в пустом коридоре. Я юркнул из кабинета прочь, не забыв прикрыть дверь.

«Товарищ капитан! За время вашего отсутствия происшествий не случилось. Помощник дежурного...» По лицу офицера растеклась суровая улыбка. Что ж! И он служака. Строевик. Вскинув руку к фуражке, козырнул. «Благодарю за службу!» – «Служу Советскому Союзу!»

Моя радость поощрению расположила командира – «А не вскипятить нам чайку?» Я подхватился. Загремел сапогами и посудой. Достал сахарок, заварку. Службе был рад особо. Ведь помнит читатель о незнакомке? И я предвкушал встречу! Радостно было мне, скажу больше, что рассчитывал получить от капитана разрешение на краткую отлучку.

Обжигая губы, пили крепкий чай в прикуску. Покупечески! Я ждал момента для просьбы. В глазах моих капитан прочитал мольбу.

– Как послужится, товарищ курсант?

– Благодарю, отменно!

Скупые фразы поощрили меня.

– Разрешите обратиться?

– Разрешаю!

– Ко мне сестра приехала! Живет у тетки в частном секторе на Погулянке. Знает о тяготах службы. Обещала принести тетушкиных пирогов. Подойдет в парк около двенадцати. Разрешите отлучиться на пять минут. Вдруг принесет? Угостимся.

Каюсь вам, мои друзья, во лжи. Во благо ли была она? Тогда я не знал. Просто надеялся.

– Сестра? Сколько лет? Замужем?

Такого интереса я не ожидал. Пришлось врать и дальше. А что вы хотели? Единожды солгав...

– Она инвалид!

Все ж я покраснел, но свет в дежурке был не ярок и мой визави этого не заметил.

– Горбата с рождения, да еще церебральный паралич. Хотите я вас познакомлю?

– Отнюдь. А как ей, не тяжело добираться? Да с котомкой?

– Она днем стесняется ходить. И бессонница к тому же. Всегда гуляет по ночам.

– А ей не страшно?

– Нисколько! Костыли у нее тяжелые и владеет ими она в совершенстве. Кто покусится на хроменькую?

Капитан задумался. Мой взгляд был лучист.

– Разрешаю! Но пять минут, не больше. Как обстановка в гарнизоне? Что телефонируют?

Его лицо озаботилось, и я сожалел об упреках в поприании начальником воинского долга.

– Все спокойно. Телефонogramмы в журнале.

Офицер присел к столу и пролистал гроссбух. Снял фуражку.

– Ступай!– подтвердил он. -Я отдохну немного.

Он подошел к топчану и прилег. Я набросил на него шинель.

– Иди уже! Нехорошо. Сестру ждать заставишь.

Затаив в сердце благодарность, я выбежал вон, с газетой и журналом. Густая майская ночь встретила меня запахом лип. Добежал до угла комендатуры и остановился. Стрелки еще не коснулись назначенного часа. Пунктуал, я не смел оскорбить незнакомку поспешностью. Пошел обратно, степенно чеканя шаг, как учили, потом повернул вспять. Опять перед внутренним взором явились картины наслаждений встречи. Быть может, увлечемся шарадами? Кроссвордом? Оставалась крайняя минута. Вот я у лавочки. Присел. Достал немного мятую пачку

«Балтии». Нет! Курить неприемлемо, вдруг поругаю обоняние дамы запахом дешевого табака.

– Это ты? Я Анжелика.

Опешил. Значит вновь грезил и не заметил ее прихода? Обернулся. Явленный у дверей дознавателя образ померк. В расплывчатом свете далекого фонаря разглядел только хрупкую фигуру и хаос волос. Взвился пружиной.

– Присядьте!

Она соблаговолила. Потянуло прелью и перегаром. Все скомкалось в голове. Скукожилось даже. Неловкая для меня пауза затягивалась. Я решил увлечь ее скорее разговором.

– Как добрались?

– Нормально! Курить хочуууу!

Стесняясь предложить мятую пачку, отказал. Сослался на непричастие к этому пороку. Лица не разглядеть. Все туманно. Духмяно как-то. Может, не убрана листва? Ужели дворники снебрежничали? Гражданские. Что им долг?! Время летит, а я не заинтересовал ее беседой. Мнусь.

– Пожалуй, пройдемся по эспланаде.

– Куда?

Осекаюсь. Привычный приукрасить скупой военный слог, иногда увлекаюсь заимствованиями. По панели? Поребрику? Тротуару?

– К тебе давай. Я замерзла.

Что же. Проста, но говорит без нахрапа. Списал на взаимное волнение. Встали и пошли. Дорогой молчали, но неловкости не было. Стараюсь не глядеть на Анжелику, боясь смутить. У дверей в желтом пятне надвратного светильника решаюсь. Да!!! Да!!! Бывал пьян, грешил. Пороком женскую неброскость не считаю. Душа! Вот вместилище притягательности и красоты. Алкоголь лишь способствует эрек... Прошу прощения. Влечению. Разве могу отказать в пристанище? Мысли роятся как осы. Осенило!

– Жаль расставаться, но служба. Долг.

Уже верчусь на каблуках. Рука протянута к ручке дверной. Сконфужен. Мечты разметаны. Виню себя. Она на пьедестале!!! Проскочив под моей рукой, Анжелика внутри. Ловка, но шуметь невозможно. Спит капитан. Поймал ее возле двери

дежурки. Прижал к стене коленом. Обдало спертым духом. Не допускаю мысли, что уборка небрежна и здесь. В пенатах, так сказать, и колыбели армейского порядка. Быть может, девушка взопрела второпях? Не морщусь. Привык за годы службы к крепкому кубричному духу. Скрипнул топчан. Ретироваться обратно невозможно. Крепко сжимаю хрупкую кость запястья дамы и увлекаю ее в коридор. Не так я грезил! Спешность встречи? Предвзятость? Ведь искал уютный альков? Диван или кресло. Пристыженный, втокнул ее в кабинет.

– Жди! Фея!

Стремлюсь к командиру. Шаги тревожны. Так и есть, проснулся. Разбудил. Раскаянный, тяну руку к головному убору.

– Отставить! – Голос начальника почти ласков. – Сестра была? Доковыляла? Пирогов поедим?

– Никак нет! Разминулись. Может, заснула по дороге, имеет привычку прикорнуть в пути.

– Волнуешься?

– Немного, но привык. Буду ждать. Мы условились, что постучит в окошко. Вы отдохните.

Старался не выдать волнения. Конфужусь. Не приучен врать, но уже не краснею.

– Пожалуй! Разбуди в три.

На секунду отлегло. Звонок над входной дверью разрушил надежду. Звонки... Сколько их звучало в ушах военных студентов, но этот был с надрывом. Надтреснут, так сказать. Нет! Звучен как набат. Спешу к засову, что не забыл задвинуть впопыхах. У порога стремглав. Отворяю. Начальник гауптвахты капитан Татулов! Явился с заботой об арестантах и карауле? Тоже не спится? Вошел. Колченог, нескладен. Жмет руку капитану. Я в стороне весь напряжен. Как тень бледен, но себя не вижу.

– Что за хня? – вскрикнул Татулов.

Из коридора блестит глазами моя знакомая. Занавес? Отнюдь!!! Грубое слово меня не ранит. Но при дамах?

– Не могу знать! – рапортует мой начальник.

– Анжелка! Сука! Кадет, как прокралась эта проб...дь?

Ах, вот как? И не догадка, а убеждение! Значит, не впервой ей. Бывала? Не осуждаю, но себя оправдать не могу. До-

верчив не был, обманывали в свиданиях, но верю верности и чистоте. Запнулся. Она лишь хранит улыбку. Оправдываться не приучен. Не дожидаясь разбирательств, доложил:

– Виноват! Пригрел бедняжку.

– Чтооооо?!

Она уже пробегает мимо. Вон в ночь.

– Сгною на нарах!

Не могу осудить его, старого вояку. Засиделся в капитанах, озлобился. Снискал должность и нахватался, пожалуй, от коллег из «пятого» факультета.

– Так точно! Заслужил!

Вызвали караул. Явились конвоиры. Заспаны, но бреты чисто. Препроводили. Глаза дежурного капитана глядели осуждающе. Спал крепко на плохо крашенных досках предвальной камеры остаток ночи.

СУДИЛИЩЕ

Ночь прошла. Утро забрезжило, но лишен возможности увидеть зарю утренней Авроры по причине отсутствия в камере окон, разбужен только топотом сапог арестованных из других камер. Грюкнув замком, начальник караула распахнул и мою дверь.

– Подъем!!!

Сухая, трескучая дробь барабана возвестила о начале строевых занятий. Я остался ожидать своей участи. Нетерпелив? Извольте. Приучен часами самоподготовок к созерцанию строгих формул и теперь не стал отвлекаться на пустые терзания. Вообразив стену доскою, стал мысленно оппонировать Пифагорову правилу доказательства теоремы о катетах и гипотенузах. Сделал гимнастику. Воспрям!!!

Увлеченный формулостроением, не застал привычного уже грюканья замка. Вскочил. На пороге начальник караула вновь. С ним выводящий конвоир. Штык примкнут. Торжество момента исполнено сочувствием к моей судьбе. Читаю подобие жалости в их глазах. Что ж! Я готов!!! Жалости не приму. Как декабрист... Пожалуй! Впрочем, не испытываю к этим сотрясателям государева трона участия. Исправлюсь! Как один из севастиийских мучеников, ступаю на дорогу судилища за веру и

идеалы. Простите. Вам меня понять не трудно. Неизвестность пугает. Определенность мирит с бытием.

Сопровождаемый конвойным, препровожден в комендатуру мимо марширующих арестантов. Их лица преисполнены терзаний... Уже мне прислана замена. Мой однокурсник в парадном мундире за столом несет неоконченную мной службу. Рядом давешний капитан. Глядит тревожно, предполагая сексотство в отношении его попустительства моей ночной отлучке. Я ободрил его гордым взносом головы. Непокорный обстоятельством, покорен только судьбе и Божьей воле. Вступаю в комендантский кабинет.

– Фамилия?

Напротив, за столом капитан Татулов и незаметный допреж начальник в мундире мотострелка. Без эполет и аксельбантов. Как принято Уставом и приказами министра обороны. Татулов держался более удобного костюма, но опереточно не смотрелся. Скорее уместно, в своем пятнистом комбинезоне почетной роли опричника гарнизонных разгильдяев. Стекла его очков дымчато отблескивали и отражали удивленные несколько лица конвоира и начальника караула гауптвахты.

Я доложил. Четко. Не без достоинства, но и не дерзко.

– Причину снятия с наряда знаете?

Говорил, кажется комендант. Ведь Татулов капитан и не представлен гарнизону как исполняющий обязанности.

– Вот рапорт начальника гауптвахты. Вас расстрелять за это мало!!! В святая святых б...дь протащили!!! Скотыыыы!!! Честь мундира паскудите!!! Молчать!!! Вы мне расскажете, кто помог!!! Кто допустил!!! – Он не орал. Голос его срывался на визг и портил назидательность внушения. – Караул за дверь!

Команду исполнили. Теперь один на один, словно перед лицом инквизиции испытываю чувства Галилео. Пафос упорства отшел как неуместный. Ответствую.

– Виноват! Готов составить объяснительную.

Искренностью заморозил оппонентов. Но не впервой. Начуен баталиями во время научных конференций и семинаров. Всегда был зван в содокладчики и отстаивал перед лицом ареопагов труды соискателей научных лавров. От неожиданности гауптман (уместное, пожалуй, германское словцо и способно

каламбурно созвучить должность и чин Татулова) подскочил на стуле.

– Сгноюююююю!!!

– Отставить, Миша!

Доверительность обращения подсказала, что судьба моя определена. И между ними есть согласие. Я жертвенный агнец, возведенный на алтарь. Осталось отдать дань формальностям и не увлечь легкомысленного капитана в соучастники.

«Кадеты, братья!!! Костер сложен!!!» – восклицал я в душе и скрипел пером о предоставленный комендантом лист серой, казенной бумаги. Вот его текст. Опущу шапку и подписи для краткости. Всяк помнит, как нужно составлять рапорт.

РАПОРТ

В 24-00 ... мая сего года, исполняя обязанности дежурного по гарнизонной комендатуре по причине отдыха старшего офицера, услышал женские крики о помощи и шум борьбы за окнами дежурного помещения. Исполняя воинский долг по защите гражданских лиц и не приняв мер по предупреждению о своих действиях дежурного офицера, выбежал на улицу, чтобы пресечь возможные противоправные действия неизвестных. На мостовой обнаружил девушку и убегающую группу из трех человек, предположительно мужчин. Мер по задержанию не предпринимал.

Для организации расследования обстоятельств происшествия и с целью информирования органов внутренних дел проводил пострадавшую в помещение комендатуры. Разбудил дежурного офицера, но дальнейших действий в соответствии с принятым решением выполнить не смог по причине прибытия в расположение комендатуры начальника гауптвахты капитана Татулова и бегства задержанной, которую капитан Татулов опознал как некую Анжелику. Возможно, участвующую в инсценировании уличного беспорядка с целью проникновения в дежурное помещение комендатуры и предположительно способную совершить некие замыслы, мне неизвестные, в отношении должностных лиц комендатуры и состава суточного наряда, которые капитану Татулову по причине знакомства с этой особой могли быть известны.

Благодаря бдительности и решительным действиям начальника гауптвахты данные действия были пресечены. Прошу применить ко мне меры взысканий, соответствующие совершенному проступку относительно неоповещения дежурного офицера и способные привести к осуществлению возможных замыслов подозреваемой. Прошу принять во внимание чистосердечное раскаяние и критические условия действий.

Немая сцена! Шорох бумаги, передаваемой от коменданта к начальнику гауптвахты, был зловец. Усы Татулова шевелились вслед движениям губ, произносящих в полшепота слова рапорта. «Гм! ММ-М!» – бесвязное мычание гауптмана обозначило завершение прочтения реляции.

– Спокойно, Миша! – снова сфамильярничал комендант, но руки Татулова уже заходили ходуном; пожалуй, чрезмерно хаотично. Возможно, тот отметил изящный слог в изложении обстоятельств ночных событий. О, сила слова!!! Порою мы усердствуем в оскорблении оппонента матерщиной. Иной раз излишне. Русский язык и в канцелярском своем виде могуч и цветист! Богат междометиями и существительными. Певуч прилагательными и категоричен глаголами. Он многогранен.

– Да ты наглец! – Вскричал комендант в один голос с Татуловым.

– Виноват! Никак нет. Все обстоятельства изложены в рапорте точно.

Вытянут во фронт, отвечивал с достоинством и твердо.

Вновь отвлекусь. Многие лишают военные реплики изящности. Возражу. Они закончены в своей сути и не лишены в определенных обстоятельствах поэтичности. Гармонии, поправлюсь. Виноват.

– Отставить издеваться! Переписать!

Подполковник (а именно такого чина был комендант) вновь сорвался на визг.

– Виноват! В рапорте все точно!

Гауптман, не сдерживая более тремора во всех суставах, сорвался со стула и начал выписывать коленца, орошая все вокруг себя слюной и размахивая рапортом в руке, двигаясь по кабинету беспорядочно, как запущенный по сукну со всех сил

бильярдный шар, не находящий лузы, отскакивая от углов и натываясь на скучную обстановку.

– Ты, говно! Сгною на нарах! – дышал мне в ухо Татулов, источая зловоние гнилых зубов, но я был непреклонен.

– Вызовите дежурного, он подтвердит.

Играть на понт при ловленном мизере не мой конек. Коротая досуг в аудиториях, мы увлекались время от времени преферансом. На фанты. Без интереса меркантильного, но для упражнения ума. Теперь такое могло сыграть роковую роль в моей судьбе. Но благородство терпит риск.

– Что подтвердит?

– Что по наступлению 24-00 он лег спать в соответствии с возможным недомоганием желудка. Он отлучался в уборную до этого. Я сделал вывод, что следует уступить ему свою очередь для сна. Нес дежурство в соответствии с...

– Сгноюуююю!!!

С этим возгласом гауптман вырвался из кабинета и пошел кружить уже в коридоре, сметая испуганного конвойного со своего пути. Вопли его оглашали округу и должны быть слышны и на улице.

– Ты понимаешь, чем тебе это грозит? – спросил почти ласково комендант.

– Так точно! Расследованием всех обстоятельств. Необходимо установить точные данные этой Анжелики. Уверен, что и она подтвердит.

– Что подтвердит?!? Что эта б...дь может подтвердить?

– Виноват.

– Что виноват?

– Не знал, что она б...дь! Но подтвердить обязана, раз честная девушка.

Уже и комендант лишился дара речи, видя непреклонность мою обстоятельствам. Глаза мои горели праведным светом.

– Трое суток ареста! Под суд пойдешь!!!

Перспектива судебного преследования была туманна. Я осознал это не по наитию, а уверенный в своей правоте. Доволен судьбой разбирательства, выкрикнул:

– Есть трое суток ареста!

Военная косточка, умел угодить командирам.

Комендант без сил опустился на стул.

– Конвойный!– прохрипел он. – Увести! Начальник караула, ко мне.

Команды звучали как музыка. Горжусь их автором. Безвестный гений прославлен будет и через века, пока существуют вооруженные силы родной Отчизны.

Препровожден вновь через двор и определен подоспевшим начальником караула в одиночную камеру.

Не скрою, был удовлетворен безмерно.

*Кузубов Александр. Ник на сайте – тот же.
Родился в 1960 г. Все учебные заведения, включая ДВВА-ИУ, заканчивал с золотой медалью, красным дипломом и слегка усталым лицом. Служба в авиационном полку, на свежем аэродромном воздухе, здоровье укрепила, но чуть не погубила массу других талантов. После увольнения в запас появилось немного свободного времени, которое он полностью посвятил воспитанию двоих сыновей. С младшим теперь в шахматы играть не садится – ну как играть с международным гроссмейстером, не потеряв отцовского авторитета? Живет и работает в Донбассе, в городе Краматорск.*

ЛЕЩ И ПОДЛЕЩИК

Сначала пояснение для несведущих. В нашем училище был комендант (знаковая фигура!) по фамилии Лещенко. И был у него помощник, прапорщик Павлишин. Соответственно, клички у них были – Лещ (или Рыба), и Подлещик. А теперь собственно рассказ.

Как-то работаем мы в воскресенье в валах, в районе Северного городка. (Написал «в валах» и сам удивился, насколько специфично звучит. Но, тем не менее именно так – в валах. В валах нашей крепости располагалось множество подсобных помещений.) Совершенно тупо перетаскиваем в каком-то каземате с места на место бочки, ящики и проч. И тут между валами появляется Рыба (идет, наверное, в свой гараж или просто водочки к кому-то попить) в распрекрасном настроении. Подходит к нам и добродушно так, благожелательно задает очень уместный в данном случае вопрос: «Ребятки! Чем занимаетесь?» Мы очень логично в данной ситуации отвечаем, что перетаскиваем ящики. Рыба задает следующий вопрос: «А из-под чего ящички-то?»

Один из нас, а именно Саня Нос, ни на секунду не отвлекаясь от работы, ничтоже сумняшеся (и совершенно не задумываясь над последствиями) отвечает: «Из-под рыбы!»

Далее следует немая сцена, достойная пера Гоголя. Я стою немножко сзади и сбоку и вижу, как вся в складках шея Рыбы в самом буквальном смысле наливается кровью, все его прекрасное настроение улетучивается в один миг, и с багровым перекошенным лицом он наворачивает ремень Носа (а находится этот ремень далеко ниже пояса) на кулак, отрывает Носа сантиметров на тридцать от земли (должен отметить, что Нос значительно выше Рыбы по росту, но, конечно, по комплекции не сравнить) и держит в таком положении, наверное, с минутой... Нос как-то уже и задыхаться начинает, а Рыба в это время, сурово рыча, приговаривает: «Вы меня все достали, все Рыба да Рыба! Ну кому конкретно из вас что я плохого сделал?!» После этого он что-то еще добавил, успокоился, отпустил Носа и пошел дальше по своему маршруту. Но с совершенно испорченным настроением... А эпизод этот остался, по крайней мере в моей памяти, на всю жизнь.

И про Подлещика

При заступлении в наряд на КПП чаще всего проводил инструктаж Подлещик как помощник коменданта.

Начинал он свой КАЖДЫЙ инструктаж следующей фразой: «Так, значит, так. Специфика нашего училища такова: у нас три КПП – Западный, Северный и Центральный, на котором вы в данный момент находитесь».

И дальше следовало обязательное продолжение: «Так, значит, так. Милицию, пожарную, скорую – пропускать беспрепятственно. Такси, грузотакси – пропускать беспрепятственно. Машины – хлебную, мясную, молочную – пропускать беспрепятственно». И дальше, через «Так, значит, так», продолжался весь инструктаж...

Прошло уже больше четверти века. Но разбуди меня в любой момент, и я отчеканю эти крылатые фразы! И о специфике нашего училища, и о том, что хлебную машину пропускать беспрепятственно. Вот она, сила внушения!

ДУШЕВНАЯ ПЕСНЯ

Дело было по окончании второго курса. Идет экзаменационная летняя сессия, окна нашей 332-й аудитории открыты настежь, поскольку стоит невыносимая депилская жара градусов в двадцать пять с просто непереносимой депилской влажностью.

Товарищи курсанты пытаются выучить или на худой конец зазубрить какие-то азы (или ижицы) предмета, который через два или три дня придется сдавать придиричивым товарищам преподавателям.

И на фоне этой подготовки из окна второго этажа дома жилой зоны напротив нашей аудитории из колонок проигрывателя раздается приятная мелодия, прекрасный голос Анны Герман: «Один раз в год сады цветут...» Хорошая такая, душевная мелодия. И голос у певицы очень душевный, проникновенный...

Весь личный состав учебной группы высовывается из окна, с одобрением встречает песню, хлопает в ладоши; две девушки в окне дома напротив по окончании песни переставляют пластинку, мелодия звучит вновь. И вновь личный состав хлопает в ладоши, вновь две симпатичные девушки в окне дома напротив переставляют пластинку...

И так продолжается в течение трех суток... Личный состав уже давно перестал хлопать в ладоши и высовываться в окно. По истечении этих трех суток кто-то пытается забросить в окна дома напротив подручный материал в виде камня или кирпича, чтобы заглушить ненавистный проигрыватель. Но курсантский организм отоцал и ослаб в преддверии сессии, и этот подручный материал, невзирая на титанические попытки и усилия товарищей курсантов прибить двух симпатичных девушек, цели не достигает, падает на асфальт на дороге. А из теперь уже ненавистного окна продолжает звучать «Один лишь раз, один лишь раз...» Проникновенно так, душевно...

Я по жизни человек очень лояльный, но настолько достала меня эта мелодия, что я готов был запустить свой учебный стол, рассчитанный на трех человек, с таким расчетом, чтобы он достал и накрыл этих двух симпатичных девушек вместе с их проигрывателем!

Прошло более четверти века, но стоит в эфире зазвучать словам: «Один раз в год сады цветут...» – и тут же сразу я вспоминаю и окно напротив, и двух симпатичных девушек. И снова возникает непреодолимое желание... швырнуть что-нибудь прямо в цель!

СКАЗКА О КАЙДАКСКОЙ ДУБРАВЕ

Довелось мне в свое время служить в славном 933 иап, г. Днепропетровск, аэродром Кайдаки. Часто вспоминаю годы службы там. А память у меня на фамилии хорошая. И вот к какому сюжету под названием «Кайдакская дубрава» привел меня как-то краткий анализ фамилий сослуживцев.

Сразу возникает вопрос: а почему дубрава? Ну, судите сами.

1-я авиаэскадрилья. Начальник ТЭЧ звена – Дубок. Начальник группы РЛЮ – Дубаневич.

2-я авиаэскадрилья. Техник самолета – Дубинин.

3-я авиаэскадрилья. Начальник ТЭЧ звена – Дубинин.

Позиция. Техник – Дубенский.

Кроме этого, механики – Дубов и Дубовской.

И все это на одном маленьком кусочке суши, в одно и то же время. Чем не дубрава?

А теперь немножко о фауне, населяющей эту дубраву.

Верховодило в ней мычащее-блеющее руководство: начальник авиации дивизии Телятников и командир полка (будущий командующий авиацией ПВО Украины) Барашкин.

Высоко в небе парил летчик Орленко, а чуть пониже искал свою пару руководитель полетов Лебедев. Еще ниже летали техник самолета – студент Соколов и механик - прапорщик Балабан (разновидность сокола).

У поверхности земли пытались построить «клин», но у них это никак не получалось, два прапорщика Журавля (отнюдь не родственники). Особняком от них держится начальник АРЗ п-к Рябчук, птица более высокого полета. Если вспоминать авиа-ремзавод, там же парят авиационные механики ЛИС Чижик и Голуб, а у самой земли попискивает Комар.

А вот и еще нескольких представителей славного племени пернатых. «Вот они, расселись по лесам», но не поют, а громко каркают – инженер эскадрильи Грачев, офицер КП Воронин и прапорщик Воронич со склада вооружения.

Посреди дубравы было небольшое озеро, поросшее камышом. По зеркальной глади озера скользил, любуясь своим отражением в воде, летчик Селезнев. На краю озера хвалил свое маленькое персональное болото летчик Куликов. Рядом кропотливо строил свою хатку летчик Бобровский. В тихих водах озера плавали начальник эскадрильевой группы СД Карпенко, Карпусь с ремзавода, техник самолета студент Лящук и комэска (будущий командир полка) Таранец. Чтобы они не расслаблялись, их постоянно гонял среди подводных зарослей инженер эскадрильи Акула.

В густых зарослях шныряли представители отряда хищников – инженер по САУ Куницкий и начальник группы САПС Лисовский. От них трусливо прятались два Зайцевых: и лейтенант, и полковник.

На полянке резво скакали начальник группы СД ТЭЧ Козлов, техник группы РРНО студент Козлов, механик самолета Козик и механик группы САУ Козленко.

Рядом мирно паслись и жевали траву, отмахиваясь хвостами от оводов, техник самолета Меринок и техник группы «Пароль» студент Меринов. Изредка их пугали, выходя из кустов, жующие траву начальник автотракторной и электрогазовой службы ОБАТО Бугай и начальник ТЭЧ полка Быковец.

В кустах терновника выводил свои рулады начальник группы САУ эскадрильи Соловьев.

С дерева на дерево перепрыгивал штурман полка Соболев.

Рядом с полем набивал свои щеки техник группы САПС Хоменко...

Это был обычный день в обычной дубраве обычного военного советского леса...

ПРО СТУДЕНТА СЕГЕЖКУ, ИЛИ ПОЛЕТ НА ХАРЬКОВ

Как у человека, имеющего за плечами двадцать восемь лет календаря, к студентам у меня отношение особое. Появилось оно сразу после окончания училища, где просидели мы в казарме все пять лет. Мы, считай, своими руками сделали себе общагу, корячились там многие субботы и воскресенья. А потом начальник курса и начальник факультета совместно порешили,

что им сподручнее будет наблюдать нас всех вместе в казарме, а не по отдельности в комнатах общаги (как бы чего не вышло). И отдали нашу общагу четвертому факультету, пришли туда ребята из 47-й роты на все готовое, не ударив даже пальцем о палец. До сих пор обидно. Хотя они-то не виноваты...

Вот почти так, на все готовое, приходили и студенты в полк. А потом и руководящие должности занимали. У меня из трех инженеров полка двое были студентами. Крайний инженер эскадрильи – студент, крайний зам. по ИАС полка – студент (потом дослужился до главного инженера армии).

Но это так – лирическое отступление, а теперь, как говорится, ближе к телу.

Пришел к нам в полк техником самолета студент после ХАИ. Возрастом он был чуть побольше стандартных двадцати двух – двадцати трех лет, был женат, жена с ребенком остались в Харькове. Фамилия у него была Гончаров, а звали его Сергей. Но так как у него были большие проблемы с произношением буквы Р, в среде технарей его иначе как Сегежкой Гончаговым и не называли.

А командиром второй эскадрильи в это время был подполковник Сафронов Виталий Петрович. Мужик крикливый и вредноватый, но летал хорошо, это не отнять. Заступает как-то он днем на БД, а там дежурит как раз Сегежка Гончагов. Хорошо летчикам заступать на БД днем: ночью выспался (или не выспался), пришел на БД, проверил связь, позавтракал и спи себе дальше, пока обед не привезут. Именно таким образом Виталий Петрович и поступил. Спит он, и снится ему прекрасный сон: приходит к нему на стоянку второй эскадрильи жена, встречает он ее и ведет к 05-й спарке, чтобы прокатить с ветерком на «потолке» до Харькова. Надевает он на себя и на нее ВКК, на нее гермошлем, и только собрался надеть гермошлем на себя, как вдруг, откуда ни возьмись – Сегежка Гончагов, хватает гермошлем и убегает. «Куда ты, Сегежка?» – спрашивает Сафронов. «На Хайков, к жене» – отвечает Гончагов. И стало тут обидно Сафронову: «Так я же первый хотел свою жену на Харьков прокатить!»

И вдруг он подскакивает с постели и соображает, что не во сне ему привиделось и слышалось, а наяву заходил в комнату отдыха Сегежка Гончагов и наяву схватил гермошлем и убежал.

В панике кричит Виталий Петрович прапорщику – начальнику караула «В ружье!!!» Благо, тот оказался на месте, не спал и быстренько поднял бойцов и всех, кто был в дежурном домике, и понеслись они в дежурное звено. Прибегают - а Сегежка уже взобрался по стремянке в кабину с надетым на голову гермошлемом, дал команду бойцу после запуска самолета отсоединить ШРАП. Благо, не успел закрыть и загерметизировать кабину. Так его быстренько толпа под белы ручки вытащила из кабины, Сафронов стоит весь белый как мел, трясется...

Ну что, отправили Сегежку в тот же день на «дурку», был он там определенное время, возвратился каким-то присмивевшим. А Сафронову дали несколько дней отдыха для реабилитации от полученного стресса. Сегежку, конечно, на матчасть не допустили, до дембеля ему оставалось немного, так он до него и дотянул. После этого фраза «Куда? На Хайков» стала в полку крылатой.

P.S. За содержание сна подполковника Сафронова не ручаюсь, а все остальное – истинная правда

ПРО СТРЕЛЬБЫ

Очень многим из нас приходилось бывать на стрельбах. Я думаю, многие со мной согласятся, что авиационные стрельбы по летящим мишеням на полигоне – это даже не страницы из жизни боевой части, а целые главы. Довелось и мне несколько раз побывать там. Впервые я полетел на стрельбы в 1984 году, и описываемые события относятся как раз к тому периоду.

933-й истребительно-авиационный полк, базирующийся на аэродроме Кайдаки (Днепропетровск) совершает перелет в составе 24-х экипажей боевых самолетов МиГ-25ПДС и двух спарок МиГ-25ПУ для выполнения боевых стрельб на государственном полигоне Красноводск.

Ваш покорный слуга впервые участвует в таком важном мероприятии. Для него многое внове, и он впитывает в себя впечатления, как сухая губка влагу.

Летим в сторону Красноводска крайним бортом Ан-26 в составе группы выпуска. Кроме технарей, борт перевозит еще некоторых товарищей, которые участвовали в выпуске самолета

тов, а также группу официанток, которые будут кормить изголодавшихся товарищей в жарком Красноводске.

Взлетели, набрали заданную высоту, и на борту начинается размеренная перелетная жизнь (лететь ни много ни мало четыре с половиной часа). Потихоньку в ход идут «тормозки», которые собрали в дорогу руки заботливых жен, подруг или собственные руки в случае отсутствия заботливых женских, достаются фляжки с СВС (для совсем непонятливых – спиртоводяной смесью в пропорции пятьдесят на пятьдесят). После краткой разминки личный состав разделяется на группы по интересам: кто-то играет в шеш-беш (неприжившееся название – нарды), кто-то дремлет, а в хвостовой части самолета, поближе к рампе, группа товарищей начинает карточную игру «храп». Проходит часа два, и один человек среди играющих в карты, а именно Витя Болдышев (в простонародье – Болт), начинает вести себя слегка неадекватно: ерзает по лавке, краснеет, бросает карты совершенно невпопад.

Народ, видя это, сразу смекнул, в чем дело, и моментально начинает поджучивать бедного Болта. А того действительно начинает крепко припирать, и припирать не по-детски, а побольшему. Очередной раз приложившись к фляжке, товарищи уже громко, чтобы слышали официантки, сидящие ближе к кабине, интересуются у бортача, имеется ли в наличии на рампе ведро и какой оно емкости, на что он вполне серьезно, взбодренный налитой заботливыми руками технарей СВС, отвечает: «Обязательно, всенепременно, емкостью в десять литров, оцинкованное, в данный момент абсолютно пустое, и воспользоваться этим ведром можно в любой момент, когда кому заблагорассудится. Только извиняйте, чай, не графья, но шторки или отдельной кабинки на нашем ероплане не предусмотрено. Ежели изволите, ежели уж совсем крепко припечет, то милости просим на рампу». Подвыпившие официантки злорадно похихикивают и уже представляют Болта с его массой далеко за сто килограммов восседающим в позе орла на ведре рампе.

Скоро сказка сказывается, но не шибко быстро проходят оставшиеся до посадки два с половиной часа. И без того постоянно красное, лицо Болта периодически приобретает оттенки от малинового до темно-бордового. Бедный Болт мечется вдоль

лавки, уже бросил карты и буквально через каждую секунду смотрит в иллюминатор, когда же закончится внизу этот трехклятый нескончаемый Каспий и покажется такая вожденная ВПП.

Ну, вот наконец шасси касаются раскаленной бетонки ВПП. Еще не успели до конца стихнуть двигатели, еще не коснулась поверхности земли рампа, как Болт пулей вылетает из самолета и начинает искать хоть какое-нибудь укрытие невдалеке. Наивный!!! Кто бывал в Краснодарске, скажите, реально ли там найти какое-то укрытие надежнее куста верблюжьей колючки? Нет, не найдете вы такого укрытия! Так и Болт не нашел. Благо, к моменту заруливания борта на стоянку уже подъехал ПАЗик, быстро в него загрузились официантки вместе с ящиком с провизией...

Скажите честно, кто видел лицо самого счастливого человека на Земле??? Я думаю, что все-таки однажды видел его я. И сидел этот человек на глинистой земле полупустыни в тени от плоскости Ан-26-го, и блуждала на лице его неопишуемая улыбка, а само лицо выражало неземное блаженство...

К моменту описываемых событий все боевые и учебно-боевые самолеты благополучно достигли аэродрома Краснодарск, благополучно, хоть и с некоторыми приключениями (см. выше), добрался и весь остальной личный состав, и на следующее утро было объявлено построение всего личного состава для постановки задач.

После завтрака на площадке напротив самолетов был построен весь личный состав, начиная от водителей спецмашин с ОБАТО и заканчивая командиром полка и представителями дивизии и армии. Так называемую постановку задач в преддверии боевых стрельб проводил командующий авиацией 8-й отдельной армии ПВО генерал-майор Уманец.

И вот, выходит генерал-майор Уманец перед всем личным составом и произносит зажигательную пламенную речь о том, что полк, дескать, успешно перебазировался на аэродром Краснодарск, что перед личным составом стоит важная задача выполнить боевые стрельбы на Государственном полигоне Краснодарск на «отлично» и прочая, прочая, прочая... Итогом этой зажигательной речи становится следующий спич: «Вы приле-

тели на Государственный полигон Красноводск, условия здесь нелегкие, очень жарко, пожалуйста, не пейте сырую воду, а то будет разжижение кала, а нам нужны здоровые, крепкие бойцы для успешного выполнения боевых стрельб и пр., пр., пр.»

После этой речи генерал-майор Уманец садится в УАЗик со своей армейской свитой и уезжает.

Ему на смену перед строем выходит начальник авиации дивизии полковник Телятников и начинает: «Полк успешно перебазировался на аэродром Красноводск. Теперь перед личным составом стоит важная задача – выполнить боевые стрельбы на Государственном полигоне Красноводск на «отлично» и прочая, прочая, прочая. Вы прилетели на Государственный полигон Красноводск, условия здесь нелегкие, очень жарко, пожалуйста, не пейте сырую воду, а то, как сказал генерал-майор Уманец, будет...»

И здесь наиболее догадливые из присутствующего личного состава добавляют: «Разжижение кала», на что полковник Телятников утвердительно говорит: «Да, разжижение кала», – садится в УАЗик со своей дивизионной свитой и уезжает...

Ему на смену перед строем выходит командир полка полковник Барашкин и начинает: «Полк успешно перебазировался на аэродром Красноводск. Теперь перед личным составом стоит важная задача – выполнить боевые стрельбы на Государственном полигоне Красноводск на «отлично» и прочая, прочая, прочая. Вы прилетели на Государственный полигон Красноводск, условия здесь нелегкие, очень жарко, пожалуйста, не пейте сырую воду, а то будет, как сказал, генерал-майор Уманец ...» И здесь пока еще нестройный хор недружно подхватывает «разжижение кала», на что полковник Барашкин утвердительно говорит: «Да, разжижение кала», – садится с летчиками в ПАЗик и уезжает...

Ему на смену перед строем выходит заместитель командира полка по ИАС подполковник Гениевский. Наверняка, он хотел сказать что-нибудь другое, но опять сбился на банальное: «Полк успешно перебазировался на аэродром Красноводск. Теперь перед личным составом стоит важная задача выполнить боевые стрельбы на Государственном полигоне на «отлично» и прочая, прочая, прочая. Вы прилетели на Государственный полигон Красноводск, условия здесь нелегкие, очень жарко, пожалуйста,

не пейте сырую воду, а то будет, как сказал, генерал-майор Уманец...» И здесь уже стройный хор технарей почти в сотню глоток взревел: «Разжижение кала!!!», строй практически лег на раскаленный бетон в изнеможении от хохота, на что подполковник Гениевский только и смог добавить: «Да, разжижение кала», — а дальше тоже не выдержал и упал от хохота на бетонку...

Поднявшись с бетонки и отряхнув пыль с технички, зам. по ИАС предложил дальше не расслабляться и дал команду готовить самолеты к предстоящим стрельбам.

В общем, пробыли мы в Красноводске больше недели, успешно отстрелялись на «отлично» без всяких приписок и подтасовок. Дело близилось к завершению стрельб. Все самолеты и большая часть личного состава уже улетели на Днепр, на завтрашнее утро двумя крайними бортами должен был улетать оставшийся личный состав. Вылет назначили на девять утра, подъем, соответственно, на шесть.

Где-то без двадцати шесть какая-то неведомая сила поднимает меня с кровати в ангаре и ведет метров за тридцать за этот ангар, в то место, где расположено небольшое деревянное строение, сооруженное из неструганых досок. Отправив естественную надобность, я возвращаюсь в ангар, но, не успев дойти до вожделенной кровати с мечтой полежать еще хотя бы минут десять, та же неведомая сила поворачивает меня ровно на сто восемьдесят градусов и ведет в то же деревянное строение. Посетив его во второй раз, с чувством исполненного долга более чем на сто процентов, я пытаюсь возвратиться в ангар. Но не тут-то было!!! Снова я занимаю место в туалете типа сортир, наблюдаю сквозь щели в стенах голубое небо. И на фоне этого созерцания на меня снисходит озарение: да это меня настигло то самое «разжижение кала», о котором так много и настойчиво говорили наши заботливые отцы-командиры в самом начале стрельб.

Скоро сказка сказывается, но не так скоро дело делается. Уже остальной личный состав успел съездить в город в столовую на завтрак. Я же сподобился дать товарисчам фляжку, чтобы они наполнили ее горячим чаем без сахара. Успел я пропустить и соточку СВС с солью, но неведомая сила уже в восьмой раз ведет меня по уже до боли знакомой траектории, уже каждый камешек на тропинке становится родным и, кажется, что с ехидцей подмигивает тебе...

После этого подхожу я к доктору, падаю перед ним ниц и слезно прошу: «Дорогой товарищ доктор! Не вели казнить, вели слово молвить! Не корысти ради, а здоровья для прошу у вас действенных медикаментов от разжижения кала, кое настигло меня в столь неподходящий момент, аккурат накануне вылета крайних бортов в наш родной Днепр. Не могу же я, неделю не мытый, грязный, в одной техничке и почти без средств к нормальному существованию, зависнуть здесь, в этой пустыне по причине своего нездоровья на неопределенный срок». На что доктор мне отвечает: «Встань, товарищ старший лейтенант, с пыльной бетонки, отряхни свои колени и слушай меня. Немного медикаментов осталось у меня под конец нашего пребывания здесь, не один ты такой, но кое-что еще есть». И после этого открывает он свою сумку с большим красным крестом и насыпает мне полную горсть таблеток, кою я не преминул сразу тут же и выпить, запив привезенным заботливыми товарищами чаем из фляжки. Но не оказались таблетки чудодейственными, до вылета еще четыре (!!!) раза посетил я деревянное строение.

Уже борты запустили двигатели, уже села вся та же компания, которая летела в Красноводск (см. часть первую) в самолет, захожу на борт и я. Первым делом спрашиваю у бортача, есть ли ведро на рампе, на что он отвечает совершенно утвердительно. После двенадцати набегов на отхожее место мне уже совершенно по барабану, что вместе с нами летят официантки и что не предусмотрено никакой шторки на данном борту... А впереди четыре с половиной часа полета. Я размещаюсь в передней части салона на матрасе и, совершенно измученный, впадаю в забытье...

Забытье это заканчивается после того, как колеса шасси коснулись бетонки родной ВПП. Ура! Уже дома. Тенью выхожу из самолета и сажусь в тягач.

К этому времени все самолеты полка благополучно вернулись домой. Матчасть нашей эскадрильи отработала без отказов. А была у нас хорошая традиция в полку давать по пять суток к отпуску за переработку. К этому времени отпуск я уже отгулял, поэтому по горячим следам на фоне успешно выполненной боевой задачи сразу подошел к комэске и попросил эти пять суток, которые он мне, не торгуясь, и дал. Был я еще холо-

стяком, вечером уже сидел в поезде, а утром грел свои косточки дома, на Азовском море. И только на четвертые сутки пребывания там я вспомнил, что существует в природе сурьезное отправление естественных надобностей...

Федоричев Сергей. Ник на сайте – Сулико.

Родился в 1965 г. Детство прошло в Даугавпилсе, поэтому свое поступление в ДВВАИУ на факультет радиоэлектронного оборудования считает закономерным и абсолютно естественным. Годы учебы в училище называет своими лучшими годами в жизни, но надеется, что и предстоящие будут не хуже. «Человек, сделавший себя сам», – это о нем. Но для этого ему пришлось после увольнения поработать и грузчиком, и преподавателем физкультуры, и еще много кем. Сегодня успешен и уверенно смотрит в завтрашний день. Живет и работает в Москве.

Думаю, читая мои заметки, каждый найдет частичку себя – того, юного, перед которым лежали нудные, как тогда казалось, курсантские будни, окрашенные увалами да самоходами, и бесконечные просторы будущей взросло-интересной жизни...

КМБ

Получив форму, я тут же поскакал в парикмахерскую и постригся. Все десять лет службы я стригся так, как в тот июльский день 1982 года. Это очень помогало – как мне, так и ребятам, за которых ходил на училищные построения и разводы караула. Было модным стричься под «канадку», а мне было без разницы: я рос длинным и тощим, и прической тут ничего нельзя было исправить... И представляете, как было обидно, когда дежурный по училищу, не глядя на меня, снял с наряда, даже не глянув, но поставив диагноз: «Не стрижен!»

Первое, что ярко запомнилось в этом августовском КМБ, – это столовка. Честно говоря, была мысль на абитуре: то, что складывают в жирные бачки и ставят нам на столы, – это проверка на выносливость! Но как оказалось, это наш потенциальный корм на ближайшие пять лет.

Продолжим про КМБ. Как-то нас, зеленых первокурсников, мало прикалывали старшекурсники... А вот мы 43-ю роту – весь август! То они тапки выносили проветриваться... То мы сядем на валу в спортгородке или на лавочках внизу, на

площадке волейбольной, кто-нибудь звонит дневальному, и вот он через пять-шесть минут тащит вприпрыжку огнетушители в пожарку – заряжать!

Помню, очень ярко, дискотеку в курсантском клубе. Дверь с обратной стороны клуба, и мы с Димычем смотрим в замочную скважину и видим ЖИВЫХ ДЕВЧОНОК! И так сладко в душе: вот она, курсантская жизнь!! С той поры моя любимая попсовая композиция – это «Казино» группы «Пэсэнджер»...

Потом еще три года нашим с Димкой любимым местом была липа слева от парадного входа в клуб, из-под которой мы пялились на окно на втором этаже дома в жилухе, торцом к забору. Окно по вечерам светилось мягким желтым светом, и мы мечтали, глядя на него, как станем капитанами, получим квартиры, купим музыкальные центры (!) и женимся на красивых, умных, преданных, уютно-домашних девчонках, которые будут нас ждать с полетов с накрытым столом и разобранной постелью... Где ты сейчас, Димка Фарахшин?

Что еще ярко помню о КМБ – так это первые самоходики через железные ворота в жилуху, в ателье, на ушивку парадки. Кстати, у всех были «кооперации»? Когда собираются три-пять курсантов и один из них неделю ходит в жилуху с саквояжем, набивая его молокопродуктами? У нас такое широко практиковалось, и чаще всех под патрульную раздачу попадал Саша Конах. Очень хочу узнать о нем что-нибудь... Такой славный и честный парень! Все пытался затащить меня в КПСС, а я со своим инфантилизмом никак не мог понять, чем отличается некоммунист от коммуниста?..

Так и прошел этот волшебный месяц август в мечтах о будущей курсантско-офицерской жизни, хлопотах о парадке и привыкании к форме, пище, бане да и друг к другу.

ПРИСЯГА

Стыдно признаться, но день первого увольнения не помню вообще. За день до присяги нас все-таки засекли в жилухе, и мы с Димоном весь вечер переживали: то ли завтра присягу принимать, то ли готовиться к отчислению... Кстати, после этого случая все то «непотребное», что я делал в училище, сравнивалось с теми событиями, за которые кто-то был отчислен. Если

прецедент был и закончился успешно, я спокойно это делал: самоходы, выпивоны (чем, кстати, не очень грешил), «двойки», приколы над командирами, неисполнение тупеньких приказов и т.п.

В день присяги волновался очень. Знал, что слезы потекут, эмоциональный я очень, и думал, как бы не заметили – мужчина ведь... Но все как-то быстро закончилось, да и не волнующе это было для меня, может, оттого, что достало ее наизусть зубрить, может, оттого, что это на поток поставлено – много народа по очереди делает одно и то же...

Увал первый провел дома, валяясь на мягком диване, пожирая пюре белого цвета и котлеты из мяса.

ЛАГЕРЯ

Вот и началась курсантская жизнь... Самое яркое впечатление – это неделя лагерей. Сам поход на стрельбище – с оружием, с выкладкой – уже настраивал на романтический лад, а уж дойдя до места и поглядев на палатки, умывальники, лес вокруг, сам полигон, я понял – это как раз то, к чему я стремился. Я становлюсь военным. Но и разочарования начались именно в лагерях...

Я уже тогда был подмастерьем по спортивному ориентированию. Представляете, как мне хотелось показать свои способности отцам-командирам! Тем более в точных науках я не блистал... И вот за день до похода по карте меня наказывают за «курение в непопленном месте!» А я в 9-м классе курить бросил! И вместо «показательных выступлений» мы весь следующий день кололи дрова.

Так я понял, что несправедливость может иметь место в армии и в отношении меня.

СТОЛОВКА

Театр начинается с вешалки. И столовая тоже.

Как-то получалось, что в нашем столовском гардеробе все время тырили то шапки, то шинели. Несмотря на это, старшина запрещал складывать их на спинки стульев. А в нашем взводе был такой Серега Кутюхин. Одиозная личность – ниги-

лист, циник и приколист – короче, замечательный парень! И вот однажды шапку сперли у него. Вместо шапки ему досталась пародия на русский треух, засаленная и на три размера меньше. И вот стоит он в этом наряде на построении после обеда, ротник смотрит на него и слов не находит. Ну а мы и слов не ищем – балансируем на грани, не повалиться бы от внутреннего хохота. Шапка Серегина была больше похожа на гребешок, чем на головной убор...

Наряд в столовку

Особая тема. Кто из нас не любил наряд в столовку?! Особенно в малую мойку! Хотя с Юрой Солодким мы брались за бачки, так как там была куча свободного времени и мы его занимали тренировками (подготовкой к марафону). Интересный наряд на резку, когда вечером складываешь в баки нарезанное тобой мясо, чтобы утром соратник по варке выуживал его из тех же бачков, но уже в виде сала!

Наряд на помывку зала роты

Хоть и не любили мы это, но как здорово идти по училищу после отбоя, зная, что имеешь на это полное право, и болтать ни о чем (т.е. о девчонках), особенно если это – пятница!

Путь в столовку

Единственный случай, когда команда «бегом марш!» воспринималась и исполнялась в миллисекунды – это когда на пути в столовку из-за угла вырисовывалась китайская 25-я рота! Старшина командовал, мы мчались побыстрее, чтобы прибежать перед ними, а не ждать, пока их змеиный хвост протянется мимо нас...

Непосредственно еда

Напомню рецепты:

Курсантский бутерброд. Берется в хлеборезке батон, режется вдоль и надвое, намазывается положенными тридцатью пятью граммами масла – запах уже есть, да и цвет чуток поме-

нялся. Далее в плоть батона вминаются откусанные от большого куска кусочки сахара. (Кстати, помните карман курсанта? Ложка и сахар там были всегда!) Бутерброд употреблять со сладострастием, на глазах тех, кому облом ходить в хлеборезку.

Курсантский ужин

Идешь в варку, клянчишь подсолнечного масла в тарелку, делишь его по-братски на стол и заливаешь серую массу, именуемую теплым домашним именем «картофельное пюре». Если рыба не воняет, можно и ее заточить... Так что я лично знал: покушать можно только на ужин... Вареная крупа на завтрак и комбижир с вытяжкой из овощей на обед как-то в меня не лезли...

Чистка картошки

Для начала вспомним, как мы чистили эти долбаные десять ванн картошки! Сначала наполняли одну ванну хорошо очищенной картошкой, взятой из всех ванн, потом эту картошку аккуратно раскладывали сверху по всем ваннам, закрывая нечищеную. Кто-то делал по-другому? Хотя это на младших курсах. После третьего, кажется, набирались ума и чистили по-божески.

ПОСЫЛКИ ИЗ ДОМА

Мои бабушка и дедушка периодически присылали мне посылки. Впрочем, посылки получал практически каждый. Форма дележа: приоткрывается ящик, вокруг которого стоит человек десять – пятнадцать. Оттуда хозяин достает что-то одно и кладет в парту. Это будет съедено с близкими друзьями. Далее крышка срывается, и двадцать страждущих рук за пять секунд вытаскивают из ящика все его содержимое.

Андрюха Базилевич (Симпатия) почти ежедневно ел на КПП и приносил с собой дипломат еды. Не делился ни с кем, за что был регулярно подвержен репрессиям: и в апельсин ему пурген впрыскивали – не берет; и в сапог кусок жира со столовки складывали – не воспитывается; и в туалет ночью с кровати выносили – не обращает внимания! Тогда приняли его та-

ким как есть, и он оправдал все наши надежды как преданный и надежный товарищ.

Аксиома 1

Закрытая банка сгущенки может стоять в тумбочке или в парте ВЕЧНО. Открытая – не более суток. СОЖРУТ!

Аксиома 2

Если у тебя есть с собой ложка, можешь подойти к любому, жующему что-то из банки, – не откажет. Если нет у тебя ложки – можешь даже не подходить, разве что к друзьям.

Аксиома 3

Бутылка бренди «Слынчев бряг» с закуской из облепихового варенья – деньги на ветер и испорченное настроение. Тошнит, понимаете ли...

КОЛХОЗЫ

Не встречал курсанта, которому бы не нравились поездки в колхоз. Хотя раз есть те, кому не нравилось вождение, значит, и к колхозу кто-то ровно дышал.

А я балдел от них. Не столь от работы, сколь оттого, что та же пицца, что и в столовке (например, перловка), привезенная в бачке, в колхозе гораздо вкуснее! А если убирали картошку, мы вообще варили ее целое ведро и бухали туда тушенку из сухпая. Но что вымораживало – так это сбор картошки или свеклы «в бурты». Т.е. пока машины нет, складываем в кучи, а потом из этих куч – в машину. Наши, уверен, прочтя, вспомнят и поймут меня.

И еще что обалденно – это сама дорога в колхоз. В кузове машины, в котором лавки сваливались через минут десять–пятнадцать и все лежали на этих досках, накрывшись плащ-палатками; и только честный Олег Нестеров – старший борта – бдил кого-то или что-то, подставляя дождю спокойно-суровое белорусское лицо... Непередаваемое чувство братства. Со времен училища я его больше не испытывал, даже в полку. Хотя иногда оно посещало меня на ночных полетах – запах керосина, люди, делающие одно дело, осознание собственной значимости, потребности в тебе у этих людей, у армии, у Родины... Но эмоции ярче все равно в юности.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Остались в зимнем отпуске 2-го курса в казарме Сашка Юдин, Димка Фарахшин и ваш покорный слуга.

Как-то вечером отправили нас на помывку зала в столовку. Настроение мерзкое: зима, снег убирать, полы мыть да еще и учиться целый день... Помыли, идем в роту по дороге от столовки до ЦКПП, наша рота – слева от входа. Возле курсантского клуба стоят щиты – фотки отличников, картинки с самолетами и т.п. И был там один отличник – Коровкин, мы постоянно над ним прикалывались, т.е. над его фоткой. Уже не помню, что нам в нем не нравилось, но не любили мы его заочно, хотя в глаза никогда не видели. И вот кто-то из нас скатывает снежок и швыряет в стенд с фоткой Коровкина со словами:

– Козел (любимое нейтральное училищное ругательство), ты в отпуске девчонок любишь, а нас тут – отцы-командиры!

Ну, мы, конечно, подхватили и начали Коровкина обстреливать снегом, благо его в Д-пилсе зимой полно.

Откуда ни возьмись – или патруль, или дежурный по чему-то (уже не помню кто), вываливает из-за угла нашего учебного корпуса. Притом, как оказалось, он с минуту стоял, глядя, чем мы занимаемся. То, что после отбоя на улице, – удалось отвертеться. Но что снежки кидали в стенд с отличниками – это политическое преступление! Назавтра нас ожидал начфака Фатеев сотоварищи (замполит Малинин).

А Малинин – это тот, который надпись «Эйрфорс» на хэбчике Дрюни Шаповалова перевел как «ВВС США» Не буду описывать, какую ночь мы провели, думая, куда пойдем учиться после увольнения и службы в автороте. И тут под утро кого-то осенило написать объяснительную. Пропускаю два часа и перехожу сразу к сцене в кабинете Фатеева. У окна – Фатеев, за столом – Малинин. У двери – мы с Димкой, за нами прячется Санек.

Вопрос от Малинина:

– Ну, и как вы это все объясните?!

Санек протискивается вперед и, пытаясь вытянуть из кармана лист бумаги, говорит:

– У нас тут объяснительная!

Малинин:

– Зачем мне ваша объяснительная, на словах ничего расказать не можете?

Санек, путаясь в кармане, бумаге и пальцах:

– У нас тут объяснительная.

Ну а мы, зная текст объяснительной, настраиваем все вну-
тренние силы на серьезный лад.

Малинин:

– Вы понимаете, что это почти политическое преступле-
ние (ого, как мы угадали!)? Вы швыряли снежки в герб СССР, в
звезды Союза, в офицеров и курсантов войск СССР!

Санек достал наконец бумажку и, перебивая Малинина,
начал: «Начальнику факультета от курсантов... Объяснитель-
ная. Поздно вечером 20 февраля мы возвращались из столовой,
исполнив приказ командира роты о помывке зала. Наши сердца
были наполнены гордостью за итог выполненной работы, а души
горели желанием поскорее сесть за учебники, пройти переэ-
кзаменовку и доказать, что произошедшее с нами – это чистая
случайность и мы можем учиться на «хорошо» и «отлично»! И
тут наша радость от скорого возвращения в родную роту была
омрачена следующим: мы вдруг увидели стенд, на котором изо-
бражены фашистские летчики, бегущие к своим самолетам для
того, чтобы сбрасывать бомбы на наши города и села, на головы
ни в чем не повинных женщин и детей! Мы не могли равнодушно
видеть это и с криками «Бей фашистских оккупантов!» начали
забрасывать снежками эту картину, чтобы хоть как-то помочь
нашим. За этим занятием нас и застал (фамилия застукавшего
нас). Не считаем, что охрана Родины может быть чем-то позор-
ным, хотя и произведена она была уже после отбоя».

Последнюю фразу Санька сочинил сам.

Нужно отдать Саньку должное. Он ни разу не улыбнулся.
Нас же колбасило по самое «не хочу!». Как мы сдержались, не
пойму до сих пор. Помогло еще и то, что по мере чтения Фа-
теев отвернулся к окну, плечи его размеренно подрагивали, а
лицо Малинина принимало все более глупое выражение. Ког-
да Санек закончил, Малинин порывался что-то сказать, а Фа-
теев сквозь зубы, не оборачиваясь, процедил довольно грозно:
«Свободны!»

Мы вышли, ожидая скорого продолжения и сдерживая
катящиеся слезы. Такого смеха, который мы услышали из
кабинета через полсекунды после того, как закрыли дверь,

я больше не слышал никогда в жизни. Дрожала даже стена. Скачками добежав до лестницы, мы с Димоном позволили себе расслабиться и посмеяться, но наш смех не шел ни в какое сравнение со смехом начальника факультета и, главное, замполита, который вызвал нас, чтобы приписать «политическое», а в итоге, ведомый Фатеевым, вообще закрыл на все глаза.

Больше этим случаем нам не пеняли.

СТРИЖКА

На 44-й кафедре (связь и навигация) имел честь находиться (ключевое слово) полковник Попов с длинным прозвищем «Один Попов радио открыл, другой Попов его закрывает». Ничего о нем не помню, кроме того, что лекции он читал, записывая их на перфокарты.

Так вот. На дворе стояла середина восьмидесятых – пора белых поясов, крашенных хлоркой, штанов «с двумя защипами» и оригинальных стрижек типа «без висков» и «площадка». Наш Леха Дунайский постригся по первому варианту – сбрил виски. Вроде и не нарушил ничего – «канадка» была запрещена, а о висках никто ничего не говорил! Кстати, кто помнит, как парень из 40-й или 49-й роты после того, как его выдрали, постригся «под Ленина»?! Т.е. выстриг лысину, как у Ильича! Шапку наденет – вроде волосы густые из-под нее. Снимет – язык не поворачивается сказать сакраментальное: «Товарищ курсант, вы не стрижены!» Мы ходили смотреть на него, как на картину в музей.

И вот на лекции полковнику Попову стрельнуло поднять Леху и выдать следующее (после небольшой перепалки из области взаимоотношений отцов и детей, разбавленных недвусмысленным плюрализмом мнений): «Ваша прическа похожа на прическу оккупантов, которые расстреливали мирных жителей!» Ну или что-то очень близкое к тексту. Зато достойный ответ Лехи я помню дословно и часто его цитирую при каждом удобном случае. Не беря ни секунды тайм-аута на раздумывание, курсант Дунайский изрек: «А ваша прическа похожа на прическу американского летчика, который скинул бомбу на Хиросиму!»

Кстати, действительно, полковник Попов стригся как американские военные в сороковые годы. Это я потом увидел по видеку.

ПРО МОДУ

А помните, как началась мода на белые ремни? Откуда-то мы пачками доставали брючные брезентовые ремни, разводили хлорку, замачивали их и в ближайшем увале (самоходе) в Стройке или ЦДК (особо отважные – и в ДКХ), потрясали девчонок и вызывали завистливые взгляды местных снежно-белыми ремешками, особым образом заправленными - завязанными простым узлом с ниспаданием кончика вдоль ноги... А после аэродромной практики, конечно же, рядовой брезент превратился в элитный шелковый фал от вытяжного парашюта.

А кто как подшивался? Я, например, покупал подворотнички в военторге возле выхода из столовки 1-го фака, которые приходилось часто стирать и как-то форматировать под воротник. А особо одаренные и продвинутые личности (как правило, пришедшие из войск) подшивали простыню, которая и смотрелась богаче и белоснежней, и менять ее нужно было раз в неделю, т.к. при загрязнении она просто складывалась чистой стороной наружу и пришивалась заново.

Зато шеврон я научился пристрачивать так, что швейная машинка рядом не валялась – стежок к стежку!

Портянки. После первых, вторых и третьих мозолей почти все научились не только правильно наматывать портянки, но и носить их. То есть портянка тупо складывается поверх сапога, и нога особым каким-то образом погружается в вышеназванный сапог, вминая туда и портянку. Пара-тройка па из русских народных танцев – и можно ходить (бегать, прыгать) хоть сутки – ноги будут в порядке!

Сапоги натирались ваксой и ставились на ночь в сушилку. И эта вонь от кучи сапог как-то не очень напрягала – туда же, в сушилку, вешались и спортивная форма, и всевозможные «вшивники»...

Случай. Серега Кутюхин (я говорил уже о нем) как-то прихворал. А так как на все жизненные ситуации у него было и свое мнение, и свое решение, то и лечиться он решил по-своему. Притаранил бутылку водки, вскипятил ее в чайнике, развел там чуть ли не две столовые ложки соли и выпил почти половину! Пошел в сушилку, накрылся кучей шинелей и заснул. Хорошо, что кто-то (кажется, дневальный) среди ночи обратил внимание на бесформенную грудку шинелей, валяющихся под

окном, – парня откачали и от перегрева, и, как думаю, от избытка эффекта ароматизации.

Курсантский ремень. Все, несомненно, первым делом научились что? Правильно! Не натирать до блеска бляху, а одним движением наматывать ремень на руку, превращая его таким образом из армейского атрибута в грозное оружие. Дальше – тоже не блеск! Дальше ремень окручивается вокруг бляхи – и она сгибается. Не ходить же как лоху или как мореману – с плоской бляхой! И только потом – ежедневная рутина с пастой ГОИ и какой-то белой, воняющей ацетоном ерундой, которая не помню как называется, но бляха блестит после нее почти неделю.

Еще давайте вспомним курсантские мульки:

- пассатижами делать гармошку на сапогах;
- перешивать козырек вглубь фурика, чтобы он торчал поменьше;
- а пилотка, наоборот, разглаживалась, чтобы из середины торчала повыше;
- вдвоем с боевым товарищем: ты берешь фурик спереди, он – сзади, растягиваете и лупите что есть мочи по краям, делая высокую тулью;
- шинель подрезалась;
- откуда-то у каждого десятого (нет, пятого!) была заколка в виде самолета;
- на лето, кроме обычной рубашки, готовилась манишка – воротник с кусочком ткани, чтобы лежала на груди. Выглядело потрясно, когда в общаге снимаешь китель;
- в погоны вставлялись кусочки картона. Получается твердо, непрактично, зато красиво. Такая же картонка вставлялась и под шеврон на кителе.

Вот с помощью каких ухищрений пытались мы удивить друг друга и произвести впечатление на девчонок!

А вспомните гражданскую моду той поры! На дискотеку – обязательно свитер, заправленный в джинсы. Еще шили штаны с «защипами» у портного с еврейской фамилией в жилухе за тридцать рублей. Два защипа – это было круто! Дядька шедевральный: шил просто замечательно, притом при одной примерке. На его двери висела табличка с фамилией. Что-то похожее на «Абрамович».

НОСТАЛЬГИЯ

Наш взводник Малыгин (Ус) часто говорил в неформальной беседе, слушая наши измышления типа «Куда мы попали, достала армия и ее заморочки, чмошный город, скорее бы закончить» – так вот, он говорил, что САМОЕ ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ – это именно годы училища. Черта с два мы ему верили. И только перед самым выпуском меня вдруг обуял ужас. Да-да, именно УЖАС: Я НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ БУДУ УЧИТЬСЯ В ВОЕННОМ, МЫ НИКОГДА НЕ СОБЕРЕМСЯ ВСЕМ ВЗВОДОМ ДЛЯ КАКОГО-НИБУДЬ ОБЩЕГО ДЕЛА, не будет больше самоходов, курсантских дискотек, общаг с их приветливыми и доверчивыми девчонками, построений, караулов, походов на праздники в город строим всем училищем, которые мы так ненавидели, – НИЧЕГО ЭТОГО БОЛЬШЕ НЕ ПОВТОРИТСЯ!!!

Я пытался настроить себя на волну «в каждом возрасте – свое счастье», но не получалось именно потому, что это мое пятилетнее счастье я НЕ ПОНИМАЛ!!!

Думаю, нашему взводнику нужно было не просто декларировать свое умозаключение о лучших годах, а с тоской, товарищески, добавить: «Верьте мне, ребята, я именно это принимаю только сейчас!»

Мне кажется, вся наша жизнь в ДВВАИУ – это как раз то святое, что должно обязательно быть в душе каждого человека. Это непередаваемое состояние души, когда она не отягощена всякими скучными бытовыми и финансовыми обязательствами, необходимостью думать, как выживать. Когда чувства и эмоции обострены, а цвета в сердце – только белый и черный, без полутонов. «Да» и «нет»...

В каждом возрасте – свое счастье. Но оно неповторимо. И это называется ностальгия...

Фомин Павел. Ник на сайте – ФОМА.

Родился в Динабургской крепости в 1960 г. в семье кадрового военного. Детство, отрочество и курсантская юность прошли среди крепостных валов и бастионов, где каждая тропинка и каждый камень для него родные. Беззаветно любит крепость и ее историю. Ура-патриотизма своей отделившейся малой родины не разделяет и считает, что она находится в задней части Европы. После окончания ДВВАИУ служил в различных гарнизонах бывшего Союза. Очень увлеченный человек, занимается спутниковым телевидением, любит отдых на природе и хорошие компании. Живет и работает на очень Дальнем Востоке.

ПРО СПИРТ

С конца шестидесятых и до середины девяностых, от Берлина до Сахалина, через Красноводск и Африканду, ночью и днем, при жестком минимуме и при «миллионе на миллион», двадцать четыре часа в сутки, двенадцать месяцев в году, народ нес, ташил и пер на собственном горбу, велосипедах, мопедах, мотоциклах и редких тогда личных машинах – чистый, ЧиВ (чистый и вкусный), массандру, массандер, султыгу, шпагу, СВС, «калошу» «ликер шасси», «продукт» при помощи каночек, чириков, пятериков, «червонцев», двадцаток, матрасов, грелок, пузырей, чайников и просто банок любого литража.

На технарей «двадцать пятых» Мигов смотрели как на небожителей, а те на своих коллег с других типов свысока и чуть пренебрежительно. Ни дня без какого-нибудь прикола или ЧП, ни дня без истории, достойной «нетленки». А сколько способов изымания из аэроплана спирта и СВС, насмерть опечатанного и опломбированного, без нарушения целостности печатей, придумывал наш гениальный народ! А как ветераны и молодежь уходили от командирских и замполитовских засад – Джеймс Бонд просто мальчик! Какие глубочайшие познания законов физики, химии и матчасти проявлял техсостав – это достойно пера классиков словесности. Такой степени виртуозности обращения со шлангом любого сечения и длины никогда не достигнет ни один

самый матерый шоферюга, таких способов проверки качества продукта никогда не откроет и не освоит ни один самый прощаренный ГСМщик, такого множества способов использования спирта и спиртосодержащих смесей никогда не придумает ни один химик. А какими уникальными свойствами обладает сам спирт, как круто он мог изменить в жизни человека буквально все – от моральных ценностей и благосостояния до семейного положения и социального статуса. Да писать и писать еще будем «о делах-товарищах и огнях-пожарищах»...

Тема эта воистину неисчерпаема. Я сам отдал МиГ 25 ПД и ПДС шесть лет, причем служить довелось в группе обслуживания РЛЮ в эскадре, сначала стартехом, а потом и начальником. Историй, или как их тогда называли, «суффиксов», случалась масса.

...Далекий 1986 год, февраль. В холостяцкую общагу (в просторечии «Зеленый змий») селят бравого 25-летнего капитана – журналиста окружной газеты «На боевом посту».

Капитана зовут Вовой, прибыл из первопрестольной для увековечивания ратного труда асов ПВОшной авиации, при себе имел план статьи, утвержденный главным редактором, фотоаппарат «Зенит ТТЛ» и пустую двадцатилитровую канистру. И все бы у Вовы срослось, если бы не поселили его в комнату двух двухгодичников – Юры и Сережи, которые, отбарабанив по-честному два года техниками изд.84, сдали матчасть и ждали выписку из штаба корпуса об увольнении «из рядов». А поскольку оба были выпускниками МЭИ и москвичами, знакомство земляков прошло в очень теплой и дружеской обстановке, причем нетренированный Вова «сложился» первым, чем немало повеселил своих новых знакомых.

А рано утром началась комедия: Вовик утром ощутил неимоверную жажду, что в общем-то понятно. Его взор упал на стоящий на тумбочке стандартный гостиничный графин. Добрый глоток из горлышка обжег нутро – аборигены залили казенную емкость массандрой! Рывок к трехлитровой банке на шкафу тоже не принес облегчения – в ней оказался чистый. Натянув труники, журналист перебежками устремился к гостиничному санузлу, и – ужас! – вождеденный кран встретил его шипеньем и пузырями – воды не было.

Заспанная дежурная спасла горемыку холодным чаем и сдала на руки подоспевшим Юре и Сереже. И почалось – ребята легли в крутейший вираж.

Вовик оказался заводным пареньком быстрого приготовления: никогда не отказывался и падал после второго стопца. Событыльники, жалея «пехоту», отметили ему командировочный, накропали статейку (не забыв скромно упомянуть о своих заслугах) и даже запечатлели «Зенитом» пару-тройку живописных поз в собственном исполнении.

Через две недели никакой Вовик был загружен в паровоз, в нагрузку была придана двадцатка чистого.

Ровно через десять дней под броским названием «Перенимай-те передовой опыт» вышла передовица, сопровождавшаяся слегка подретушированными фотками двух осоловевших «отличников», автором которой был Вовик, он же сын главного редактора.

А полковым «бормотологам» – замполитам надавали знатных «пряников» и из корпуса, и из округа.

...Знойным летом на стоянке ДСов начались чудеса: из самолетиков какой-то злодей умудрялся тянуть спирт, причем только из системы антиобледенителя. Чудесность этого процесса заключалась не только в том, что на стоянке постоянно присутствовал часовой, а в том, что неведомые умельцы умудрялись опустошить бачок, не трогая печатей на лючках и пломб на сливных патрубках.

После проведенных следственных мероприятий выяснилась преинтереснейшая вещь: нашлись прошаренные бойцы, которые четко отработали знание матчасти. Функция «Анти-обл» была реализована там как в старом «Запорожце» опрыскиватель стекла: под козырьком приборной доски торчала тангета с надписью «антиобледенитель», при ее нажатии из наплыва перед нижним краем лобового стекла фонаря кабины выбрызгивались струйки спирта. Подача спецжидкости обеспечивалась сжатым воздухом. Система работала даже на полностью обесточенном самолете. А дальше – дело техники, берется чистое солдатское полотенце, раскладывается на лобовом «пятаке» фонаря и методом равномерного нажатия на тангету орошается, по наполнению выжимается в любую подсобную емкость, и так сдаивается весь бак – около четырех ли-

тров спирта. Кабина в ДСах открыта всегда, часового никто не проверяет – он и сам из состава дежурных сил, все печати и пломбы на месте. А спиртик-то тью-тью. Вот такие раньше водились шустрые бойцы.

...Как-то уставшие от бесконечной пьянки подчиненных командиры запустили очередную байку: от регулярного употребления технического спирта резко падает зрение, вплоть до полной слепоты. Не первая байка – внимания никто не обратил. А тут на очередном ПХД в одной из технарских ниш народ разминался массандрой. Кто-то вспомнил про слепоту – посмеялись. Как раз техник Сережа Фадеев открывает очередную банку мандариновки – настойки массандры на мандариновых корочках. Разлили, первым опрокинул свою дозу механик группы СД прапорщик Пахомов, естественно закрыв глаза, и в этот момент отрубили сеть – свет погас...

Такого истошного вопля «Осле-е-ее-п!!!» я не слышал ни до ни после.

...Февраль 1988 года, полигон Сары-Шаган. Техсоставу ИАП, прибывшему бортом ИЛ-76 для обеспечения стрельб своего полка, под жилые выделили двухэтажное разбитое строение, в котором спешно заколотили окна, поставили кровати в три яруса и печи-буржуйки. Как водится, все удобства были на улице, а воду приходилось таскать метров за двести канистрами, что после двенадцатичасовой боевой работы на аэродроме поднятию духа отнюдь не способствовало. Да еще очень технарям не нравилось постоянное шатание «бормотологов» из корпусного и окружного политотделов, которые совали свой нос во все щели и давали сверхценные советы типа: «Помните, что на улице минус тридцать, без рукавиц не выходить!» И вот совершенно замечательный человек, техник самолета Саша Петров, затеял и осуществил операцию, начисто избавившую нас от назойливого внимания замполитов. А сделал он вот что.

Наконец-то подоспевшее ОБАТО привезло, помимо всего прочего, столы. Их распределили по два в комнату – естественно, самовывоз и самозанос. Саша с товарищем берут двадцатилитровую канистру, наполняют водой, ставят на стол и бегом направляются в дом. Тут же раздается начальственный окрик: «Эй, вы, с канистрой! Стой! Ко мне!» Целый бормотологиче-

ский полковник с орлиной внешностью делал повелительные движения правой верхней конечностью. Оба технаря были поставлены по стойке смирно, вызвали командира полка, командира эскадрильи и зам по ИАС полка, не считая группы болельщиков из состава свиты бормотолога.

Полкан сначала прошелся по подрыву боевой готовности, потом поведал о кратности стоимости украденного спирта и наконец обрушился на весь славный ИАП, который не болеет за борьбу партии и правительства против «пьянства и алкоголизма». После сорокаминутного прилюдного разноса канистра была вскрыта. Дальше как в «Ревизоре» Гоголя – немая сцена...

Такая вот была развлекуха.

МЕТАМОРФОЗА

Май 1986 г. На родном аэродроме ремонт полосы, аэропланы вместе с личным составом отправляют в длительную командировку в старинный белорусский город Кричев, главной достопримечательностью которого была река Сож и ресторан того же названия.

Уже с аэродрома временного базирования полк ушел в Красноводск на стрельбы, отстрелялись, кстати, на «хорька», что и праздновали в первые выходные после прилета, оккупировав вышеназванный ресторан.

И был среди отдохавших офицеров и прапорщиков один старший лейтенант, звали его Паша Федотов, а по специальности сей достойный технарь был стартехом группы СД.

В ходе проведения мероприятия ближе к полуночи Паша оторвался от коллектива и присоседился к столу, за которым сидел один джентльмен и две дамы. После выяснения животрепещущих вопросов типа «Ты меня уважаешь?» мужчины пришли к полному согласию и немного потанцевали с дамами, чему последние были весьма рады. Однако в процессе танца джентльмены из-за другого стола решили, что в качестве кавалеров означенных дам будут смотреться гораздо презентабельней. Это привело к взаимной конфронтации, и к консенсусу стороны так и не пришли. От громких слов быстро перешли к не менее громким делам – в ход пошла мебель и посуда. Драка быстро переросла в побоище общересторанного масштаба: у обеих сторон на-

шлось много сподвижников. Через несколько минут, когда стало ясно, что дело может закончиться большим скандалом, военные организованно слиняли, честно заплатив по счетам.

Однако не обошлось без боевых потерь – тот самый Паша Федотов получил сильный удар стулом по голове, потерял сознание и упал с балкона второго этажа в кусты палисадника перед кабаком. Так бы бедолага и почил в бозе в расцвете лет, не приходя в сознание, однако партнерша по танцу, восхищенная доблестью своего кавалера, разыскала в крошечной тьме пострадавшего и на такси оттащила его к себе домой.

А события тем временем развивались совсем в неблагоприятном направлении: среди побитых офицерами аборигенов оказались работники кричевского РОВД и прокуратуры. Уже в понедельник шустрые опера из местных пытались прорваться на территорию полка и снять показания с участников потасовки. Особенно усердно они разыскивали того самого Пашу, но самое интересное, что Пашу разыскивало и командование полка: в части этот воин так и не появился. К делу подключили особиста – через два часа к квартире, где отлеживался раненый, двинулась группа захвата смешанного состава. Однако захватывать было некого – Паша окончательно потерял сознание, как потом выяснилось, впал в кому и нуждался в срочной госпитализации.

Корпусное начальство рвало и метало – из кричевского РОВД пришла бумага, которая однозначно грозила потерей хлебных мест и папах. Командиру полка было дано двадцать четыре часа, чтобы замять скандал. Поэтому, получив добро сверху, он рьяно принялся за дело. Четыре двадцатки «чистого пшеничного» были загружены в командирский Уазик, туда же уместился сам командир и его зам по летной.

Отцов-командиров не было до среды... Итогом сей операции явилась полная реабилитация участников кутежа в общем и Паши в частности. В штаб полка и корпуса от начальника кричевского РОВД и прокурора г. Кричева пришло благодарственное письмо, в котором четко излагались почти героические подвиги офицеров авиаполка.

Оказывается, группа офицеров в личное время, отдыхая в ресторане, буквально спасла работников местной милиции и прокуратуры от хулиганствующих элементов, многие из кото-

рых имели судимость. А старший лейтенант Федотов самоотверженными действиями спас майора милиции, заслонив (так и было написано!!!) собой.

Вот уж воистину – не было бы счастья, да несчастье помогло – Паша в одночасье превратился из злостного нарушителя в настоящего героя! Его поднимали на всех подведениях до конца года и даже дали двухкомнатную квартиру.

НА СТРЕЛЬБАХ

Кстати, Паша покрыл себя неуязвимой славой еще раз, натянув нос проверяющим из штаба округа. Дело было на стрельбах в Краснодарске. Май месяц теплый в пустыне, и даже очень: к одиннадцати часам в тени градусов эдак сорок пять уже было. Подготовленные к вылету аэропланы красиво выстроились на стоянке прилетающих самолетов аэродрома Краснодарск. Под плоскостями боевые ракеты, в кабинах доблестные пилоты, мужественные технари – на шнурах СПУ. Ждут только команду «ВОЗДУХ». И в это время какой-то ЗРВшный садист из проверяющих дает вводную: «Газы!».

Ничего не изменилось только для пилотов, техсостав обласкался в ОЗК, а точнее, только бедолаги, висящие на СПУ, остальные рассосались по закоулкам. Остальные, но не Паша. Вальяжной походкой он совершенно спокойно шел вдоль линейки МиГов, решительно наплевав на зверскую команду.

Ожили динамики мобильного ИПУ, но на все истошные визги Паша не реагировал, и только когда бравый ЗРВшный подпол, затянутый португеей, в сапогах и кривых штанах (это по жару-то!!!) затрусил в его сторону, шустро взобрался в кабину запасного, стоявшего в той же линейке МИГа, захлопнул фонарь и перевел рычаг закрытия в крайнее переднее положение, затем раскрыл веер солнцезащиты над приборной доской и опустил шторку, после чего уместился на кресле с ногами. Естественно, создалось впечатление, что кабина пуста. Больше того, переведя рычаг закрытия до отказа вперед, хитрый Паша заблокировал замок фонаря – снаружи открыть нельзя. Подпол кряхтя и с опаской взобрался по стремянке, поскребся у закрытой кабины и несолоно хлебавши убрался восвояси. Самое

интересное, как потом это ЗРВшное чудо комментировало сие происшествие коллегам:

– Мы эту фанеру (оказывается для РТВшников и ЗРВшников все, кто в голубых фуражках, – фанера) славненько вздрючили! Но один скот меня наколол – ОЗК не надел, шустро так забрался в кабину и... через салон(???) смылся!

Как говорится, без комментариев.

Кстати, на тех же стрельбах произошел еще один суффикс. Когда наш полк счастливо опустился на раскаленные плиты Краснодарска и улеглась послепосадочная суета, мы узрели своих соседей – братский ПВОшный полк на архидревней матчасти Су-15 (простые, еще с крылом без перелома). Помоему, ребята были из Бежецка, но точно не помню, да и не в этом суть. Эти «попелацы» достреляли уже свою программу и вот-вот должны были стартануть домой. Естественно, нашлись однокашники и просто друзья, и вечерком народ неслабо посидел «за рюмкой чая». А утром к нашему заму по ИАС Сергею Львовичу Шищенко (замечательный дядька, в обиходе – Львович) подошел его однокашник из этого самого полка, тоже СД-шник, инженер эскадры. И рассказал о проблеме, которая вкратце сводилась к тому, что вот, мол, лететь домой, а один борт поймал птицу и техник нашел на лопатках первой ступени компрессора забоину. Нужна, мол, консультация, то ли гнать борт своим ходом, то ли тормозить его в местной ТЭЧ, а этого, понятное дело, не хотелось.

В обычаях того времени было не отказывать друзьям и коллегам. А Су-15 машина для техсостава была неласковая: лючок для осмотра лопаток находился сверху воздухозаборника и размерами большими не отличался, причем технари умудрялись нырять в него полностью, с ручками и ножками, а Львович был мужчина метра под два ростом, да и вес далеко за сто кг. Но дружба есть дружба – полез, умастился, смотрит. И видит кошмар всех, кто был на стрельбах на этом полигоне: маленькую змейку – «стрелку»! Видать, вечером по стремянке на тепло заползла. По слухам, после укуса этой гадости живут минут пять...

А дальше произошло нечто, напоминающее старт баллистической ракеты из подводной лодки, да еще и с соответствующим криком. Причем если внутрь Сергей Львович забирался,

матерясь и кричтя, минут пять, то обратная эвакуация была мгновенной – крышка лючка отлетела метров на тридцать!

«Попелац», кстати, решено было гнать своим ходом, и, как оказалось, решение себя оправдало: долетел как миленький!

СЛУЧАЙ С ЛЕХОЙ

1984 год, гвардейский Андреапольский полк плотно сидит в Ржеве: на родном аэродроме ремонт полосы. Жизнь командирочная – штука, конечно, клевая, но иногда хочется и домой, под сень супружеских пенатов. Вот и двинулись три славных офицера полулегальным способом (командование дурковало страшно – вплоть до запрета гражданской одежды офицерам и тридцатипроцентного увольнения в выходные) на родимую сторону. Транспортom был избран славный ЗАЗ-966 (легендарный «горбатый») – личная собственность одного из страдальцев. Из трех участников этого происшествия хорошо помню главного – Лешу Речкина. Хозяин машины был двухгодичником и служил в группе АВ, а вот кто был еще, не помню, да и не суть.

Итак, пятница, ненастный сентябрьский вечер, уже темно, где-то между Нелидово и Андреаполем. «Горбатый» с честью взбирается на очередной холм и начинает набирать скорость на длинном спуске, но, к несчастью, ловит колесом выбоину в асфальте – это таки наши дороги. Машину порядком тряхнуло, и все бы ничего, но начала дребезжать дверь со стороны пассажира – видимо, соскочил зуб стопора. Хозяин, который сидит за рулем, просит Лешу закрыть непослушную дверь, тот по-честному приоткрывает дверь, чтобы ее захлопнуть, и... буквально исчезает из машины! Только что был – и бац, сразу нет, как корова языком!

Пока пришли в себя, пока тормозили – отъехали метров на двести. Выскочили, прибежали назад и узрели картину – Леша совершенно в невменяемом состоянии, без единого синяка, в форме (как ехал), но без обуви – в одних носках, в раскоряку стоит на ночном шоссе. Добиться чего-нибудь внятного от него было невозможно, его глаза, слегка выпуклые от природы, вообще вылезли из орбит, руки вытянуты вперед и чуть согнуты в локтях. Попытки привести эту статую в чувство пощечинами и

тумаками успехов не имели, и только то, что у господ офицеров с собой была заветная фляжка, спасло дело и тело.

Первое, что смог вымолвить пришедший в себя Леха, было совершенно непечатно, но прозвучало в ушах присутствующих лучше любой музыки.

Сразу выяснилась и картина происшедшего – у «запора» дверь открывалась, как все помнят, против хода движения, и поэтому Леха, приоткрыв ее, просто «поймал» поток, а поскольку скорость была приличной, километров восемьдесят, его и вышвырнуло из машины. Как он при этом умудрился остаться на ногах, да и просто уцелеть, остается загадкой, сам герой этого кульбита ничего не помнил... Как, кстати, и то, почему его военные коричневые полуботинки оказались на дороге в пятнадцати метрах...

КАЗУС

В мае 1986 года Хотиловский ИАП прилетел на стрельбы в Красноводск. Понятное дело: полеты, мишени, стрельба – одним словом, все по честному, но в перерывах народ ухитрялся еще и посидеть за рюмкой, другой, третьей и даже пятой «чая» с однокашниками – аборигенами.

От нашей славной роты в Красноводске на тот момент служил совершенно замечательный татарский мужчина Рустам Гильфанов. К нему, соответственно, мы с Лехой Шевченко вечером и зарулили. Его супруга моментально накрыла стол, и бойцы уселись вспоминать минувшие дни. Мы казались себе такими опытными и повидавшими виды – до сих пор смешно... Так вот, Рустам поведал о замечательном и чисто военном случае. Жили они с женой в длинном грязно-белом бараке, т.н. малосемейке – длинный коридор с комнатами по стенкам, в одном конце коридора – общая кухня, в другом – «удобства». Контингент проживал довольно пестрый: молодожены, ожидающие квартиру, холостяки, холостячки и командированные. Так вот, некий молодой старлей (женатый) обаял молодую прапорщицу-холостячку и, как водится, напросился к ней на блины. Жене наврал, что идет в наряд, на службе – что с женой плохо, нарядился в кривые штаны, сапоги, портупею и китель и убыл к семнадцати ноль-ноль строевым шагом якобы в на-

ряд, а на самом деле в другой конец коридора к предмету страсти в гости. Посидели, потанцевали, попили, потом полежали, ну а потом, как положено, заснули. И вот часу в четвертом ночи возжелалось этому любвеобильному джентльмену убыть по малой нужде. Поцеловал он живописно разметавшуюся на койке барышню, вставил ноги в тапки и как был в трусах (кого по ночи стесняться-то?) ушлепал в сортир, который, как уже упоминалось, был один и находился в конце коридора. Сделав свои дела, изрядно поддатый Казанова двинулся назад, но зарулил не к даме сердца, а в свою комнату – к законной супруге – и улегся ей под бочок.

То, что было дальше, сильно смахивало на плохую пьесу: разбушевавшаяся женушка устроила незадачливому муженьку конкретную разборку и даже поставила пару синяков. Общага проснулась вся и сразу. Зрители и болельщики, в коих не было недостатка, славно повеселились.

Кстати, нечто из той же оперы произошло и в Андреаполе в 1984 г., сразу после возвращения из Ржева, где мы пересиживали ремонт полосы.

Был в нашей эскадре лихой такой пилотяга – Паша Серов. Целый майор, очень, кстати, напоминал человека, в отличие от некоторых других летчиков. Так вот, после возвращения в родные пенаты жена устроила ему горячую встречу: накрыла стол, уложила пораньше детей. Естественно, ночь после разлуки была полна огней. И все было бы здорово, если бы разомлевший Паша, проснувшись часа в три ночи, совершенно не потерялся в пространстве и времени. Не узнав собственной квартиры, он толкнул под одеялом супружницу в бок и выдал: «Эй ты, как тебя, где здесь у тебя свет в туалете включается?»

Неизвестно, что ответила и как повела себя его жена, но досыпать он пришел к дежурному по полку. И долго еще таскал домой «конфеты-букеты»...

Санта-Барбара отдыхает.

Казьмин Петр. Ник на сайте – Пит 79.

Родился в 1962 г. Ходят упорные слухи, что в ДВВАИУ он триумфально въехал на лыжах, заблудившись после соревнований в Республике Коми. Очень общителен и коммуникабелен. Его жизненное кредо, по собственному признанию: «Всегда!.. путешествовать по друзьям». Эстет. Любимый напиток - пиво «Старый мельник» в сочетании с экзотическими фруктами. Организатор по убеждению. Временное неучастие в каком-либо оргкомитете или комиссии приводит его в состояние легкой растерянности. В поисках душевного равновесия свои рассказы пишет именно в такие моменты.

ПЕРВЫЙ ОТПУСК

Если честно, то свой первый курсантский отпуск я не помню. Ну не было чего-то экстраординарного. К тому ж все последующие отпуска мы как-то собирались в компании, большие или маленькие, для поиска совместных приключений, и вспоминались эти приключения потом очень и очень долго. А вот в первом отпуске у всех была только одна мысль: побыстрее домой, к школьным друзьям, к родителям и т.д. Мысль-то была такая у всех, да вот осуществилась она...

Короче, в первый отпуск поехали у нас не все. Оставили в училище двоих наших ребят: Жору Глухова и Олега Озерского (в дальнейшем Жора и Фукс). Особым усердием в учебе они не отличались, а тут еще вот какая напасть. Отцы у них были ба-а-альшими полковниками (у Фукса, по-моему, даже генерал) и воспитывали сыновей ну очень по-суворовски. Позвонили Хабарову – ах они такие-сякие, а пуцай-ка они отпуск свой проведут при части! Оба-на! И остались наши горемыки «при части». Первые дня четыре жили в нашей роте. Ну а когда задержанный народ попередавал свои двойки и все были выпущены на волю, отправили «политических» Жору с Фуксом жить-поживать в расположение 19-й роты Бисюкова, тогдашних третьекурсников.

И вот проводят бедолаги отпуск при «части». В семь ноль-ноль подъем, зарядка, ну и так дальше до вечерней поверки. А народ в это время... Эх! И говорить даже не хочется! Кошки на душе скребут, а сделать ничего нельзя. 19-я рота, конечно же, их поддерживала как могла, но все равно герои наши даже носа из крепости высунуть не могут. Но однажды во время очередной поддержки, после принятия энного количества «лигрылов» (т.е. литров-градусов на рыло), в Жорину (а может и в Фуксову) голову приходит гениальнейшая идея: поорать песни под гитару. Идея-то гениальная, да вот гитара заперта в канцелярии у Чекиста (Попова Александра Ивановича, командира нашей роты), да и рота опечатана.

Но отступать мы не привыкли! Да и в конце концов, имеем мы право «культурно» провести вечерок в своем ЗАКОННОМ отпуске?! И так, сказано – сделано. Вперед, на штурм! Но вот что штурмовать? Дверь в казарму закрыта и опечатана, да и на втором этаже двери, наверняка, тоже закрыты. А что если через туалет второго этажа? «Нормально, Георгий!» – «Отлично, Олег!!» Ну а как нам пробраться в туалет? Дык вот же она – водосточная труба!

«Парня в горы с собой бери! Не бросай одного его...». И полезли они по этой самой трубе, дрожащей и стонущей под молодыми задорными телами, почти до краев наполненными «лигрылами». И ведь не развалилась. Устояла! Выдюжила! И вот уже Жора, будучи первопроходцем, разбивает окно в туалете. Вот его рука дергает свежеекрашенный шпингалет, вот... И вдруг... патруль-облава. Настоящий патруль. Во главе с бравым старшим лейтенантом.

– Фукс! Не дергайся! Внизу патруль, – шипит Жора. – Пусть думает, что ВИСЯТ ШИНЕЛИ (Вот они, «лигрылы»!).

А начальник патруля меж тем заметил непорядок: чтой-то они совсем офигели! Рота в отпуске а они уехали, все окна оставили открытыми, да еще и шинели тут вывесили зачем-то с сапогами! А герои наши вжались в ставшую уже родной трубу и молили бога только об одном, чтоб провалился этот старлей хоть куда, только б можно было бы спокойно слезть да бегом в каптерку 19 роты.

И услышал боженька их мольбы. И отправился патруль к дежпофаку выяснять, что к чему. И в секунду слетели друзья наши со второго этажа. Только труба жалобно стонала...

ВЫСТРЕЛЫ В КАРАУЛЕ

История эта произошла в карауле на втором (или третьем?) курсе. Наш взвод собирается заступать в караул. Но пикантность вся в том, что караул не простой. Караул с 7-го на 8-е ноября. (Надеюсь, не забыли, что это были за дни). Собственно, взвод-то как раз был и не мой. Заступала 112-я группа, ну а я, как «любимчик» нашего ротного Александра Ивановича «Чекиста», дай бог ему здоровья (искренне!), отправился вместо праздничного увала на усиление 112-й. И куда пошел? Правильно, на свой любимый 5-й пост. Перед заступлением – тщательнейший инструктаж на всех уровнях – еще бы, будем охранять и стойко оборонять в очередную, чуть ли не юбилейную годовщину ВОСР! Вот так, преисполненные собственной значимостью и гордостью за порученное, отправились мы в этот караул.

Дело было уже к ночи. Может, даже и наступило уже 8 ноября. Стоял я себе и стоял. Охранял и оборонял. И тут выстрел! С одной стороны, конечно, насторожился, с другой – день-то праздничный, мало ли кто какой салют запускает? К тому же выстрел прозвучал далеко от моего объекта. А может быть, это вообще выстрел из-за реки, с пятого факультета? Звонок начкара из караулки: «Ну что там у тебя? Кто стреляет?» – «Никак нет, товарищ капитан, это не у меня, это вроде из-за речки».

Вслушав наставления начальника караула о «повышении бдительности», продолжаю зорко вглядываться в сторону нападения вероятного противника. К тому же зябко как-то... Сделал очередной круг по маршруту, как вдруг: ба-бах! Забыл про все, бегом на вышку. А там уже телефон на разрыв.

– Что там у тебя опать?

– Никак нет! Не могу знать!

Но разговаривал в этот раз я уже с помначкара Серегой Крищиком, так как начкар во главе с группой отражения на пост выбежал уже в мою сторону.

Немного о личности начкара. Высок, красив, статен. Килограммчиков двадцать лишнего веса. Прям и, как бы это сказать, незамысловат, короче, настоящий офицер.

И вот минут через пять слышу приближающийся топот стада бизонов. Впереди, как и полагается, Вовка Курланд – спортсмен-рукопашник, чемпион всего, что только можно, с АКМ наперевес. За ним все остальные. Замыкает начкар (наш взводник, все пять лет проходивший под псевдонимом Птица). Птица, надо сказать, прибежал с заметным отставанием. Командир, как-никак.

– Кто тут у тебя? Что тут у тебя?

– Да все в порядке. Стреляют за рекой вроде. Тут все тихо.

– Да я сам слышал выстрел здесь!

Пожимаю плечами:

– Ничего такого.

– Ладно, разберемся. Смотри тут у меня!

И под эти слова полустройная колонна развернулась в сторону Западного КПП. От сердца отлегло. Ладно. И в этот момент снова: ба-бах!!!

Что же это творится! Бегу к телефону, ору:

– Еще один выстрел! Где Птица?!

А группа захвата в этот момент как раз подходила к караулке, и теперь-то уже все, включая доблестного начкара, услышали, что стреляют на втором(!) посту!!!

А дело было так. Леха Марков стоял на посту номер два. Если кто подзабыл – вещ-, прод-, а главное, бойсклады. Совсем в противоположной стороне от склада ГСМ. Вдруг на вверенной ему территории появляется сильно качающаяся, что-то бляющая и мычащая фигура.

– Стой! Кто идет?! Стой! Стрелять буду!!

А фигура все качается и не двигается. Ну, тут наш Леша, проявив смекалку и пригрозив неминуемой расправой, положил бедолагу (коим оказался 17-летний перебравший вьюноша) мордой в лужу. Но идти через весь пост к телефону он побоялся, вдруг чучело сбежит. И тогда единственно верное решение – выстрел в воздух. Что, собственно, Леха и сделал.

Время идет. Чучело в луже бляеть уже перестало. А никого так и нет. Ну минут через пятнадцать Лешка стреляет второй раз. Результат тот же. Чучело, вконец протрезвевшее и напроць заочеченевшее, умоляет из лужи еще раз стрельнуть. Ну уж с третьего раза народ прочухал, откуда исходит угроза.

Как и положено отличному бегуну, Вовка Курланд первым ворвался на пост, схватил обезумевшее и окоченевшее чучело и – хрясь ему раз-другой. Потом подбегает второй: бац-бац!! Затем третий... Но апофеозом был последним добежавший, задыхающийся Птица. Схватил бедолагу за грудки, сунул ПМ под кадык: «Пристрелю с-суку!»

Эх парень, парень. Думаю, что полным трезвенником ты остался до наших дней...

Ну а через пару недель курсанта Маркова на плацу перед всем училищем наградили ценным подарком – набором ручек.

P.S. Две недели как раз ушли, чтобы понять, на кой черт Птица рванул на пятый пост. Так и не поняли.

АЛКОГОЛИКИ-АРИСТОКРАТЫ

История сия произошла в конце первого курса. А если точнее – после сдачи всех экзаменов.

Экзамены все сданы успешно (по крайней мере у главных героев данного опуса). Остался-то всего один день, и ты в ОТПУСКЕ! Хотя остался не день, а сутки. А они, как известно, состоят из дня и ночи. Но в нашем конкретном случае сутки состояли из НОЧИ и ДНЯ.

Ночью, перед последним днем, казарма гудела, как улей. Каждому отделению была поставлена боевая задача по «приведению вверенной ему территории в надлежащий вид». Говоря по-простому, всем раздали аккорды, выполнив которые, можно смело сваливать домой. Какой там сон! Все бегают. Что-то красят, что-то белят, таскают... Командование в лице ротного, взводного и дежпофаку старшего лейтенанта Симоненко смотрело на нарушение команды «Отбой» сквозь пальцы, а вскоре и ротный отправился домой. А улей все гудит. Завтра ж отпуск! А посему какой там сон – успеть бы все сделать.

Есть и еще одна составляющая этой истории. Все вы помните, что все учебные группы перед экзаменами пытались как-то задобрить преподав, принимающих экзамен. Так вот, на экзамен по физике мы заготовили коньяк армянский, пять звездочек. Обычно эти подношения в 113 к/о делал ваш покорный слуга, но перед тем злосчастным экзаменом я слег в санчасть и на экзамен пошел непосредственно с больничной кой-

ки. Человек, который должен был вместо меня исполнить эту интимную функцию, как бы это помягче сказать, испугался. И в итоге было поставлено несколько двоек и куча троек.

И вот прошла вся сессия. Кое-кому удалось пересдать двойки еще до официальной пересдачи, а бутылка коньяку так и осталась лежать на «депозите» в моем чемодане. Вспомнили о ней лишь в последнюю ночь. Тут же организовалась инициативная группа из «трех товарищей» в составе Мацика (Олега Мацкевича), Сереги Панфило, ну и, собственно говоря, меня. Скинулись по трехе, вернули общественные деньги нашему замкомвзвода Мише Кирильчику и удалились в фотолабораторию в подвал. Сидим так хорошо, по глоточку принимаем благородный напиток. А наверху все жужжит, бурлит – стройка века!

И здесь на авансцену вступает дежпофаку – старший лейтенант Симоненко. Решил все же в час ночи проконтролировать личный состав. Обошел все, никого не считая, – попробуй пересчитай, когда полроты в трусах с кистями да с мастерками по казарме бегают. И вдруг какая-то нечистая занесла его в подвал. Прошелся туда-сюда, прислушался... голоса. Подходит к двери, а из-под нее красный свет – фотолаборатория ведь.

– Кто там?

– А там кто?

– Дежурный по факультету! Открывайте!

– Не можем, идет фотопроект!

– Я кому говорю – открывайте!!

Ну мы, как дисциплинированные воины, подчинились, и старлей вошел внутрь. А бутылку, в которой осталось граммов пятьдесят(!), Мацик поставил в ряд стоявшей вдоль стены батареи с какой-то фотографической хренью.

– Что тут делаем?

– Да вот, аккордные работы, устали очень, зашли перекусить (на столе немудренная закуска в виде огурцов, помидоров, остатков колбасы).

А в камерке продолжает гореть красный фонарь. Симоненко уже хотел дать команду, чтоб выметались, но тут фонарик в его руке совершенно случайно выхватил в темноте батарею разнокалиберных бутылок. Долго смотрел он на крайнюю в ряду, взял, понюхал...

– Что это?!!

– Реактивы...

Всю ночь мы не спали, прикидывали, что делать. Так ничего и не придумав, забылись тяжелым (не от коньяка – что там пить-то на троих) сном.

А поутру мы не только проснулись, но и умылись, и сходили на завтрак. А вот наш ротный пришел не к подъему, как всегда, а к столовой и тут же узнал от начальника факультета(!) о незаконных во вверенном ему подразделении. Рысью догнал удалявшийся строй, остановил и скомандовал:

– Алкоголики-аристократы! Выйти из строя!

Большинство народа не знало ничего о наших ночных приключениях: все были заняты ремонтом, и команда Чекиста прозвучала как гром среди ясного неба.

Панфило, Мацик и я еле выползли из строя, а рота двинулась дальше на учебный аэродром. Тут же, по горячим следам, Чекист устроил нам допрос с пристрастием. Мы написали объяснительные. Он прочитал как под копирку написанные объяснительные (шел – поскользнулся – упал – очнулся – гипс) и задал свой самый коварный чекистский вопрос:

– Кто был организатором пьянки?

Сами, братцы, понимаете, с организатора спрос особый. Ну а нам-то что остается делать? Пришлось писать. Первым отдал объяснительную Панфило, и лицо Попова-Чекиста аж просияло (Серезжку из нас троих он не любил больше всего). Вторым отдал писульку я – на лице Александра Ивановича недоумение. Ну а когда он прочел листок Мацика, то и вовсе погрузстнел. Что же, вы хотите спросить, там было написано? Правильно, каждый из нас организацию культурного вечера, не сговариваясь, взял на себя! Вот и взгрустнул Александр Иваныч.

А потом еще был совет факультета, где все начальники кафедр возмущались не столько фактом «нарушения безобразий», а тем, что курсанты 1-го курса попивают **КОНЬЯЧОК**. Очень мне лично запомнился полковник Алексеев, начальник одиннадцатой кафедры:

– Да я коньяк только на Новый Год, а они!..

Потом еще были **ВОСЕМЬ** дней (от отпуска!) ожидания «приговора», стойвшие нам восьми лет жизни.

И, наконец, известие о нашем всенародном прощении. Но эту бутылку коньяка мы запомнили надолго.

АККОРД

Тормознули меня как-то в отпуске. Отпуск зимний, то ли третий, то ли четвертый курс. Сидел за «политику». Рота разехала. Остался народ на пересдачу и мои коллеги – «политические», то есть залетные. День проходит, второй проходит, третий, а курсовой офицер, оставшийся за ротного – как ни в чем не бывало. Приходит с утра, дает задание «на сегодня» и уходит. Назавтра придет, проверит сделанное и опять уходит. И так три дня. Я уже чуть не вою: «Товарищ капитан! Скажите, все, что надо сделать, – сделаю!!!» Ну, товарищ капитан и дал задачу: «бобы перебрать, муку просеять...» - короче, и за неделю не справиться. А в напарниках у меня был Валера – классный парень из Могилева, только учеба у него хромала.

И вот приступили мы с Валерой к «разгону облаков и свершению подвига». Ребята, которые оставались в казарме, нам, конечно, помогали – и чудо свершилось! Назавтра к пятнадцати ноль-ноль все было готово. Мы быстренько переоделись в парадку, прилизали свои «канадки» и приготовились ждать Птицу (курсовой офицер Орлов А.В.). А Птица все не идет и не идет. У Валеры поезд часов на шесть, у меня на это же время автобус на Резекне, а его все нет! И тут, ближе к семнадцати ноль-ноль появляется Птица. Мы чуть не врываемся в канцелярию:

– Товарищ капитан!

Так, мол, и так, прибыли для убытия в очередной, очень нами заслуженный отпуск!

– Какой-такой отпуск?! А аккорд-то выполнили? Пошли смотреть.

И пошли мы смотреть сделанную нами работу. Птица все делал нарочито медленно, специально тянул время, чтобы мы сегодня наверняка никуда не уехали. Осмотрел все, а придаться-то и не к чему!

– Ну а кубрик? – спрашивает он.

– Что кубрик?

– Пол в кубрике-то не покрашен?

– Так вы ж нам ничего про него не говорили!!!

– А теперь – говорю. Покрасите – заходите за отпускными.

Ну это был уже удар ниже пояса. Такого мы не ожидали.

За четыре дня вылизали всю казарму, а теперь что, опять на сутки задерживаться?!

Через час поезд, а еще надо добежать до вокзала, купить билет, да еще и кубрик... А в кубрике, надо сказать, жило два классных отделения, по площади метров двести, а может, и больше. Валера стоит в ступоре, да и я не лучше: растерзать готовы ненавистного Птицу, а сделать ничего не можем! И вдруг Валерка: «Ребята! Все сюда!!!»

...Через шесть (!) минут чуть ли не вламываемся в канцелярию:

– Товарищ капитан! Ваше приказание выполнено! Кубрик покрашен.

Птица с усмешкой:

– Ну что ж, пойдем посмотрим.

Надо было видеть его глаза, когда он увидел полностью, за исключением одной дорожки, выкрашенный пол. Понимая, что ЭТО за пять минут сделать невозможно, он дрожащей рукой вытащил из стола два отпускных – и мы рванули в долгожданную свободу!

Валера еле успел на свой поезд, а я, взмыленный, ворвался в отъезжающий автобус.

Прошло три года. Я – бравый лейтенант, отслуживший уже полтора года, – решил навестить город своей юности. Город, который так же, как и всем вам, дорог и мне, город, с которым я, как пуповиной, связан родной рекой (служил я в Андреаполе, в котором берет исток Западная Двина, она же Даугава). Первым делом зашел в крепость, на факультет, по кафедрам. Далее в казармы. А вечером, вечером отправился в ресторан «Латвия».

И первый, кого я увидел в ресторане, был... Птица! Подбежали друг к другу, обнялись (не вру), побратались. Долго сидели в «Латвии», потом пошли к нему домой в крепость. И там-то он меня и спросил:

– Слушай, а как же вы тогда целый кубрик за пять минут покрасили? Я три года себе башку ломаю!

– Как, как...Сливаем всю краску в тазик, из него – плеск на пол! И разгоняем краску шваброй по углам!

ПОМПАЖ

Как я уже говорил, наш Валерка был отличный парень, но вот с учебой у него было туговато. По его собственным словам, задача у него на каждую сессию была получить не более двух двоек, потому как при большем количестве могли возникнуть серьезные проблемы.

Летняя сессия на втором курсе была для Валеры нетипичной. Остался один экзамен, а у него не было ни одного банана! И вот крайний подход. Наше отделение сдавало ТАД (Теория авиационных двигателей). Дисциплина не очень сложная, да к тому же имелся один ма-аленький нюанс. На 15-й кафедре все (!) препода, кроме майора Ковалева, который принимал у нас экзамен, ушли в отпуск. Нюанс маленький, но для нас очень важный. На завтра у самого Ковалева были куплены билеты в город-герой Сухуми, а в кармане лежали путевки на всю семью в тамошний санаторий. Т.е. двойку он мог поставить только теоретически – принимать повторно-то некому!

Отделение подготовилось хорошо. Много пятерок, четверок, а может, у Ковалева было уже благодушное, предотпускное настроение, – короче, все шло очень неплохо. Даже потенциальные двойки после несложных дополнительных вопросов превращались в уверенные тройки. Дошло дело и до Валеры. Не знаю, что у него были за вопросы, но Валера «поплыл». Первый – ноль, второй – ноль, задача – ноль! Дополнительные – все по нулям!

Бедный Ковалев покрывлся испариной. Ставить три не позволяла никакая этика, а два – жена дома убьет, да и дети добавят... И тогда он пошел на решающий шаг, дальше которого идти, собственно, и некуда. Он задает вопрос, легче которого нет во всем ТАДе, вопрос, на который с легкостью ответит любой выпускник сочувствующих факультетов и даже наиболее толковые солдаты-механики.

– Как называется критический режим работы двигателя, при котором возможно разрушение компрессора?

Задав такой вопрос, Ковалев внутренне расслабился. Но не тут-то было. Валера явно хотел показать, что отпуск надо заслужить не только курсанту! Валера МОЛЧАЛ! Огромные кулаки сжались до синевы. Пот катил градом. На лбу вздулась

жила. Ковалев подошел к окну и тупо уставился вниз. Какие картины проплывали у него перед глазами, не знаю. Но думаю только, что ненавидели они с Валерой друг друга в этот момент одинаково сильно...

А в это время над Юрой Каранкевичем взметнулся лист 11-го формата (нынешний А4), на котором жирно было написано: «ПОМПАЖ». Пятеро находившихся в аудитории курсантов-отличников сначала шепотом, а потом все громче и громче начали скандировать: «ПОМ-ПАЖ! ПОМ-ПАЖ!!» Глаза Ковалева превратились в узенькие щелочки, лицо посерело, уши ничего не слышали... Но не слышал ничего и Валера!

– ПОМ-ПАЖ! ПОМ-ПАЖ!! ПОМ-ПАЖ!!!

И в этот миг челюсти Валеры, доселе сжимаемые с нечеловеческой силой, разжались, и случилось невероятное – с его губ слетело робкое и еле слышное:

– Пам-паж...

Ковалев одним прыжком оказался у стола, схватил зачетку и в мгновение ока поставил автограф рядом с «УДОВЛ».

Оставшиеся пять ребят отчитались перед ним за пятнадцать минут. Все получили «ОТЛИЧНО».

БИЛЕТ НОМЕР СЕМЬ

Еще одна история про Валеру.

Вы уже знаете, что у Валеры на каждой сессии была задача-минимум. Получить не более двух двоек. Относился он к этому философски и, я бы даже сказал, с легкостью. У него была своя выработанная система пересдачи. Где-то во время самой сессии, где-то через аккорд, где-то измором, короче, относился он к этому как к некоему неизбежному приключению.

Четвертый курс, летняя сессия. На мой взгляд, самая сложная сессия за все время училища. Мало того что предметы о-го-го, так еще и экзаменов целых шесть.

Но вернемся к Валере. Первый экзамен – два, второй – два, третий – СУАСУ (топливная автоматика) – на мой взгляд, самое сложное, что было у нас за пять лет. А после него еще три экзамена. Все отделение бросило свою подготовку и прямо-таки натаскивало Валеру. А Валера меж тем авторитетно так заявляет: «Мне достанется билет номер семь!» Ну седьмой так

седьмой. Может, ему кто-то пометил, может, заготовил «супер-бомбу», может, еще что. Но ежели так уверенно заявляет, да еще в такой ситуации – значит уверен на сто один процент.

Вся группа по очереди «принимает экзамен» у Валеры. У того просто все от зубов отскакивает. Ленинский стипендиат!

Остается один день. Все зубрят. Один веселый Валера гоняет балду. И надо ж мне было задать вопрос:

– А тебе что, билет пометили?

– Да нет. Сон мне приснился. А во сне бабушка. И говорит мне, что достанется тебе, внучек, билет номер семь.

Оба-на!!! Все бросают свои тетрадки, к Валере, мол, ты что, совсем уже?!! А он ни в какую. Билет номер семь, и все тут! Хлопнул дверью и ушел. Ну а нам-то что делать? Каждый кузнец своего счастья. Мы ж не будем за него учить. Остается лишь уповать... Да на что там уповать! Кроме СУАСУ еще три (!) экзамена...

На следующий день Валера – начищенный, наутюженный – заходит первый на экзамен. Принимал у нас подполковник Будник. Здоровенный дядька, очень грамотный и, самое главное, любивший во всем «военный порядок».

Мы все сгрудились под дверью, чтобы услышать, какой билет вытащит Валера.

– Товарищ подполковник! Курсант такой-то для сдачи экзамена по дисциплине «Системы управления авиационными силовыми установками» прибыл!

Плюс один балл уже есть!

– Тяните билет.

– Билет номер семь!

Мы просто в шок! Даже начали прыгать и обниматься! Ай да бабушка, ай да сон в руку! Ну как после этого не поверить в чудеса? Проходит минут сорок. Выходит второй вошедший. Потом третий. Четвертый.

– А где Валера? Что случилось???

– Не знаем. Сидит с дополнительными вопросами.

Выходит пятый. Шестой. И тут выходит Валера, как Наполеон после Ватерлоо. Два балла!!!

Это было все...

Билет Валера отчеканил, как отче наш. И вот тут-то Буднику показалось немного странно, что курсант, особо ничем не отличавшийся во время семестра, так здорово отвечает на экзамене. Ответ-то на пять с плюсом! И чтобы успокоить свою преподавательскую совесть, взял да и задал какой-то дополнительный вопрос...

...И это было началом конца. Надо отдать должное Буднику, бился он за Валерину пятерку, потом четверку, потом тройку очень долго. Но бой в тот день был неравный.

Больше на этой сессии двоек Валера не получал.

А после экзамена по СУАСУ мы всем взводом бросились к Борису Васильевичу Халимону (дяде Боре, как мы его за глаза называли), который предыдущие полгода был у нас начкурса вместо поехавшего сдавать госэкзамены в Жуковку Попова. Борис Василич, которого мы просто боготворили, сам был с 16-й кафедры, той самой, где и были СУАСУ. На следующий день Валера СУАСУ пересдал. Ну а мы, все вместе, при этом отдраили стружкой и натерли мастикой длиннющий коридор на 16-й кафедре.

Ну, а если бы коридор был короткий?

Макшанов Вадим. Ник на сайте - Мах.

Родился в 1967 г. в семье офицера. В детстве был тимуровцем-хулиганом, так как переводил старушек через улицу в неположенных местах. ДВВАИУ закончил в 1990 г., когда зарплата лейтенанта стала похожа на сдачу. Несмотря на это, служил добросовестно до тех пор, пока Родина не стала брать у него долг с процентами. Из всех ценностей больше всего признает семейные. Посадил дерево и вырастил сына почти одновременно. Со строительством дома дела пока обстоят не так однозначно, но все впереди. Увлекается горными лыжами, особенно если рядом есть горы. Живет и работает в Новосибирске.

КОКАРДА

Нагрянула как-то очередная комиссия, коих в училище была пропасть, по проверке какого-то внутреннего порядка. Ну, естественно, натерли все, что можно натереть, и намазали, что можно намазать. Роту всю прогнали на сампо, даже старшину выковыряли из недр каптерки – и тоже на сампо. Остались в роте только наряд да командир м-р Вакарчук. Комиссия вроде как уже в 14-й роте, а она как раз напротив. Командир нервно мечется у окна, что возле дневального. Потом вдруг замер, ловя какую-то мысль. Бац, и развернул шапку задом наперед!

– А то кокарда блеснет, комиссия увидит: ага, кто-то есть, пойдём проверим! А так ничего блеснуть не будет, – объяснил он недоумевающим дежурному с дневальным.

ВЗРЫВПАКЕТ

Был у нас во взводе сержант Юра С., умный, собака, в плане учебы, но до чего же выежистый по натуре.

Конец первого курса, неделя тактических лагерей. Под руководством небезызвестного полковника Паленок. И надо же было нам подвернуться ему под руку при назначении взводных пулеметчиков. Мне, Удаву и сержанту Юре. А пулемет, зараза,

мало того что тяжел, так еще и вещь бесполезная, в наших тактических игрищах неприменим ввиду отсутствия бойка и просверленного ствола. А обладателям АКМ выдали холостых патронов по обойме нам на зависть.

Лето, жара, мы, мля, наступаем. Второй взвод в обороне. Видимо, Паленок тоже был из разряда шутников, потому как устроил проход в учебном минном поле прямо посреди не учебного, а вполне реального болотца. Бежим, воины-пулеметчики впереди, и вдруг цепляю ногой какую то корягу – хрясь мордой в жижу, сверху пулемет – тюк по маковке. «Вот она, паленокская фашина, мать ее», - думаю про себя. А по мне уже взвод, чвяк-чвяк-чвяк... Добежали до рубежа, условно победили, что интересно, второй взвод не менее успешно условно отбил атаку. Паленок передал нас из своих нежных объятий в ласковые руки взводника.

– Ладно, – сжалился взводник. – Тем, кому не довелось пострелять, даю по взрывпакету бросить.

Это ж нам, пулеметчикам! Я свой взрывпакет использовал неэффектно. Поджег, бросил, он и взорвался в отдалении на земле. Бросил Удав, тоже некрасиво. А вот и Юре бросать. Что же делает этот любитель эффектных жестов? Поджигает и до последнего смотрит на шипящий шнур. Взвод стоит слегка в отдалении, окружив нас полукольцом, наблюдают. Я оказался рядом, так как получал взрывпакет вместе с ним. Последние пять миллиметров не сгорают, а делают мгновенный «пшик». Любитель эффектов отводит руку для броска чуть ли не под самый нос мне...

...Летом 91-го, в августе, в аккурат перед самым ГКЧП, к нам в полк из академии пришел новый комэска, Михаил Дмитриевич Соловов, и был у него красивый пес, американский коккер-спаниель. Забрел как-то Михал Дмитрич с псом в гаражи. Ну, в гаражах, понятное дело, мужики не мед хлебают, а кой-чего повкусней. Ну и Дмитрич с ними пообщался, а пес тут же под ногами крутится. Какой-то гаражист, из технарей, решил побеседовать с кобельком. А тому явно не понравилось, что какое-то пьяное мурло тычется ему в морду. Возьми да и тяпни его за нос. Кровь течет, народ вокруг стал гонять пса, кто-то оказывает помощь потерпевшему, а тот заявляет пьяным голосом:

– Собака не виновата, она охотник, у нее СТИНКТ сработал!

Так вот, летом 86-го, в момент «ПШИК», у меня тоже СТИНКТ сработал, и я успел отвернуться. Как грохнуло, прям как кувалдой по башке! Да со всех сторон сразу. В ушах звон, во рту какой-то привкус непонятный... К голове боюсь прикоснуться - а вдруг ее там нет? Оказалась на месте.

Весь заряд ушел в правую сторону лица сержанта Юры - такое впечатление было, что он целый день загорал лежа на боку, плюс веснушчатый стал, только веснушки черные (порох вошел под кожу, потом долго выходил).

Взводник переживал, что получит «неполное служебное» и конец его карьере, но вроде все обошлось.

ПОДАРОК

Дело было в 89-м, 12 ноября. Дату запомнил, потому что это мой день рождения. Так вот, жена у тещи под Донецком, я, так как был женат, уволен из расположения до понедельника. Корешок мой, он же мой командир отделения, Виталик, находится в самовольной отлучке в городе Каунас. И я его вечером должен встретить с поезда, чтобы вместе отмечать день рождения.

Итак, я на вокзале, подходит поезд - и что я вижу? Виталик сходит с поезда не один, а в обществе обаятельной красавицы, сам явно подшофе. Кто это, что это, зачем?

– Это мой подарок тебе, – заявляет Виталья. – Ехали в поезде вместе, девушка, правда, до Ленинграда, но я уговорил ее погостить у нас, и она любезно согласилась, когда услышала, что у друга сегодня день рождения.

Я в смущении. Добрались до дома, жил я тогда на конечной пятнадцатого маршрута автобуса. Там же находилось спецПТУ для малолеток (мы его всегда пробегали мимо, когда следовали на стрельбище), там работала моя жена, и ей выделили комнату в общежитии.

В общем, добрались, отмечали до первых петухов, а после просто повалились и позасыпали...

Наутро были занятия по отработке опробования двигателей самолета. Какое там занятие! Хорошо, что за нами прибе-

жал наш корешок, так бы не проснулись и до конца занятий. Прибежали на учебный аэродром, когда первая партия уже села по кабинам и запустила движки. Уфф! В аудиторию, на последнюю парту - и досыпать. Но не тут-то было, врывается в аудиторию старший преподаватель п-к Снегоцкас:

- Так вас растак, почему не учите матчасть, этапы газовки, первая партия ни хрена не знает?!

Успеваю раскрыть конспект и прочитать пару абзацев. И тут же получаю контрольный вопрос от Снегоцкаса, как раз на прочитанную тему.

- Вот, Макшанов, молодец, берите пример!

Боже мой, думаю, что будет дальше?

- На газовку! – звучит, как приговор.

Дальше как в тумане. Я в кабине МиГ-31, на учебной табуретке, во втором кресле Снегоцкас, фонарь закрывается. Как говорится, я не виноват, он сам захотел. Видимо, он все понял в ограниченном пространстве, когда стекло тут же затянуло и мы погрузились во мрак. Помню только:

- Закрылки выпускай... закрылки... а черт, давай дальше, я уже включил.

Как сейчас я понимаю, спасло меня от расправы только то, что он оказался однокашником моего отца по Жуковке и знал меня еще с тех пор когда я путал штаны с горшком.

А что же Виталя? А Виталя тихо отсиделся на задней парте до обеда, а после обеда - самоход. Ну конечно же, к брошенной красавице... Увидел я его только вечером у себя дома, когда ушел в увольнение. Виталя был уже красавец! И тут подруга запросилась на экскурсию по городу. То-се, вокзал посмотреть, расписание, ей же, типа, дальше ехать. Провели экскурсию, погуляли. Вернулись на базу, легли спать. Мне бы тогда еще насторожиться, что за странная заинтересованность вокзалами?

Утром мы, как заправские служаки, опять в строю. День пролетел быстро, Виталя, как и вчера, после обеда - самоход. Я вечером прихожу домой, и – о, ужас! Виталя в печали, красавицы и след простыл, а в жилище шаром покати! Все мои скромные курсантские сбережения, вещи жены, начиная, пардон, с нижнего белья и заканчивая верхним – «под ноль». Вместо этого оставила свое, опять пардон, нижнее, но только такого состояния и качества, что волосы на всем теле встают дыбом от мысли: «А если бы...?»

– Виталя, – говорю, – ты сделал заход?

– Да... только страшно мне теперь, – говорит он, невесело глядя на белье, оставленное нам в подарок.

Дальше был приезд моей жены, и все вытекающие последствия... Я был как кремень в признаниях, да и сочинять особо не приходилось: «подарком»-то я не воспользовался. Да и Виталя каким-то чудом пронесло от беды.

Как потом в жизни меня учили старшие товарищи: «Никогда нельзя признаваться женщине, в особенности, если она жена, даже в прошлых делах. Даже если ничего не было».

ПАЛЬБА

История, которую хочу сейчас поведать, была рассказана мне моим отцом.

Семидесятые годы, аэродром Белая. На аэродроме тогда базировались три полка. Один наш, истребительный на Ту-128, и два бомберских (как тогда говорили) на Ту-16. Одним из бомберских полков командовал тогда п-к Дудаев, тот самый. И он же начальник гарнизона. В то время мой отец только что был назначен на должность нач.ТЭЧ истребительного полка и только что получил майора. Собрал всех начальников групп, канистру спирта чистого, ракетницу с цинком ракет, АКМ с цинком патронов - и на берег Ангары, отдыхать. Время около часа дня. Веселье на берегу в самом разгаре, канистра уже ополовинена, взгляд не так уже остер. И тут кто-то замечает, что у самой кромки воды на выброшенном из воды бревне лежит человек в плавках, загорает (на дворе лето).

– О, а давай его попугаем - пьяное предложение.

– А давай!

И началось – кто из ракетницы, кто из АКМ. То перелет, то недолет...

Надо отдать должное тому человеку, в панику он не ударился, не метался по берегу в поисках спасения. Спокойно встал и пошел к группе стрелков. Подходит ближе.

– Дудаев!!! – выкрикнул кто-то.

Все врассыпную, кто куда. Мой батя соображает: «Мне-то куда бежать, я же начальник, надо что-то делать», – и идет навстречу Дудаеву.

- Что у вас тут происходит? Почему в рабочее время находитесь здесь?

- Я начальник ТЭЧ полка, провожу тренировку наземной поисково-спасательной команды. А вы почему в рабочее время находитесь здесь?

- А я готовлюсь к полетам. Доложите своему командиру полка п-ку Ведерникову, что я вам сделал замечание.

- Есть!

На том и разошлись...

СТУДЕНТ

Пришел с нами в полк в 90-м году один двухгодичник. Парнишка тихий, скромный, доверчивый - не то что ушлые выпускники военных училищ. И естественно, этим его свойством не преминули воспользоваться полковые приколисты. Сколько раз Коля попадал в нелепые ситуации благодаря даже своему начальнику группы капитану Козлову. В первый же его приезд на аэродром к-н Козлов предложил пройти к самолету, где он его ознакомит с карданным валом - приводом на шасси. И Коля, поверив, идет...

Как то раз, после построения, все, как всегда, должны сидеть в штабе, в классе, ждать отъезда на аэродром. Ну и как-то получилось, что не сидели на месте, а разбрелись по гарнизону. Коля, наивная душа, заходит в класс - никого, только начальник.

- А где все-то? - спрашивает Коля.

- Как, ты не знаешь, как же ты слушал? Сегодня же день получения «подметочных».

- Каких подметочных?

- Ты на складе сапоги получал?

- Получал.

- А подметки, такие кожаные, тебе выдавали?

- Нет.

- Ну вот, кому не выдавали, тому положена денежная компенсация, беги давай, я тягач подержу, если что.

Кто был в финотделе, катались по полу от смеха.

Идет как-то Коля на полетах, во время разлета, мимо самолетов (опять же с начальником), техники висят на связи. И тут Коля замечает у технарей ларингофоны.

- А что это такое у техников на горле? - спрашивает он начальника.

- Как, ты что, не знаешь?

- Нет!

- Это же чтобы горло не простудить. Видишь, они кабелями подключены к самолетам, вот горло и греется. А ты разве не получал на складе? Странно, всем дают, почему тебе не выдали?

На следующий день веселуха была уже на вещевом складе.

ПОЛКОВЫЕ ПРИКОЛЫ

Служил в нашем полку Саня Перепечко. И была у него отличительная особенность: мог заснуть даже на ходу. Случились какие-то работы на самолете, которые проводились прямо на стоянке, в капонире, дело было зимой. Все как положено, расчехлили, подогнали АПА, подключили, работают - красота. Присел Саня Перепечко на ступеньку стремянки и уснул, согретый струей горячего воздуха от АПАшки. Как уж она ему не мешала грохотом и выхлопными газами, то одному Морфею известно. Долго ли, коротко ли проходили работы, только закончились они. АПА скрутили и отогнали, а Шура спит. Сжалились над ним, разбудили. Дескать, вставай Шура, закрывай, зачехляй, домой пора. Проснулся Шура, вскочил, дерг, дерг... - а с места тронуться не может, что такое? Может, ноги отсидел или отказали напрочь? Нет! Пока Шура спал, горячими выхлопными газами АПА растопило снег под ногами у Шуры, а когда спецмашина отъехала, вода-то и замерзла. Вот потехи было народу! А история эта еще долго ходила из уст в уста.

Выпивали как-то в кабаке два сослуживца-товарища. Один подполковник, другой майор. И в хорошем подпитии случился у них спор.

- А ведь майор - это не старший офицерский состав, - говорит подполковник.

- Как это не старший?! Еще как старший! - отвечает майор.

- Нет, не старший!

- Нет, старший!..

Дело дошло до драки, вызвали милицию, и закончилось разжалованием обоих на одну ступень. И вот сидят они опять,

обмывают новые звания. Один майор, второй капитан.

- Ну что, говорил я тебе, что майор не старший офицер? - сказал бывший подполковник.

- Теперь согласен... - говорит бывший майор.

Случилась у меня как-то беда. Не рассчитал количество свободной тары - канистр. И в послеполетную не могу слить весь остаток массандры. Остается в баке, по моим подсчетам, порядка двенадцати литров. Что делать? Весь капонир обшарил, нет больше свободной тары и все тут. Уже и чайники заполнены, и кружки... А оставить до утра – все равно что вылить на землю. Караул раскачает досуха.

А у меня в нише стояли резиновые сапоги. Делать нечего - сливаю в них! До утра, чтоб потом в канистру перелить... Зато проверил сапоги и на герметичность, и на объем. Ровно пять литров входит в каждый. Утром приехал уже с канистрой и начал переливать. Ба-а! Массандра «на сапогах» настоялась за ночь и приняла темно-желтый цвет, что твой добрый коньяк. Даже марганцовка не помогла в очистке, так и остался легкий желтоватый оттенок. Непривычно маленько, но свойств не потеряла.

Пришлось этот «коньяк» потом применять при расчетах с КПМками, когда снег чистили в капонирах. Ушел за милую душу.

Прилетели мы на стрельбы в Сары-Шаган. Встречает наш борт с техсоставом командир полка. На предмет вычисления употребивших. И попадаются ему на глаза Дядька и прапор из нашего отряда Юрка Яндола.

- Товарищ Митин, вы почему пьяны?

- Товарищ командир, вот вы летчик, вы летать не боитесь, а я техник и летать боюсь. Вот и выпил для храбрости.

- Ясно, свободны. А вы, товарищ прапорщик, почему пьяны?

- А я тоже боюсь летать!

- Нет дружище, такая отмазка уже была. Будете наказаны по возвращении на базу.

В конце восьмидесятых - начале девяностых, в Толмачево (Новосибирск) у транспортников был командиром полковник

Леонтьев. Случилась у них тоже какая-то проверка сверху, а «верхи» в комиссии все – мазута чернопогонная. В тот день командир возвращался из какого-то перелета и в момент построений и проверок шел от самолета к штабу (штаб на аэродроме), в руках портфель. Ах да, забыл уточнить, полагалась ему по званию папаха, но носить он любил шапку.

Так вот, идет он по аэродрому, и тут к нему подскакивает «мазутный» подпол и давай на него орать, дескать, кто это, да что это:

– Вы почему в такой форме, кто ваш командир, почему без «кривых» штанов и сапог?

Леонтьев молча ставит портфель на бетонку, открывает его, достает оттуда папаху, снимает шапку, надевает папаху.

– ДА ПОТОМУ ЧТО У НАС С ТОБОЙ ШАПКИ РАЗНЫЕ, ПОДПОЛКОВНИК! Пошел отсюда на хрен!

Производит обратную смену головных уборов и уходит.

Из историй, рассказанных моим начальником. Служил он тогда на Севере, в Амдерме. Случилось кому-то из летчиков познакомиться поближе с ненкой (не путать с немкой!). Пригласил к себе, отмыл ее в ванной, напоил и употребил. Утром приехал муж-ненец к командиру полка разбираться.

– Нехорошо ваша летчика с моей женщина делала, однако. Накормила – хорошо. Напоила огненна вода – хорошо, однако! Уестествила – тоже хорошо, однако... Но зачем женщина портить, зачем в ванне купать? – нехорошо, однако!

ФОНД МИРА

В девяностом году почти все вновь прибывшие лейтенанты мгновенно написали рапорта на увольнение и не то что на аэродром не выезжали, а даже на построение приходили раз в неделю, ну и за зарплатой раз в месяц. В нашей эскадрилье был один такой, выпускник Ломоносовского ВАТУ, Володя Обухов. Он поступал еще лучше. Приходил на построение в понедельник, типа отмечался, и уезжал к себе домой в Красноярский край, на месяц, через месяц все повторялось. И в один прекрасный момент эта ситуевина шибко достала комэску, подполковника Гречишкина.

– Мля, этот лейтенант меня уже задрал, где он? Как появится, сразу ко мне!

В очередной приезд Володи Грек чихвостил его прямо на построении.

– Лейтенант, если ты получаешь зарплату, то я каждый день вижу тебя на построении и ты регулярно ходишь во внутренние наряды по полку. Если ты не хочешь это выполнять, то приносишь мне квитанцию о том, что перечисляешь свою зарплату хоть в фонд мира, хоть в детский дом - мне все равно. И тогда я тебя не ищу...

Грек-то это выдал как шутку, а Володя принял как руководство к действию. Пошел на почту, раздобыл расчетный счет Фонда мира и всю зарплату переводил по указанному адресу. Когда он принес квитанцию комэске, у того глаза на лоб полезли, но он не стал признаваться, что всего лишь пошутил...

Через месяц, а то и через два кучковались как-то наши эскадрильские перед отъездом на аэродром у КПП. Подходит девушка и начинает спрашивать, как бы ей разыскать Владимира Обухова. Наши поднапряглись: не сдать бы парня по недоразумению.

– А зачем он вам? Что вы хотели?

– Понимаете, я корреспондент, мне поручено взять у него интервью и написать про него статью.

– А чего такого героического успел совершить лейтенант?

– Понимаете, этот офицер всю свою зарплату перечисляет в Фонд мира, мы не можем умолчать о таком самоотверженном поступке...

Наши долго ржали как кони, а девушка недоуменно смотрела на них глазами, полными слез.

– Понимаете, милая барышня, деньги он перечисляет, чтобы на службу не ходить и быстрее уволиться.

...И побрела девушка назад в редакцию, не взяв никакого интервью и разочаровавшись в «героях».

Но в жизни всегда есть место подвигу!

Мордвинцев Михаил. Ник на сайте – МИМ.

Родился в 1959 г. в семье офицера. Прошел Крым и Рым в том смысле, что родился в Крыму, а все остальное потом было Рымом. Все остальное – это выпуск из училища, служба по городам и весям, учеба в Академии Жуковского и снова служба на благо военной науки. Теперь военный пенсионер, но по-прежнему не позволяет себе расслабляться. Принимает участие практически во всех встречах выпускников училища, по привычке взваливая на себя ворох обязанностей и работ. Живет и работает в Москве.

ОЛИМПИЙСКОЕ ЛЕТО

1980 год. Лето. Жара.

Самое блаженное время. Отучившись полдня в душных аудиториях и отобедав, рота прибыла в казарму, до самоподготовки – свободное время.

– Вольно! Разойдись! – эти команды как бальзам на душу. Все как обычно, как всегда – и так уже почти четыре года изо дня в день...

После сытного обеда группа товарищей (тоже каждодневный ритуал) направилась в сортир – подумать о смысле жизни, подвести краткие итоги половины прошедшего дня, пометать о грядущем. О том, что «мыслители» заняли свои места, красноречиво свидетельствовали ремни, переброшенные через дверцы кабинок. Казалось, ничто не может нарушить идиллии курсантских будней.

С этим явно была не согласна другая группа товарищей во главе с Серегой Куницыным. Дождавшись, когда все очки были заняты, – за исключением самого крайнего (в этой кабинке хранился уборочный инвентарь), они плеснули туда полведра бензина. Спустя секунд 15–20 следом полетела зажженная спичка.

«У-уу-ууу-уууу» – послышался нарастающий гул. Затем с интервалом в полторы – две секунды стало раздаваться поочередное, короткое и резкое «Уф-уф-уф!!!» ... С таким же интервалом через вышибаемые двери начали вылетать со

спущенными штанами обалдевшие, ничего не понимающие «заседатели». За их спинами (точнее, задницами) из каждого очка вырывался столб огня высотой сантиметров семьдесят и интенсивностью как у хорошей паяльной лампы. Лето и жара делали свое дело.

Акцию повторили несколько раз. К концу дня шутка потеряла свою актуальность, так как народ, заслышав «у-уу» пулей слетал с насиженных мест, не оставляя пламени и хохмачам ни малейшего шанса.

1980 год. Лето. Жара. Все как обычно...

АМНЕЗИЯ

На построении объявили приказ начальника училища об отчислении курсанта после обращения с жалобой группы граждан. Не помню ни имени курсанта, ни его фамилии. Не помню ни курса, ни номера роты. Не помню даже факультета, на котором он учился. Помню только фразу то ли из констатирующей части приказа, то ли из жалобы граждан: «При возвращении из отпуска двое суток держал в напряжении весь вагон...»!!!

БЕДНЫЙ ГРИША

На курсе ЧП. В нашем классном отделении Рома Самарин заболел желтухой. Это нечто страшное – типа «птичьего гриппа». Ликвидировать страшные последствия биологической атаки в роту прибыли прапорщик Федоров (коллега незабвенного прапорщика Акулова) и боец-санитар с ранцевым опрыскивателем за спиной.

Оросив все, что можно, в казарме, прапорщик Федоров спросил у дежурного по роте: «Где спал этот урод?!» А так как дело было на четвертом курсе и Рома был местным и жил дома, то он даже койки в казарме не имел. Поэтому дежуривший в этот день Валера Векличев (он был из нашего классного отделения и все знал) быстро включил соображалку и тыкнул в кровать Гриши М.

«Давай!» (как «Пли!») – приказал прапорщик Федоров, и блестящий боец весь остаток дезраствора вдул в Григориеву кровать.

После обеда Гриша, поливая отборным матом всех и вся, пошел в каптерку менять постель, включая матрас, одеяло, подушку – в общем, все.

На следующий день опытный и все знающий боец, оросив всю казарму, снова, уже без всяких уточнений, вогнал остатки дезраствора в Григориеву кровать. После обеда Гриша, поливая отборным матом...

На следующий день опытный боец...

БЕДНЫЙ ГРИША!!!

ДЯДЯ БОРЯ

Начало 1977 года. Сдана первая сессия. Сказали, что уже сегодня некоторые убудут в отпуск. Народ косяком прет в канцелярию. Оставшегося за начальника курса капитана (а может быть, тогда еще старшего лейтенанта) Зайчикова задолбали до такой степени, что он построил роту и провозгласил: «Сегодня уедут только отличники и те, кому ехать далеко, например, курсант Г».

Все понятно: кроме курсанта Г. Геня и сессию сдал на «троечки», и жил, в общем-то, недалеко, в Брянске, хотя был народ и с Алтая, и из другой тьмутаракани. Только через какое-то время, когда Зайчиков от нас уже ушел (принял под командование 35-ю роту), мы узнали, что он был Геняшин дядя. И звать его (Зайчикова) мы с тех пор стали просто – дядя Боря!

Вообще-то Зайчиков драл нас не слабо, был строг и не всегда справедлив. А когда ушел – душа человек! Увидит – приветливо улыбнется, руку пожмет, за жизнь поговорит. На Геняшиной свадьбе пил с нами ого-го как. До-обрейший чело-овек!

Клево, что он от нас ушел!

АРИФМЕТИКА

Вечером прибежал помощник инженера эскадрильи, сказал, что усиливают БД, и выбор пал на меня, я жил ближе всех (в том числе и к нему). Заступили очень поздно. Утром технота, подготовив самолеты, завалилась завтракать. Летчики вечерней смены (четыре человека плюс дежурный руководитель полетов) еще спали, а утренние (тоже четверо) еще не приехали. Всех кормили на БД, т.е. девять человек против

обычных пяти. Завтрак привезла Валя, официантка из технической столовой.

– Как много сегодня летчиков! – удивилась она.

На вопрос: «А ты откуда знаешь?» – последовал ответ: «А я по яйцам посчитала!»

Примечание: летчикам на завтрак давали по два яйца.

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ!

История из жизни 61 иап, рассказанная при многих свидетелях, да и сам главный герой фактов не отрицал.

Итак. Служил в ТЭЧ полка прапорщик Евтюхин (фамилия изменена) и был он страстным охотником. А какой же настоящий охотник без охотничьей собаки? И завел себе Евтюхин молодого кобелька. Было в собачке много дворовых примесей, но и охотничье начало в экстерьере и повадках угадывалось.

Целое лето Евтюхин обучал и натаскивал песика.

И вот настала охотничья пора - самое время проверить усвоение барбосом пройденного материала. Группа экипированных охотников искала удачу в поле. В какой-то момент подняла зайца.

БАХ! БАХ! – прозвучали два коротких выстрела. Но раненый зайчишка продолжал достаточно шустро улепетывать от охотников. «Ату его!», – коротко и четко, как на плацу прозвучала команда Евтюхина. Повинуясь воле хозяина и охотничьим инстинктам, верный пес бросается за добычей. Настигает её. И ... начинает пялить!

...От неминуемого расстрела на месте бобика спасли друзья Евтюхина. Что стало с барбосом впоследствии - история умалчивает.

КРИВОЙ КЛЮЧ НА 32

Прилетел как-то на Чкаловскую американский транспортный самолет С-130 Геркулес, привез то ли инспекцию, то ли наблюдателей. По прошествии времени собрались лететь обратно. Запускаются и тут же вырубаются – проблемы с одним из двигателей. Всех выгрузили. У самолета осталось два американских механика и наш переводчик. Командование дивизи-

зии выделило двух техников ТЭЧ (самолет стоял рядом с ТЭЧ) с задачей обеспечить работу американским коллегам ТОЛЬКО НЕОБХОДИМЫМИ СТРЕМЯНКАМИ.

Амеры раскрыли капот (мотогондолу) двигателя. Достали несколько ящиков инструмента. Инструмент – песня! Все хромировано, никелировано, десятки ключей, головок, насадок, переходников, отверток и всего-всего... Принялись за работу. Наши, обеспечив ход работ нужными стремянками, курят не-вдалеке на травке.

Проходит час... Проходит второй... Результат нулевой.

Проходит третий... Все уже заколебались ждать.

На исходе четвертого часа наши уже устали курить и стали понимать, что своевременное окончание рабочего дня под угрозой срыва. Тут переводчик обращается к нашим техникам: «Что-то у них не клеится! Может, глянете?!»

Подошли. Глянули. Оказалось, что необходимо снять и заменить какой-то датчик, который находился на корпусе двигателя за его обвязкой (проще – в труднодоступном месте). Весь штатовский инструмент не катит.

Тогда один наш технарь говорит другому: «Вася, принеси из инструменталки кривой ключ на 32». Через пять минут Вася несет «самодел» – обрезок обычного рожкового ключа, приваренный к хитроизогнутой ржавой арматурине с т-образной законцовкой из такой же ржавой железки. Пару движений наших умелых рук – и датчик снят. Не менее шустро на место был поставлен новый датчик.

Американские механики с нескрываемым восхищением рассматривали это русское чудо – неказистое творение технической мысли под названием «кривой ключ на 32».

Беликов Алексей. Ник на сайте – Лёлик.

Родился в 1960 г. в семье офицера-авиатора. География гарнизонов детства – от окраин Дальнего Востока до самой до Москвы. Родному училищу предан беззаветно. Поэтому его рассказы о курсантской жизни так пронзительно-проникновенны. Коммерческая жилка отсутствует напрочь, зато не лишен жилки литературно-редакторской. Благодаря этому качеству и является составителем данного сборника. Считает творчество одним из главных аспектов человеческой жизни. Живет и работает в Днепрпетровске. Воспитав дочь и сына, недавно переключился на воспитание внука.

История – это наука о том, чего уже нет, и никогда больше не будет. Но, вспоминая нашу юность, мы возвращаемся к своим лучшим, исконным чертам характера, незамутненным и неискаженным последующими жизненными перипетиями. Стремимся возродить в себе юношеский задор, искренность, бескорыстную дружбу, крепкое курсантское братство. Подсознательно пытаемся восполнить то, чего в нашей, давно изменившейся жизни, нам, увы, так не хватает...

РОДНАЯ РОТА

Возглавлял нашу 15-ю роту все пять лет подполковник Глумов Николай Андреевич. И пришлось ему с нами нелегко.

Конечно, не мы первые и не мы последние. Но состав нашего курса подобрался на редкость «звездный». Уверен, что всех «звездных» персонажей наш ротный помнит до сих пор. Про каждого из них в свое время можно было снять многосерийный фильм-катастрофу. И в первой серии показать, к примеру, как Анчей с Синичкиным уже в первые дни КМБ ушились «по самое не балуйся», превратив уставные галифе в гусарские лосины. Такой наглости в училище до этого не знали. Как оказалось, это была только проба сил...

В следующем эпизоде можно рассказать, как Анчей, теперь в паре с Соляном, еще на первом курсе красиво оставили

«с носом» и патруль, и дежурного по факультету. Возвращались они после отбоя из самохода, по дороге попались патрулю, но сумели оторваться. Начальник патруля попался настырный, и вместе с дежпофаку стал их пасти у входах в казарму, с обеих сторон здания. А наши орлы, не долго думая, поплевали на ладони и забрались на второй этаж по водосточной трубе с торца здания. В последний момент труба с грохотом на все училище рухнула! Вот тогда-то засада и поняла, где слабое звено... Но было поздно: ВЕСЬ личный состав роты мирно почивал в собственных коечках.

Перечисленные «янычары» – это 171-е классное отделение. Мое 172-е было на первый взгляд потише. Но только на первый.

Взять, к примеру, Кузю – курсанта Кузнецова. Тихий, спокойный, слегка неуклюжий. Мухи не обидит. Но со своими принципами.

Как-то Глумов был не в духе и решил навести очередной шмон по тумбочкам на предмет наличия какой-либо крамолы. Нашел чей-то «вшивничек» (неуставную одежду) и тут же выкинул в открытое окно (видно, сильно не в духе был). На свою беду, прихватил ротник с собой свободного дневального – Кузю. Прихватил в качестве громоотвода, чтоб было в кого молнии метать. А получилось с точностью до наоборот – метнул-таки наш Кузя!

По странному стечению обстоятельств выброшенный вшивничек оказался его собственным. Тихий спокойный Кузя недолго думая, срывает с головы ротного подполковничью фуражку и отправляет следом, в то же самое окно. Оторопевшему командиру оставалось только проводить злосчастный фурик изумленным взглядом.

Ужасно обидел ротного однажды и Леха К. Третий курс, вечер в музучилище. Накушаться изволили многие, но только Леша, пьяно навернувшись со ступенек сцены, бесцеремонно заявил заботливо подбежавшему ротнику: «Подполковник, я тебе сейчас шею сверну!» За явную некорректность отправился грубиян с утра прямиком на «губу».

Вообще Леша мог проявить изрядную изобретательность. Была одно время у наших командиров такая недобрая традиция. Под девизом: «У нас тара не пьет-ся, у нас тара бьет-ся», –

на площадке перед казармой совершалась публичная «казнь»: торжественно разбивалась найденная у нашего брата бутылка с любой жидкостью крепче лимонада.

Не повезло как-то и нашему Лехе. Но шустрый Леша перед приведением приговора в исполнение вдруг вызывается: «Товарищ подполковник, разрешите собственноручно расправиться с врагом? Чтоб лучше прочувствовать, так сказать, всю низость собственного падения!» Почти растроганный начкурса протягивает ему обреченный на заклятие пузырь: «Действуй, товарищ курсант!» Отойдя чуть в сторону (якобы чтоб всем было видно, а на самом деле – на заранее подготовленную позицию!), наш пострел рассчитанным движением отбивает донышко о камушек и вытягивает руку. На глазах огорченной публики живительная влага безвозвратно уходит в землю... Ага, щас. На самом-то деле водочка, через песочек и тряпочку, стекла себе спокойненько в заранее прилаженную и замаскированную ушлым курсантом мисочку. И пусть нашему фокуснику сохранить удалось лишь полбутылки, но зато и была эта чудо-водка вдвое вкуснее!

Были среди нас уникамы и другого порядка. Случай с Серегой Пономаревым достоин занесения в пресловутую книгу рекордов. Человек семь (!) лет отслужил в армии рядовым! Сначала он проучился вместе с нами почти пять лет. Был в числе лучших, шел на красный диплом. Но на пятом курсе попала, что называется, вожжа под хвост – решил отчислиться. И как ни уговаривали его командиры одуматься, к написанию диплома так и не приступил. В итоге, когда мы надели синюю парадку с золотыми лейтенантскими погонами, наш бывший однокурсник надел хэбэ цвета хаки с погонами солдатскими. И отслужил еще два года срочной службы!

Под конец солдатской службы был с ним, по рассказам, такой случай. Встречает его как-то молодой лейтеха, только что из четырехгодичного училища. «Товарищ солдат, что за борзота? С каких это пор салабоны цепляют себе столько годов службы?!» – и тычет на семь пришитых курсовок на солдатском парадном кителе. Серега молча достает военный билет и показывает обалдевшему лейтенанту графу «Годы службы». Потом по-отечески кладет руку на лейтенантский погон: «Так что, лейтенант? Кто из нас салабон?»

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Был у меня во времена курсантской юности такой благой порыв: а не завести ли мне дневник, перекладывая на бумагу свои наблюдения и размышления? Огонек творчества вспыхнул и затеплился, несмелый и осторожный. Мне бы раздуть его, распалить как следует, подбрасывая осторожно дровишки. Увы, – не уберег. В круговерти курсантских будней: сессий, увольнений, нарядов, караулов, отпусков – потух мой огонек. Не перерос в полноценный костер. О чем сейчас, по прошествии более четверти века, весьма сожалею. Сохранилось лишь несколько отрывочных записей в старой тетради для конспектов. Недавно я эту тетрадь отыскал...

Вот один день из той жизни, 18 марта 1979 года. Хроника одного увольнения. Язык оригинала сохранен, с комментариями повзрослевшего на много лет автора.

...Вчера ходили в увольнение: Фел, Юденич, Вовчик Гаврилов, Пшениа и я. Для начала зашли в «Спутник», взяли по бутылке пива и поесть... (Вот она, сила записанного слова. Давно уже нет того здания, в котором располагалась столовая «Спутник». Не вписалось оно в современный облик города, мешало виду с центральной площади на католический костел Св. Петра в веригах – сейчас там действительно красиво. А в нашей памяти осталось. Как одно из тех мест, где не избалованные разнообразием казенной кухни курсантские желудки могли отдохнуть от «свинячей радости» и побаловать себя кулинарными «изысками»: купатами, котлетами по-киевски, заурядными отбивными и обыкновенными пельменями – все улетало на ура!

В том же ряду заведений «кадетского чревоугодия» вспоминается диетическая столовая «Березка» на ул. Ленина и, конечно же, «Пельменная» напротив комендатуры. Пельменная хороша была тем, что там давали водку на разлив, что позволяло бросить вызов и гарнизонному коменданту, и гауптштурму начальнику, а вместе с ними и всей опостылевшей уставщине – и нахально употребить прямо напротив средоточия гарнизонного армейского порядка, замирая сердцем от собственной наглости. Правда, водку предусмотрительно закрашивали томатным соком. Согласитесь, это несколько не умаляло величия брошенного вызова.

Потом поехали к Фелу домой. (Феликс Василевский до поступления жил на Гагарина, и его матушка нас, друзей да и просто однокурсников своего сына, всегда очень гостеприимно встречала, за что ей низкий поклон). Там нас, невзирая на наши слабые протесты, еще раз плотно накормили, да мы еще пивка предварительно взяли в магазине на Химии. От Фела пошли в «Дзинтарс», думали побаловать себя ликером. Но там нас ждал пролет. Рыжая стерва – барменша не захотела нас обслуживать и побежала звонить коменданту. Ничего не оставалось, как ретироваться.

Решили податься в «Железку». Там был незаконный вечер 11-й роты. Играла 13-я рота: Полонез, Кузен и компания. Впрочем, там был весь 1 факультет – старшие курсы. Вечер был бесподобный – все пьяные, половина – в самоходе, ни одного в уставных брюках. (Внимание, друзья! Вот вам пример неиссякаемой курсантской смекалки, оцените через года.) На построение увольняемых мы на уставные брюки-дудочки надели «клеши» и закатали их – под шинелью не видно. А когда вышли за КПП – раскатали, и отлично получилось – по городу мы щеголяли все из себя модные. (Милые, наивные шалости. Неужели это все было?..)

Под конец вечера – мы уже собрались уходить – нагрянул патруль. Мы – в зал и, шиньяря между танцующими парами, совершили обходной маневр (даром, что ли, тактику изучаем?) и успели благополучно выскочить.

Когда возвращались пешком в училище, встретили курсанта 3-й роты по кличке Бык, пьяного в дупель. Всей толпой тащили его в «стойло». На ногах Бык не стоял, а когда его тянули, упирался, блин, как бык. Натерли ему уши, отхлопали по щекам – кое-как привели в чувство. Когда зашли в крепость, то, подсобрав еще народу, построились, захихнули красавца в середину строя, и под командованием сержанта дошли до казармы. Чтобы не нарвался на кого-нибудь из офицеров уже в училище. (А вот вам и достойный пример курсантской солидарности и взаимовыручки.)

Вечерняя поверка прошла без эксцессов. А после отбоя наше эпикурейское племя опять дружно пило пиво с копчеными ребрышками...

Эх, сейчас бы хлебнуть того «Сенчу» или «Латгалес»...

ЛЕГЕНДАРНАЯ ОДИННАДЦАТАЯ

Не могу не коснуться в своих воспоминаниях наших старших товарищей из легендарной 11-й роты, первого выпуска училища по «вышке». Для нас, молодых первокурсников, они были примером для подражания и субъектами легкой белой зависти: ведь когда мы после присяги с гордостью пришивали на левый рукав парадки свою жалкую одну «соплю» – курсовку, у этих орлов красовалось целых три (а выше третьего курса на тот момент в училище никого не было). И уже во время курса молодого бойца мы твердо знали: третьих курсов в училище много, но самая крутая, отвязная и непревзойденная во всем училище – это 11-я рота. Вспомню несколько историй в подтверждение.

ПОДПИСКА

Как известно, фигура начальника гауптвахты – одна из самых зловещих в курсантской жизни. Немудрено: на такую должность попадают по призванию, по особому расположению звезд на небе. Проще говоря – законченные держиморды. И те, кто имел удовольствие познакомиться с этим персонажем поближе, сохраняют «теплые» воспоминания надолго.

Видимо, желание оставить о себе после выпуска такую же «теплую» и долгую память в сердце гауптического начальника подвигло курсантов 11-й роты на великодушный жест: подписать вышеозначенное должностное лицо на журнал со скромным, но красноречивым названием «СВИНОВОДСТВО». Думаю, этот благородный поступок впоследствии долго грел сердце суровому служаке. Так же, как и сердца юных лейтенантов, разлетевшихся по городам и весям необъятной страны.

МЕДВЕЖАТНИКИ

Обыкновение расслабляться в повседневной жизни присуще не только зрелым мужам. Наша привычка ухода от реальности будней, от неприятностей и проблем в другое измерение складывалась во времена нелегкой курсантской юности...

У курсантов второго взвода была добрая традиция: к выходным отправлять очередного гонца (очередность соблюдалась так же строго, как в случае с нарядами и караулами) на Погулянку за вином. Для этих целей выделялся когда один портфель, а когда и два.

В тот раз ребятам не повезло: как раз с двумя портфелями, набитыми «огнетушителями» с крепленным вином, кто-то из них был пойман командиром роты капитаном Федорием. Портфели были возвращены хозяевам, но содержимое помещено в сейф, под замок. Вождеденный вечер пятницы казался безнадежно испорченным и грозил превратиться в заурядный просмотр телепередач.

И вот здесь – внимание! – вот она, школа армейской выучки и смекалки. Разве может какой-то жалкий запертый сейф остановить пытливого и изворотливого курсантский ум? Да ни в жизнь! Дверь канцелярии открыли на раз. Но что делать с закрытым сейфом? А очень просто. Рассказываю. Только не надо никакой уголовщины, никаких хитроумных отмычек и прочих криминальных атрибутов из арсенала матерых «медвежатников». Все гораздо проще. Берется тазик (ведро, бачок, миска, кастрюля – любой вместительный сосуд), сверху натягивается кусок материи (только не портянка! – не тот «букет» будет). Сейф с помощью нескольких пар крепких курсантских рук приподнимается и – роняется на пол. Все! Остается только слить продукт... Как там у Задорнова? – «Почувствуйте гордость за своих!»

Можно только догадываться, что чувствовал на следующий день хозяин сейфа...

КАРАУЛ!

Не всегда курсанты бывают белые и пушистые. Вот мы тут поем им гимны, слагаем оды и возносим на пьедестал. А ведь бывал курсант злым, нехорошим и вредным.

Да вот взять случай с одним безымянным старшим лейтенантом. Этого представителя достойного племени слушателей угораздило как-то нарваться на вредных и нехороших курсантов 11-й роты, а именно на разводящего со сменой. Сия группа вальяжно следовала по маршруту, возвращаясь с дальнего поста на складе ГСМ. Старлей мирно идет навстречу и, поравнявшись с разводящим, замечает (о, ужас) – у сержанта не застегнут воротничок гимнастерки. Исходя из самых лучших побуждений (забыл, бедняга, чем вымощена дорога в ад), старший по званию по-доброму так, по-отечески имел неосторож-

ность сделать замечание расхристанному сержанту по поводу неуставного вида. И что же он получил в ответ? Черную неблагодарность!

Злой сержант срывает с плеча легендарное творение Калашникова с примкнутым штыком и дает команду: «Нападение на смену! Оружие к бою!» Его сотоварищам того и надо, они с удовольствием (о, недостойные клеветы) выполняют команду. Что остается нашему принципиальному поборнику Устава? Вынужден подчиниться грубой силе, он взят под стражу и конвоирован к дежпоучилищу. Где был обвинен в посягательстве на святое – на караульную службу и неприкосновенность разводящего со сменой.

После разбирательств наш герой, конечно, был амнистирован, но курсантов 11-й роты обходил отныне седьмой дорогой.

МАЭСТРО, УРЕЖЬТЕ МАРШ!

Возвращалась как-то группа курсантов все того же прославленного подразделения в училище из увольнения. Хотя нет, будем откровенны с читателем: возвращались они вовсе не из законного увольнения, а из незаконной самовольной отлучки. Да и не вечерком, а, пожалуй, что и далеко за полночь уже. Совершенно точно то, что добропорядочная и законопослушная часть училища уже давно спала и видела седьмые сны. Кто-то про долгожданный отпуск и веселых подружек, а кто-то про вареники и галушки. А кто-то и в мире грез и сновидений не мог отрешиться от ратной службы и даже во сне, бедолажный, повторял наизусть цитаты из Устава. Много интересного можно было услышать, будучи дежурным или дневальным и заходя ночью в спальное помещение: и любимые песни в исполнении сомнамбулических солистов, и всякое разное другое.... Но вернемся к не самым дисциплинированным представителям нашего славного ВВУЗа. Они сейчас подходят к Западному КПП. И как они это делают? Крадучись в темноте? Бесплотными тенями неслышно скользя по закоулкам? Ничуть не бывало!

Будем же откровенны до конца. Мало того, что из самовольной отлучки и глубокой ночью. Вдобавок среди них нет ни одного трезвого. И пребывают они все в прекрасном расположе-

нии духа и тела. И хочется им каких-то свершений, каких-то красивых поступков – ведь чем выше градус, тем ярче индивидуальность!

Поэтому решают наши герои заявиться в родное училище не просто так, а с помпой. И пройти, так сказать, «по главной улице с оркестром»! Ну, оркестра по причине позднего времени под рукой не оказалось. И даже завалившего рояля в кустах не обнаружилось. Но пройти торжественным маршем, как хаживали неоднократно на общеучилищных построениях, им ведь ничто не мешало?

И они таки прошли! Ровненькой «коробочкой», высоко поднимая ножку и громко печатая шаг, гордо подняв волевые подбородки и равняясь на правофланговых – любо-дорого было посмотреть!

...Жаль, не видели отцы-командиры, им было бы не стыдно за своих питомцев.

Нашелся и «командующий парадом». (Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом!) Орлом взлетев на ближайший бугорок, этот бравый курсант (с характерной фамилией – Шедевр!) хорошо поставленным на занятиях по строевой голосом четко отдавал команды по управлению строем.

Ходили они долго, с удовольствием и с песней, пока не вспугнул какой-то ошалевший от происходящего дежурный офицер. И только тогда строй рассыпался, а участники парада благоразумно растворились в ночи. «Командующий парадом» почему-то бросился в ров с водой, потом уходил огородами, но в итоге попался. Бесчувственное тело другого участника, по его собственному признанию, однокурсники поднимали на второй этаж на простынях. В обход дежурного по училищу, стоящего на крыльце и поджидающего загулявших с блокнотом. Подъем «спецстропами» прошел удачно, если не считать того, что бесчувственное тело (не скажу чье, хотя все знают, что это был Дед!) разбило собой стекло в окне казармы 12-й роты, на первом этаже...

До сих пор, наверное, с гордостью вспоминают эти ребята, что было у них на одно прохождение торжественным маршем больше, чем у остальных.

НЕ ПОЙМАН – НЕ ВОР

Этот эпизод непосредственно связан не только с 11-й ротой, но и с автором, тогда еще зеленым первокурсником.

Заступило как-то наше отделение в наряд по столовой. Сами «продвинутые» товарищи решили воспользоваться моментом – ослаблением контроля со стороны командиров – и употребить нечто более крепкое, чем чай с добавкой брома. Наш лучший бегун на средние дистанции сгонял еще днем на Погулянку за портвейном и спрятал его на Западном КПП. А уже ближе к полуночи, покончив со всеми столовскими делами и предвкушая более приятное времяпрепровождение, двое – сам стайер и автор этих строк ему в помощь – были делегированы за припрятанными бутылками. Стояла зима или ранняя весна, но мы были без шинелей, в подменке хэбэ, которая досталась нам от старших курсов и была ушита до безобразия. Короче, спрятать “огнетушители” решительно негде. Понесли в руках, надеясь, что в такой поздний час ни на кого не нарвемся.

Святая простота и неопытность! Уже знакомый вам блестящий командир доблестной 11-й роты капитан Федорий узрел-таки из окон своей канцелярии наши беспечно-авантажные фигуры с характерными, не оставляющими сомнений предметами в руках. Справедливо решив наказать наглецов, Федорий тут же подорвался в погоню, прихватив с собой кого-то из каптерщиков. Именно сей персонаж и сыграл главную роль в этом акте курсантской драмы, и не самую красивую роль. Сейчас будет понятно почему.

Увидев летящий за нами офицерский силуэт, мы, не мудрствуя лукаво, дернули ко входу в свою казарму, мимо которой как раз и проходили, и, не сговариваясь, предприняли следующее: Шура рванул наверх, в спальное помещение, уводя погоню за собой, а я с бутылками – к туалету в полуподвале. Заскочил в кабинку, опустил бутылки в сливной бачок и присел на «очко», не успев, правда, даже снять штаны (чертова мода на подтяжки!) – Федорий был уже тут как тут. Вытянул меня с «очка», обшмонал: «Где бутылки?!» Моя реакция понятна – морда кирпичом: «Какие бутылки???»...

После долгих препирательств и осмотра всех закутков вплоть до корзин и «очков» Федорий был вынужден капитули-

рывать. (Как он не догадался заглянуть в бачок? Наверно, потому что было высоко. Все-таки офицерские мозги устроены иначе, чем курсантские.) Зато более сообразительным оказался каптенармус: пока мы продолжали разборки в коридоре, он зашел в туалет. А когда вышел, на его лице играла гаденькая улыбочка. Значение ее понял только я, командир был всецело поглощен дознанием...

В итоге за недоказанность вины и отсутствием улик я был отпущен с миром. Но бутылки из бачка – совершенно верно, вы очень догадливы – бутылки исчезли... И эта наглая каптерская морда потом даже не извинилась.

Хотя лично я его уже давно простил.

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

Курсантская традиция отмечать тысяча первую ночь в казарме уходит корнями в недра среднего училища ДВАРТУ-ДАТУ. В те времена она была гораздо актуальней, потому как событие приходилось на конец третьего, выпускного курса, ребята готовились к прощанию с родным училищем, и хотелось им запоминать моменты. И хотя все это пахнет эдаким нарочитым гусарством, но с точки зрения разнообразия курсантских будней вполне объяснимо.

Теоретизировать в курилке о том, что училищные традиции надо поддерживать – это одно. А сесть с тремя календарями и скрупулезно высчитать необходимую дату – совсем другое. Нашим «звездочетом» был Витя Пшеничный, вычисливший заветную дату во время несения караульной службы. (Чего только не приходило в голову курсанту, стоящему на посту часовым.)

Определив время «Ч», начали подготовку. Конечно, всеобщей подписки и сбора средств в масштабе роты не было, но по классным отделениям скидывались и закупали водку на всех. Утечки информации не произошло, да и праздников не предвиделось, так что командование курса, ни о чем подобном не подозревая, в положенное время мирно отправилось отдыхать. Повышенного внимания со стороны дежурных сил тоже не наблюдалось, и в назначенную судьбою ночь 15-я рота приступила к «мероприятию».

Начали на пониженных оборотах, по своим компаниям, общаясь негромко и вполголоса. По мере повышения градуса росло и настроение участников симпозиума (у древних греков *симпозиум – пиршество, сопровождавшееся возлияниями, музыкой и развлечениями* – точнее не придумаешь!). Общение из «внутрикубричного», по отделениям, переросло во всеротное. Все сновали от компании к компании, из кубрика в кубрик, поздравляя друг друга. (По здравому размышлению, неизвестно с чем). Появилась и музыка. Свет, правда, не включали, обходясь дежурным освещением, но дискотека удалась на славу. Не хватало разве что дам... Бедный дежурный по роте не знал, где найти тот песок, чтобы спрятать в него свою голову!

Далее события пошли по незапланированному сценарию (предполагалось тихо-мирно выпить-закусить, пошептаться по компашкам и отбиться) и начали выходить из под контроля младших командиров. На пике веселья кто-то из особо бойких закидал из окон пустыми бутылками проходившую мимо смену караула. Кто был этим панфиловцем со съехавшей башней, история умалчивает. Возможно, будь в нашем распоряжении столь доступные сейчас чудеса китайской пиротехники, избыток энергии был бы направлен по другому руслу и мероприятие закончилось бы мирным фейерверком где-нибудь на валах. А так дело приняло нешуточный оборот. Начальник караула доложил дежурному по училищу. Разбираться тот прибыл лично.

Прием ему оказали в высшей степени оригинальный. Одному товарищу вдруг стало нехорошо, и содержимое его желудка потребовало экстренной эвакуации. До спасительного туалета несчастный явно не успевал и метнул харч, где пришлось. Пришлось почему-то аккуратно на сапоги дежпоучилищу! (Видимо, последний сам накликал беду на свои сапоги, так не вовремя остановив болезного).

Как бы ни было, но процесс обезбещивания сапог старшего всех дежурных сил училища, сопровождавшийся не самым верхним «фа», и стал заключительным аккордом ночного концерта.

«А поутру они проснулись...». Резонанс ночной фиесты был немалый. О вакханалии 15-й роты наутро знало уже все училище. Надо было найти крайних... Помню, как мы сидели в ленкомнате, писали объяснительные, и нас по одному при-

глашали в кабинет начкурса на беседу с начфаком. Кто посчитал? Кто организовал? Кто закупал? Грозил отчислением, дисбатом и прочими армейскими страшилками. Надо отдать должное нашим ребятам – никто не раскололся. И в итоге никого не отчислили – всех же не отчислишь, а то, что пили все, никто и не отрицал. Правда, несли при этом полную ахинею по поводу того, что пили.

Примеры отмазок. Один уверял, что пил спиртовую настойку прополиса, присланную из дома для растирок. Другой признавал, что побаловался собственным одеколоном (демонстрировались пустые флаконы) Самую веселую версию выдал наш Леша К. Уж он-то точно был не при делах: «Проснулся от шума музыки. Увидел на своей тумбочке стакан с какой-то жидкостью, понюхал – пахнет водкой. Выпил. Снова лег спать...» Проста и незатейлива, как лом в разрезе, была отмазка поправшего честь офицерских сапог. Как оказалось, ему стало дурно по причине отравления несвежим томатным соком, накануне употребленным в чипке... И все! И он стоял на своей версии насмерть, как 300 спартанцев!

В общем, отстояли мы сами себя, ушли в глухую оборону. Никто тогда не покинул наши ряды. Отделались малой кровью: поснимали некоторых сержантов во главе со старшиной. Все хорошо, что хорошо кончается...

А через два года, все еще будучи курсантами, но уже перед самым выпуском, мы вполне легально пили водку с нашими командирами. Было это на свадьбе Феликса Василевского, в подвальчике на Гоголя, где размещался в те времена лучший пивбар. Как сейчас помню: расчувствовавшись, один из нас толкнул витиеватую речь. Сидевший напротив начкурса заметил: «Ты смотри, и когда они так тосты говорить научились?» Мы с друзьями переглянулись: «А пять лет «вышки»?! Практика, товарищ подполковник!» Нашему наставнику оставалось только укоризненно погрозить нам пальцем.

КП по КД

Начальником 16-й кафедры – КД (конструкция двигателей) в наше время был полковник Игошин, строгий, подтянутый, с красиво уложенной шевелюрой и внешностью респектабельно-

го джентльмена из романов Диккенса. Его должны помнить и выпускники с других факультетов, т.к. была у него одна запоминающаяся особенность во внешности, а именно: цвет этой его красивой шевелюры. Прямо скажем, авангардного она была (по тем временам) цвета. Не знаю, как относилось к такому авангарду вышестоящее начальство, но нас это здорово забавляло. Курсанты его так и прозвали – «Фиолетовый». Нет, ну не то, чтобы он щеголял по училищу с ярко-лиловыми волосами. Но благородная седина его имела явный фиолетовый оттенок.

Вот он-то и достался мне в качестве руководителя курсового проекта (КП). А когда начальник кафедры является твоим научным руководителем, означает это, как правило, одно – помощи ждать неоткуда. Ну не любили они этими мелочами заниматься. А тема мне досталась, не помню дословно, но надо было рассчитать и изобразить графически, в чертежах, эжекторное сопло. Штука не то чтобы совершенно новая, но на отечественных самолетах того времени не применялась, а значит, и передрать было неоткуда. В сочетании с тем, что я вообще не дружил с чертежными принадлежностями, это создавало определенную проблему. Как я завидовал своим товарищам, которые рассчитывали и чертили компрессоры и турбины, пользуясь аналогами отечественного двигателестроения!..

Спасение пришло неожиданно. Однажды, в тысячный раз проходя по коридору родного учебного корпуса и в тысяча первый скользнув взглядом по висящим на стене чертежам, таблицам с ТТХ и прочими учебным пособиям, я аж подпрыгнул от озарения. Если кто из СДшников помнит, на кафедре ТАД (теория авиационных двигателей) в конце коридора висел полный чертеж двигателя высотного американского разведчика SR-71. (Тот самый легендарный «BLACK BIRD», с $M=3$, для противодействия которому и создавался не менее легендарный МиГ-25). До меня вдруг доходит: мама дорогая, да у него же сопло самое что ни на есть эжекторное! Эжекторнее не бывает! И масштаб тот, что нужно, и нарисовано все правильно, можно не сомневаться: какую-то туфту не вывесят на всеобщее обозрение. Вот это везуха!

В тот же вечер, после ужина, когда корпус опустел, прихватив рулон тонкой прозрачной пергаментной бумаги и друга-

на Юденича (который, кроме меня, дружил еще и с черчением), мы отправились на дело. Через пару часов чертеж был перенесен на кальку, а впоследствии с помощью «дралоскопа» и на ватман. Андрюха на следующий день заслуженно объедался в чипке, а у меня гора упала с плеч...

На защите проекта Игошин, бегло ознакомившись с пояснительной запиской, перешел к чертежу. Здесь его взгляд задержался подольше. Удивленно повернувшись ко мне, в упор спросил: «Где взял??» По вопросу и взгляду я понял - он оценил точность и соответствие чертежа заданию. Но где же я умудрился надбавить источник первичной информации? Я скромно потупил взор... Не мог же я сказать ему, что если товарищ полковник соблаговолит переместиться с 16-й кафедры на 15-ю (а для этого нужно всего лишь подняться на второй этаж), то ему все сразу станет ясно... Но победителей не судят, и свой зачет с оценкой «отлично» за КП по КД я получил.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МЕХАНИКИ

Экзаменов за пять лет учебы мы сдали немало. Но мне особенно запомнился один, где главным героем стал небезызвестный преподаватель Паша Кевиш (так уж мы его фамильярно за глаза называли) со своей теоретической механикой. Сугубо гражданский был человек, на лекциях иногда удавалось и покемарить, а вот экзамена все боялись как огня, потому как наука все ж таки фундаментальная и запутанная, из той же оперы, что и сопромат.

Подготовиться наше классное отделение решило основательно. Через Феликса Василевского достали билеты с готовыми ответами и решенными задачами к каждому. (Нам повезло: Феликс оказался дальним родственником Кевиша и на правах родни пошустрил на кафедре, не поставив, впрочем, строгого Кевиша в известность). Билетов было 27 – и нас 27 человек в отделении. Поэтому каждому в соответствии с его порядковым номером по списку предписано было написать подробнейшую шпаргалку в шести экземплярах. Почему в шести? Да потому что пять человек с полным комплектом на 27 билетов сразу заходят и готовятся к ответу, а шестой у двери

в боевой в готовности. Выходит первый и передает следующему, шестой в это время заходит, и так далее.

Кроме того, решили еще подстраховаться: достали где-то пару пачек сигарет «Кент» и несколько бутылок редкой в то время (1979 год!) пепси-колы... Ну, и кто после такой фундаментальной подготовки будет учить билеты? Экзамен обещал пройти как по маслу. Однако судьба посмеялась над нами. Хотя одному из нас все же невероятно повезло. Но по-порядку.

Очередность захода мы обычно разыгрывали – тянули из шапки бумажки с номерами, а потом, если кто хотел – менялся. Мне опять достался номер первый. «Опять» – потому что по списку в классном журнале был я первый, и при подготовке «бомб» написал шесть раз именно первый билет. Ну и заходить выпало первым.

Захожу, тяну. Угадайте, какой билет мне попался? Больше в жизни такого везения у меня не было! Я не помнил себя от радости – билет номер ОДИН! Конечно, я знал его назубок. На этом, правда, мои познания в термехе и заканчивались, но это уже не имело никакого значения. Оттарабанил я свой первый билет как «отче наш», получил свою законную «пятерку» – почин для остальных есть! Однако на этом лимит везения для нашего классного отделения был исчерпан.

Это мне не нужно было при подготовке к ответу доставать «шпоры», а другие попались почти сразу. И пошло – поехало... Покуривает Паша Кевиш наш заботливо припасенный «Кент», попивает холодное пепси и, ничтоже сумняшеся, без малейшего зазрения совести, ставит нашим «бананы». Урожай собрали знатный – аж 12 штук огребли! Такой почти пятидесятипроцентной результативности, пожалуй, больше и не припомню.

Самое интересное, что и Фел свой «банан» получил от родственничка – принципиальным преподавателем оказался Паша Кевиш!

САМОХОДЧИКИ

Рванули мы как-то курсе на втором с другом Фелом в самоход. Самоход был примечателен тем, что направились мы не в город, а к Фелу на дачу. Феликс был местный, и дача у них была на Погулянке. Это культурное мероприятие было у нас

запланировано вместо трех пар лекций – как-то так получилось удачно.

И вот идем мы бодрым шагом, предвкушая встречу с дедом Адамычем, который жил на даче все лето и у которого в погребе были немереные запасы великолепного домашнего вина и разнообразнейших наливок. Прошли пост ГСМ, углубились в лесок, вот уже и до цели рукой подать. Как вдруг навстречу – нет, не серый волк, а автомобиль “Запорожец”. Проехал мимо нас и запылжил себе по грунтовке дальше... Но настроение нам испортил основательно! Разглядели мы за рулем не безобидного аборигена-дачника, а преподавателя кафедры физической подготовки майора Маркова. То, что и он нас разглядел и опознал, сомнений не вызывало: знал он нас как облупленных. И отнюдь не благодаря нашим спортивным достижениям – просто вел у нас групповые занятия. Естественно, вопрос нас теперь занимал только один: заложит нас наш препод или, благодаря какому-то чуду, нет. Я предложил наплевать и забыть, не портить себе праздник – как будет, так и будет. А Фел что-то взгрустнул, не убедил я его. Как оказалось, предчувствия его не обманули...

Чуда не произошло. В этот же день на построении перед вечерней поверкой мы были выведены из строя и публично «экскутированы». Но шестое чувство Фела оказалось гораздо тоньше, чем мы предполагали. Взгрустнулось ему не зря. Глумов, наш отец родной на все пять лет нашего курсантства, по своему обыкновению хитро прищурился, объявил мне два наряда, а Фелу – пять!!!

Конечно, в его арифметике имелась своя логика, но для Фела это было слабым утешением. Да и я себя чувствовал неуютно от такой диспропорции. Так что наши воспитатели свое дело, однако, знали.

НАШИ ВОСПИТАТЕЛИ

Кстати, о воспитателях. Вот и история в тему.

Был у нас такой курсант, Серега Собенников, из второго взвода. Серега был в меру дисциплинированным и незалетным курсантом. Но как-то раз бес его попутал, и отмочил он такой номер: рванул в самовольную уже и не отлучку, а «отъездку» в родной город Калининград. О причинах того кульбита мне

неизвестно, но поговаривали, что, как всегда, не обошлось без «шерше ля фам».

Как бы ни было, но пострадал от несчастной любви не только Серега, но и безвестный курсант из 13-й роты. А дело было так. Попался там у себя в Кениге Серега почти сразу. И был препровожден к месту службы-учебы. При этом наказан он был весьма мягко. Возможно, учли его незалетное прошлое. А может, побоялись еще больше травмировать раненую душу. В общем, проявили чуткость наши командиры. Но всего этого не знал наш безымянный пострадавший из 13-й...

Так вот, общефакультетское построение по поводу ЧП и наказания виновника. Исполняющий обязанности начальника факультета в отсутствие Коряковцева подполковник Кузнецов (да, папик того самого «тихого Кузи») выводит провинившегося из строя и объявляет: «За самовольную отлучку в город Калининград объявляю курсанту Собенникову ... строгий выговор!»

И вот тут кто-то из курсантов 13-й роты довольно громко произносит: «Ни хрена себе! За самоход в другой город - всего лишь строгац!»

Возможно, многие подумали то же самое. Но озвучить успел лишь один. Потому что реакция стоящего рядом с Кузнецовым полковника Братусь была не менее молниеносна:

«Товарищ курсант, выйти из строя! За разговоры в строю - трое суток ареста!!!»

Немая сцена, все в ауте...

СОСКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

В далеком сентябре 1981-го года ехали мы, курсанты пятого курса, в поезде Симферополь-Рига. Ехали загорелые, окрепшие, отдохнувшие, накупавшиеся в самом синем Черном море, напившиеся не только разведенного «шила», но и домашнего вина прошлого урожая, увозящие, кроме дынь и винограда в чемоданах массу положительных эмоций и впечатлений в памяти и оставляющие позади трепетных крымчанок, вытирающих платочками слезы расставаний с «прибалтийскими летчиками». Возвращались со стажировки, значит. (Незабываемая была стажировка, но сейчас не об этом.)

Дорога дальняя. Не все же время закусывать крымскими дынями бельбекский спирт. Душевное исполнение в тамбуре под стук колес родной авиационной песни «Пу-у-скай судьба забросит нас далеко, пускай!!» (с непременным притоптыванием ногой на последнем слове, как сейчас помню) хоть и приятная штука после энного стопаря, но тоже бесконечно продолжаться не может... Второй день путешествия. Курсантская братия, лениво раскинув по полкам свои утомленные сменой обстановки тела, привыкшие к неге на пляже, с легкой грустью наблюдает пробегающие за окном пейзажи и сонно скучает. Совершенно случайно обнаруживаю на верхней полке забытую кем-то детскую соску. Вспомнив детскую игру, не показываю никому находку и говорю одному из наших: «Гордей, закрой глаза, открой рот!» Беспечно улыбаясь, курсант 172-го к.о. Гордей Борисович Тетерь доверчиво выполняет мою просьбу...

Гордей, Гарик, Горыныч. Хороший товарищ, неугомонный выдумщик. Помню, еще на КМБ удививший нас тем, что курил ни как все – сигареты, а набивал душистым табачком (а заодно и трогательными понтами) и со вкусом раскуривал шкиперскую трубочку. Увлекающаяся натура. Захотелось ему сделать татуировку на своем предплечье – череп с костями. Сделал. А через некоторое время долго и болезненно выжигал с помощью кристаллов марганцовки. Захотелось ему стать любимчиком у Кулаковой, нашей строгой «англичанки» – сидел по собственной инициативе после отбоя в ленкомнате за самоучителями и словарями до рассвета. В любимчики выбиться не успел – появилось новое увлечение. «Лелик, научи меня играть на гитаре!». Купил себе в музыкальном магазине на «Пятого августа» (почти напротив комендатуры) хорошую болгарскую гитару «Орфей», и вскоре от Гордеевых экзерсисов (а парень он был настырный) шарахались не только мы, но и курсовые офицеры... Потом было фанатичное увлечение каратэ – повальная по тем временам мода, но у Гордеича, как всегда, с особым самоистязанием собственного организма. Много чего интересно было, но я отвлекся.

...Беспечно улыбаясь, Гарик по-дружески выполняет мою просьбу: закрывает глаза и открывает рот. Вкладываю сосочку: «Закрой рот, открой глаза!»... Народ дружно хохочет.

Надо отдать должное Гарику; как человек, обладающий хорошим чувством юмора, он не только не обиделся, а даже подыграл мне, комично причмокивая и агукая. Посмеялись и забыли, поехали дальше... А придя на первую после «стажа» лекцию и открыв свой дипломат, обнаруживаю там старую знакомую – соску. Теперь уже смеются мои соседи по парте. И началось...

В следующий раз Гордей обнаружил фетиш в бане среди своих банных принадлежностей. Через некоторое время я, будучи в наряде и ночуя в казарме – в наволочке подушки. Он – в увольнении, за отворотом своей зимней шапки. Я – дома, среди зубных щеток (в гости приходил, змей). Долго мы так изголялись. Повториться было нельзя – проигрыш. Уже было и не смешно, но мы с упорством, достойным лучшего применения, не могли остановиться и продолжали игру... А потом началась подготовка к защите диплома и отодвинула все забавы на задний план, в том числе и эту.

Дальнейшая судьба вездесущей соски теряется в далеком узбекском Андижане, куда Гордей уехал по распределению. Увозя с собой среди прочего нехитрого скарба новоиспеченного офицера парадную шинель, а в ней, во внутреннем кармане, и легендарную сосочку.

Надеюсь, находка доставила моему товарищу несколько минут ностальгической радости.

МУЗЫКАЛКА

В качестве эпиграфа после такого заглавия, хорошо подойдет сакраментальное:

«Все преходяще, а музыка вечна».

Уверен, все замечали такую особенность: во времена курсантской юности наши будни в училище казались нам унылыми и однообразными, казалось, жизнь проходит мимо, она бурлит и бьет ключом без нас, и хотелось быстрее вырваться за толстые стены крепости, которые не смогли пробить даже мортиры Наполеона Бонапарта. А вырвавшись в этот бурлящий мир и изрядно наполучав «бьющим ключом» по голове, через время понимаешь: «Братцы, а ведь это были наши лучшие годы...» Но это понимание пришло с годами...

Так вот, был такой «упаднический» период в училище и у меня. Преодолеть этот депрессняк лично мне во многом помогли занятия музыкой. Мне это было интересно! Это была та отдушина, благодаря которой забывались все трудности и лишения курсантского быта. Хлопоты по поиску и покупке аппаратуры, выбивание у начальства помещения для репетиций, общение с музыкантами с других курсов, подготовка к ротным вечерам и «огонькам», репетиции и, наконец, сама игра – все это занимало мысли и время, а главное – давало ощущение полноты жизни. У нас как-то спонтанно и легко сложился тесный «музыкальный» коллектив, и основу его составляла дружная троица из нашего 172-го классного отделения – Фел, Шериф и ваш покорный слуга.

У многих в училище были клички – такова особенность совместного коллективного быта. У меня их имелось целых две. Кроме первичной Лелик, появилась и вторая – Басевич, и связано это было, конечно, с моей дружбой с бас-гитарой. Шериф (Олег Шкарин) был мастером гитарных пассажей и запилов на соло-гитаре. Дружище Фел – Феликс Василевский. Помните песню про юного барабанщика с неразлучным другом – барабаном? Это про него. Коронное глумовское: «Василевский! – барабан!!!» – до сих пор звучит у меня в ушах.

Одно время наше неугомонное на выдумку начальство посчитало, что ходить строем без барабана в военном училище – это дурной тон. На общеучилищном построении начальники курсов щеголяли друг перед другом своими барабанщиками. Наш Фел умудрялся разбавлять сухую строевую дробь такими лихими джазовыми синкопами, что вызывал непроизвольную скупую улыбку даже на каменных лицах самых прожженных строевиков.

К слову, нас сразу всех огульно записали в общеучилищный хор. Получив разнорядку «сверху», наш начкурса, не мудрствуя лукаво и не проводя различия между умением играть и умением петь, отправил туда нашу дружную компанию – типичный армейский подход. Майор Киселев, дирижер училищного оркестра и по-совместительству хормейстер, на первом прослушивании встретил нас дружеским возгласом:

«А, гитарАсты!», – но оставил в хоре: при нулевых вокальных данных (за исключением, конечно, нашего солиста Олега Шкарина) все-таки при формировании наших ушей обошлось без медведей, и общую картину мы не портили.

Надо сказать, что выступление нашего училищного хора на всех смотрах и конкурсах неизменно имело успех у жюри, командования да и у слушателей. Армейский хор – это сила!

Помню, на какой-то праздник хор пел в городском театре среди прочих номеров концертной программы. Безоговорочный успех был только у нас! А песню военной тематики «Махнем не глядя, как на фронте говорят» мы пели с особым душевным подъемом. Особенно в том месте, где слова:

«И потому-то наш родной армейский корпус – СТО ГРАММ С ПРИЦЕПОМ НАДО ВЫПИТЬ ЗА ТЕБЯ!»

Кстати, о ста граммах. Существует мнение, что музыканты вообще, а рок-музыканты в особенности (а именно к таковым мы себя и относили, несмотря на явную лабуду, которую порой приходилось включать в свой репертуар на потребу замполитам), так вот, существует мнение, что эта братия весьма склонна к пороку пьянства. Не стану ни опровергать, ни подтверждать этот тезис. Скажу лишь, что для нас не принять для храбрости перед выступлением было все равно, что селянину не выпить после бани в субботу. Именно принять, а не накушаться. Накатить грамм сто водочки или пропустить стаканчик портвейна исключительно для куража и раскрепощения пальцев, для настроя на творческий лад и импровизацию. Этот ритуал проводился, как правило, за сценой при наладке аппаратуры. В перерыве могло быть добавление. После выступления, если оставалось, – за успех. На качестве игры это отражалось, как правило, только в лучшую сторону. Бывали, правда, перегибы.

Как-то на «огоньке» в кафе «Рига» наша ритм-гитара Андрон Пушкарев, перебрав в перерыве портвешка, впал в состояние нирваны и, блаженно улыбаясь, перестал попадать по нужным ладам и струнам. Пришлось его вырубить. Не в прямом, конечно, смысле, а вырубить вход его усилителя, чего он даже не заметил, самозабвенно продолжая лажать свою партию (но уже по-тихому, исключительно для себя).

А еще помню, как в период гонений на модные в то время расклешенные брюки, мы провозили их для всего нашего классного отделения в портфелях со шнурами и микрофонами. А потом было массовое переодевание, опять же за сценой, и явление расклешенной толпы пред удивленные очи начальства.

Вообще, надо сказать, что привилегии у нас, музыкантов, определенные были. Как у приобщившихся к творческому процессу. Под видом необходимости подготовки к вечеру или конкурсу мы могли слинять с какого-нибудь нудного мероприятия. Вместо лекций (из разряда «необязательных») послушать в музыкалке записи «Deep Purple» или «Pink Floyd», расписать пулю, или просто подремать – лежа на столе, это все же удобней, чем полулежа за партой в аудитории. Во время выхода на утреннюю зарядку вместо двери на улицу, где осенью вечно моросил нудный прибалтийский дождь, незаметно юркнуть в полуподвал, а там в дверь музыкалки и продлить сладкий утренний сон еще минут на двадцать. Бывало, кто-то из курсовых офицеров пытался нас вычислить, но мы запирались изнутри и, как подводники в затаившейся субмарине, в режиме полного молчания пересидевали атаку.

Конечно, устраивались у нас и посиделки. Кстати, двери были открыты в таких случаях не только для своих, – музыкантов. Вот, скажем, подходит как-то в выходной ко мне, скучающему (а мои братья–музыканты рассосались по увольнениям, и я остался не у дел), так вот, подходит ко мне Хэд (он же Майкл, он же Миша Паршиков) с предложением, от которого невозможно отказаться: «Лелик, у меня есть бутылка джина, с тебя закуска!» Скуки как не бывало: занял я рубль, (который по тем временам был вполне платежеспособный), купил на него в чипке шницелей и салата, и через полчаса мы уже с Мишей скрашивали казарменный быт можжевелевой водкой. Опять же, благодаря тому, что было где.

Как видите, наша музыкалка была для нас своеобразной «крепостью в крепости». Да, чуть не забыл – иногда мы в ней все же репетировали!

О ПОДНАЧКАХ

Воспоминания о службе в авиационном полку разрешите начать с веселой темы авиационных приколов. Вообще, это явление присуще любой сфере человеческой деятельности, когда старшие и опытные товарищи-коллеги подшучивают над зелеными-молодыми специалистами. Так сказать, знакомят со спецификой будущей профессии. Достаточно вспомнить флот с его пресловутой продувкой макарон или «возьми ведро, сходи в «машинное», попроси компрессии»... Сказать, что это явление не чуждо и авиации, – значит ничего не сказать. Вспомню несколько классических примеров.

Идет предварительная подготовка. Проходящему мимо самолета молодому специалисту, ну, скажем, по авиационному вооружению, кричат из кабины добрые ребята из группы авиационного оборудования: «Слушай, Ваня (Коля, Петя...), не в службу – дунь в ПВД, а то у нас КПУ-шка барахлит». А под ПВД уже и стремяночка заботливо поставлена. Молодой рад услужить коллегам, с готовностью забирается на стремянку и тянется губами к приемнику воздушного давления, не зная о том, что «обогрев ПВД» уже включен...

На эту иезуитскую шутку у специалистов по «пушкам и ракетам» был свой изощренный ответ. Сидит в кабине теперь уже неопытный АОшник, рядом на стремянке опытный вооружейник. «Слушай, студент, вот ты сидишь в кабине, а знаешь ли ты, что будет, если нажать вот это?» – и показывает на фиксатор ручки катапультирования. Добросовестно сдавший зачеты по мерам безопасности молодой специалист твердо знает, что фиксатор – это всего лишь блокировка и пока не дернешь саму ручку, предварительно нажав фиксатор, это не грозит никакими неприятностями. К тому же он видит стоящие чеки, что вообще исключает какое-то срабатывание пиротехники. Поэтому он уверенно отвечает: «Ничего не будет!» «Да, рановато тебе в кабину, не знаешь ты матчасть. А ну попробуй – нажми!» – говорит коварный прикольщик, палец которого уже незаметно лежит на переключателе регулировки положения кресла «вверх-вниз». Который и нажимается им в положение «вверх» одновременно с безобидным нажатием фиксатора жертвой... Хорошо, что было это на не самом высоком из самолете-

тов – на МиГ-23, потому что подопытный кролик, пытаясь опередить якобы сработавший пиропатрон катапульты, вылетел из кабины самолета как пробка из бутылки с шампанским.

Ну а классика жанра – это холодная прокрутка двигателя (теперь уже на МиГ-25), специально для прикорнувшего в сопле прапорщика – механика, притомившегося от трудов праведных и нашедшего укромное местечко. (На МиГ-25 бо-о-льшие сопла, весьма располагающие к уюту и глубокой релаксации).

Что чувствует спросонок человек, слыша рев работающего турбостартера и видя перед собой вращающиеся лопатки турбины? Вопрос, конечно, интересный. Но дикие глаза прошедших это испытание «огнем и медными трубами» видеть приходилось. При этом скорость «истечения из сопла» тела была не меньше, чем расчетная скорость реактивной струи!

АВИАЦИЯ И СПИРТ

Говорят, спросили как-то у Генерального конструктора МиГов: «Артем Иванович, а почему на ваших самолетах используется спирт, да еще в таких количествах? Ведь соблазн для личного состава и причина массовых злоупотреблений! Нельзя ли заменить чем-нибудь другим?» На что Микоян ответил железным аргументом: «Если необходимо будет для повышения обороноспособности Родины – будем заправлять и армянским коньяком!»

Эту притчу многие знают. Говорят, что такой разговор действительно имел место. Как бы ни было, а спиртовая специфика авиации оставила в ней заметный след, и никуда от этого не деться. Много авиационного народу полегло в неравной битве с «зеленым змием». Употребляли если не все, то за редким исключением. Но не все могли правильно рассчитать свои силы и возможности... Поэтому казусов и недоразумений всяких было множество. Вспомню парочку случаев.

Надо сказать, что всепогодный перехватчик МиГ-25, во всех своих модификациях, был в свое время «впереди планеты всей» не только по высотно-скоростным характеристикам, но и по наличию носимого запаса спирта и спирто-водяной смеси (СВС) на борту. Американцы по своей терминологии прозвали его «Foxbat», но на самом деле правильно было бы что-то типа «Flymarket» – «летающий гастроном». Штатная заправка –

сто сорок литров СВС (хотя в баки могло поместиться двести пятьдесят) – на охлаждение оборудования, генераторов и систему кондиционирования. Плюс сорок четыре литра спирта на охлаждение прицепа. Плюс «мелочовка» – четыре литра спирта в антиобледенителе фонаря и около четырех литров СВС в киях для «радийных блоков». Я тут для интереса прикинул – одна заправка «двадцать пятого» – это двенадцать тысяч (!) американских «дринков». Вполне можно похмелить штатовский корпус морских пехотинцев.

А теперь, когда все стало понятно даже людям, далеким от авиации, перехожу к конкретике.

«ЭКСТРЕМАЛ»

Рабочий день на стояке 1-й АЭ, РЛЮшники «гоняют» прицел. Под «конусом» шланг и ведро с крышкой, куда только начал поступать прогнанный по системе охлаждения РЛС спирт, так называемая «отработка». Подходит прапорщик Гриша, из «любителей этого дела», готовых к употреблению в любое время дня и ночи, в любых условиях, короче, тоже «всепогодный». «Шо це?» – и смотрит вверх на РЛЮшников. Те из кабины отвечают: «А то ты не знаешь, «шо це»?!» – «А можно?!! Душа гореть!!» – «Валяй!»

Так как ведро еще почти пустое, Гриша перегибает толстый шланг, вытягивает губы трубочкой и всасывает в себя изрядную порцию горячей отработки. Вы можете представить, что это за ощущение – пить горячий спирт?! Думаю, с трудом. Лицо у экстремала вытягивается еще больше и становится похожим на морду муравьеда с вылезшими из орбит глазами. «Щас сгорю!» – исторгает вопль жертва «экстрим-похмелья». «Запей, запей!» – кто-то «добрый» издевательски показывает на поддон с керосином, стоящий под самолетом. И Гриша действительно припадает к поддону, то ли ничего не соображая, то ли все же надеясь на облегчение. Сербанув прохладных углеводородов (в сущности, те же химические элементы, но с другой структурой и формулой), Гриша явно испытал облегчение – глаза вернулись к обычным размерам и лицо вновь приобрело человеческие черты. Окончательно он пришел в норму, вспом-

нив, что в кармане технички завалилась сушеная рыбешка. Достав ее, поднес к носу, смачно втянул аромат и выдохнул: «Фу-у-у. Полегча-а-а-ло...»

Закусывать, однако, не стал. Видимо, берег закусь для более серьезного применения...

ЧУДНЫ ДЕЛА ТВОИ, АВИАЦИЯ!

Те, кто бывал в Арцизе, знают: всем хороши причерноморские степи. Ну, например, обилием фруктов и овощей – там можно было купить персики огромных размеров по смешной цене. Опять же, настоящее раздолье для поклонников Бахуса – там трудно было найти место, где бы не продавалось домашнее виноградное вино. Но, к сожалению, человеческий организм несовершенен: не может он функционировать на одном божественном нектаре. Подавай ему такую простую и заурядную вещь, как вода. За долгие годы эволюции не научился хомо сапиенс существовать без оной. А вот с ней-то, с заурядной водицей, как раз в тех краях напряженка. Вернее, водичка-то есть, как не быть. Да уж больно состав у нее неподходящий. Повышенное содержание сероводорода, понимаешь. А проще говоря, безболезненно употреблять тамошнюю воду может только человек с полным отсутствием обонятельных и вкусовых рецепторов – ну не ндравится людям запах тухлых яиц! Даже местные привыкали с трудом.

Поэтому, когда группа днепропетровских товарищей по какой-то служебной надобности собралась посетить эти благословенные места, то кроме гидроксильных соединений типа C_2H_5OH самые бывалые не поленились запастись элементарным H_2O , предупредив о подводных камнях арцизского быта и остальных. Предупреждению вяли не все.

Среди невнявших оказался один из стартехов 1-й авиационной эскадрильи. По прибытии и расквартировании в гостинице, только понюхав поступающую из крана субстанцию, Федорович понял, что был неправ, посмеиваясь над запасливыми. Употребить внутрь то, что текло из крана, оказалось выше его сил!

Поужинали. Хочешь не хочешь, а пить что-то кроме «чистого и вкусного» надо? Да и сушняк давить начинает, ведь поужинали как положено. Зная, что в соседней комнате оста-

новились те самые запасливые товарищи, Федорович направляет свои стопы туда, причем решает утолить жажду втихаря. Понимает: если попросит, могут и не дать родной днепровской водицы – зря ведь смеялся!

Тихонько, на цыпочках, заходит. Время еще не позднее, свет горит, но все уже якобы спят. (Как оказалось – не все.) Федорыч подкрадывается к стоящему на столе графину, берет стакан, тихонько – буль-буль-буль – наливает полный и залпом пытается выпить, Как говорится, зря губы раскатал. Залп захлебнулся: в графине был чистый спирт. Епрст!! Надо срочно запить! Лихорадочно обведя взглядом комнату, обнаруживает две канистры. Припадает к той, что побольше. Облом – опять спирт! Ну, во второй-то уж наверняка вода? Хлебнул оттуда. Уже легче, это не девяносто шесть градусов, это только пятьдесят – «массандра»...

Ну, если кто пробовал запивать спирт спиртом, а потом СВСом, то поймет Федоровича, который не выдерживает и, уже не таясь, издает крик (вопл!) души: «...вашу мать, да дайте же наконец воды!!!»

Вот тут-то все «спящие» и «проснулись» – хохот стоял долго... Такой вот парадокс пребывания днепропетровцев на «арцищине»: спиртосодержащий продукт в изобилии на видном месте, а водичка, как самое ценное, спрятана в шкафу. Чудны дела твои, авиация!

ПРО УХИЩРЕНИЯ

Вспоминая про роль спирта в авиации, нельзя не вспомнить о тех ухищрениях, с помощью которых жаждущие пытались добыть вожделенную влагу.

Сказать, что охочих до оной было очень много, значит приуменьшить. Охочие были все. Всем, от солдата-первогодка какой-нибудь части обеспечения до солидных мужей в папахах из многочисленных комиссий – всем хотелось приобщиться к привилегированному авиационному продукту. Каждый, конечно, шел к этому своим путем, подчас весьма тернистым. Достаточно вспомнить хитроумный и в то же время изящный по своей простоте способ извлечения спирта из антиобледенителя с помощью полотенца механиками-солдатами на БД. Хотя чаще

бывало наоборот: нерадивые бойцы из состава караула смекалишки и знания матчасти не проявляли, а тупо курочили все трубки в двигательном отсеке, пытаясь найти ту самую, заветную, откуда польется не масло или керосин, а желанная СВС.

А вообще, священная корова, которую все так и норовили подоить (надеюсь, это благородное сравнение не обидит создателей родного МиГа), печатывалась техником самолета двумя десятками пластилиновых печатей, ведь мест, где, открутив нужную гаечку, можно было достичь желаемого результата, имелось предостаточно. Святая святых – кран слива СВС в правой нише шасси, знаменитый «сосок» – печатывался специальной плашкой, а иногда и заваривался. Излишне говорить, что все эти полумеры были малоэффективны против находчивой авиационной братии. Поэтому на несунув командование периодически устраивало засады и облавы.

Был у нас в полку такой легендарный прапорщик Мишко Холод. Персонаж, достойный занять почетное место в номинации «золотой фонд». Настоящий хохол, хитрющий и изворотливый, но с чувством юмора, любитель всяческих приколов и розыгрышей. Головная боль командования и притча во языцех, Мишко был способен выйти сухим из любой ситуации. Например, из такой.

Как-то после полетов едет Холод, затаренный канистрой СВС (а был он механиком самолета, то есть из круга приближенных к продукту), на своем выдавшем виды «лисапед», а тут вдруг очередная засада во главе с зам. командира полка по политчасти подполковником Петрицевым. И свернуть некуда – дорога одна. Но чтоб Холод попался в лапы какой-то засады?! Это нонсенс, господа.

Дорожка шла под уклон. И сообразительный прапор, не долго думая, вместо того чтоб тормозить, разгоняется прямо на проверяющих! И с криком: «Товарыщ подполковник, У МЭНЭ ТОРМОЗИВ НЭМА!!!» – проносится мимо благоразумно расступившейся засады... Фраза, естественно, тут же попала в разряд крылатых.

В качестве транспортировочных емкостей некоторые хитрецы использовали обычные медицинские грелки, которые было удобно носить на животе, под техничкой. Помещалось

там литра полтора. Но это у заурядных несунув. А у Холода была своя «грилочка», с типовым горлышком, как у обычной, но вмещала она ни много ни мало десять литров! Где уж он раздобыл такой раритет, неизвестно, но использовал умело. Подходит, бывало, к какому-нибудь молодому технику самолета: «Налей грилочку!» Полтора литра, не проблема, тем более Мишко с пустыми руками не подходил – то яблочко поднесет, то ключик гаечный подарит. «Давай!» – техник милостиво кивает и идет в сторону правой ниши. Продувная бестия приседает под «соском», выставив под него только горлышко якобы обычной грелки стандартного вида (но не объема!), остальное спрятано под курткой... СВСик журчит ручейком, Мишко незаметно «толстеет», попутно развлекая и отвлекая жертву шутками-прибаутками, а техник недоумевает: то ли струя тонкая, то ли время замедлилось? Прodelывал он сей фокус неоднократно, пока его не раскусили. Знамо дело – “золотой фонд”.

ПОДЪЕМНАЯ СИЛА

Лучшее место пообщаться с товарищами по бывшему оружию – гаражи в пятницу. Клубы по интересам отдыхают. Там, в гаражах, есть все. Сковородка жареного мяса и сковородка жаренной с луком картошечки, присыпанной зеленью; только что извлеченные из погреба помидорчики-огурчики офигенного засола или белорусские соленые грузди. Водка скромно отпотеваает капельками влаги на холодном стекле в сторонке. Но самое главное, чего не сыщешь так сразу в самом престижном клубе, – это радость общения с единомышленниками. А если эти единомышленники еще и твои бывшие сослуживцы, с которыми не один пуд соли съел, – ну, не вам объяснять...

Так вот, напомнил мне как-то один из участников такой вечеринки интересный эпизод времен нашей совместной командировки в Алжир. Изложу коротенько.

Середина октября 1993 года. Где-то на другой планете, в Москве, демократ Ельцин только что расстрелял из танков Белый дом и разогнал строптивую Думу. Кипят политические страсти, но мы далеки от них, «спрятаны» на военной базе в пустыне Северной Африки. Сахара где-то близко, ее жаркое дыха-

ние мы ощущали постоянно. («Цветок Сахары» – замысловатые узоры застывшего и отполированного ветрами кварца – храню дома как реликвию.) В самом Алжире тоже беспокойно: фундаменталисты поднимают голову, и поэтому нас в целях безопасности доставили по окончании командировки в столицу Алжир не наземным транспортом (кстати, лишили удовольствия переехать отроги Атласских гор и пообщаться с придорожными попрошайками-обезьянами), а на ближнемагистральном Фокере. И горы мы видели только сверху. А еще нам довелось увидеть и такую красоту: ослепительно-белый остров среди лазурных берегов и развалины старых орденских замков. Остров Мальта. Но это было позже, при возвращении домой из Алжира с посадкой в Ла-Валетте, уже рейсом Аэрофлота.

А пока мы снова в лоне цивилизации, в столице Алжира городе Алжир, и у нас есть пара-тройка дней до отлета. Конечно, некоторые несознательные товарищи (в лице автора, например), захотели воспользоваться местным бархатным сезоном и окунуть свое обветренное за четыре с половиной месяца в пустыне тело в ласковые волны Средиземного моря. Середина октября, температура воды – плюс двадцать. И бескрайние песчаные дикие пляжи в обе стороны. Ни единого человека вокруг, кроме нашей компании, на много километров – вы можете себе представить такое на Средиземном море?

Но основная, сознательная масса, отринув сибаритские замашки (пляж им подавай, понимаешь), ломанулась в город, по лавкам-магазинам. Как на работу. За три дня прошерстив славный град Алжир вдоль и поперек, наши коробейники затарились шмотками так, что реально встал вопрос: а оторвется ли бедный аэрофлотовский трудяга Ту-154 от земли после загрузки в него наших таяра-хабиров (то бишь, по-арабски, авиационных специалистов) с необъятными парашютными сумками и неподъемными баулами?

Это туда мы летели могучим «Русланом», легко принявшем в свое огромное чрево сразу два «двадцать пятых» МиГа после ремонта для алжирских камрадов. И еще много-много водки для несознательной части магометан, забывших заветы своего пророка о запрете на употребление алкоголя. (Как оказалось, таких немало, особенно среди поучившихся в Союзе. Но не бу-

дем их осуждать.) В общем, туда мы могли провезти в самолете и черта, а вот обратно – увы, такой халявы уже не было. Надо было что-то решать.

Выход был найден простой. Старшим группы после отъезда замкомандира остался наш товарищ Серега Тюриков. Взял он со своим неразлучным помощником Гришей пластиковые бутылки из-под сайды (питьевой воды), и наполнил их спиртом. Еще на базе. Много бутылок наполнили. А потом с тележкой, полной этими бутылками, уже в аэропорту перед регистрацией, Серега с Гришей нашли кого-то из экипажа. Подошли. Кивнули на тележку: «Финиковый».

Аэрофлотовец открутил одну пробку, понюхал. Посмотрел на тележку, оценил количество. Спросил заинтересованно: «А в чем проблема-то, господа?» – «Да вот, боимся, с весом перебор получится». И Серега указал на группу загорелых товарищей. Товарищи с характерным (техническим) загаром скромно переминались возле огромной кучи сумок и баулов. Куча омывалась волнами международного пассажиропотока, как непоколебимая скала в океане омывается волнами прибоя.

«Та-а-ак. Понятно...», – многозначительно протянуло должностное лицо. Достает рацию и говорит: «Командир, срочно сюда!» Стоят наши Серега с Гришей и думают: «Кажется, прилетели... Щас повяжут».

Ну, это они в тот момент слегка дрогнули и засомневались. Но мы-то с вами понимаем, что никаких сомнений быть просто не могло. Вариант был один: перегруженной “Тушке” нужно было взлетать! По-любому.

И взлетела как миленькая. Разве что лишних несколько сотен метров пробежала по взлетке. Однако уверенно полетела в родные края, увозя на долгожданную встречу с женами и детьми счастливых пассажиров с подарками из Африки для всех близких и дальних родственников. И довольный экипаж, тоже с подарками. В виде бутылок с прозрачной бесцветной жидкостью. Обычной на вид, но обладающей необычными свойствами. Например, способностью увеличивать подъемную силу летательных аппаратов. Окрыляющую, одним словом.

НАШИ В АБИССИНИИ

Еще одна история, поведанная автору одним из ее участников, нашим братом-дваиушником. Источник информации заслуживает доверия, и все авторские права принадлежат ему, а я лишь (с его разрешения) делюсь этой историей с вами.

Итак, Эфиопия, восьмидесятые годы. Не Аддис-Абеба, но и не захолустье, а вполне приличный городок по тамошним меркам. Вечер трудного дня. В местный бар заходит экипаж советского вертолета Ми-8: командир, штурман, борттехник. Немаловажная деталь – у экипажа был действительно трудный день. Не вдаваясь в подробности, – они пережили стресс. И стресс этот надо снять. Поэтому троица садится за столик и заказывает антидепрессант.

Приносят им в высоких коктейльных бокалах – емкость бокалов была определена чуть позже, и как мы увидим, весьма простым эмпирическим путем – так вот, приносят им по порции джина на палец от доньшка – «ван дринк». Посмотрели наши ребята устало на это безобразие, и один, самый продвинутый в английском, озвучил общие чаяния:

– Дабл дринк, плиз!

Официант исправился, долил на два пальца от доньшка. Махнули они по двойной порции. Махнули и не заметили – что пили, что радио слушали. После короткого совещания опять подозревали официанта и показали на литровую бутылку джина на витрине бара:

– Хау мач?

Официант сначала даже и не понял, что господа русские пилоты хотят? Купить всю бутылку?! Да он и цену на нее не знал – СТОЛЬКО здесь никто раньше не заказывал!

Местный абориген (не тот, конечно, что по горам с копьем за дикими козами бегают, а из числа продвинутых, которым не чужда цивилизованная привычка проводить досуг в барах) или редкий заезжий иностранец – они как отдыхают после работы? Возьмут себе «ван дринк» и cedят под длинный разговор и легкую сигаретку весь вечер. Ну, самые разухаистые и отвязные позволяют себе по два дринка. Ну, а если три – это уж, извините, по местным меркам полный разгул и беспробудная

пьянка, после которой на следующий день и на работу идти никак невозможно...

Ладно, разобрались с ценой. Берут наши эту самую «ван литр джин», и разливают по полной, до краев, в свои бокалы. (Видимо, вспомнили, что пить надо в «меру», чтобы не выпить меньше.) Полбутылки (пол-литра) – как ни бывало! (Вот вам и простой метод измерения емкости бокала). Публика за столиками притихла, внимание всего зала приковано только к ним... А бравые «рашен пэйлотс» молча накатили по стакану, крикнули под всеобщий выдох изумленных зрителей и дружно закурили «Памир». (Было такое убойное курево, по девять копеек за пачку, в простонародье называемое «Альпийское нищенство», там еще горы нарисованы были. Это наших специалистов там, «за бугром», родина снабжала таким деликатесом в качестве табачного довольствия.)

Отпустило ребят. Расслабились, поговорили. Под неотрывными взглядами всего партера (а они теперь чувствовали себя вроде как на сцене) разлили оставшиеся пол-литра. И накатили по второму стакану. Тут уже закусили основательней – солеными орешками. И почувствовали наконец – отпустило окончательно, победили они стресс! Вроде бы можно и уходить.

Но тут подходит один из зрителей весьма представительного вида, в костюме-галстуке, и, сверкая белозубой улыбкой и белками глаз на иссиня-черном лице, почти на чистом русском языке представляется: господин Мумба-Юмба, учился в Минском политехе, мы все восхищены русскими пилотами, и тд, и тп. И предлагает: весь «партер» сбрасывается вам еще на литровую бутылку джина, а вы ее выпиваете, но так же, как и предыдущую, о'кей?

Найдется ли человек, который может допустить мысль, что наши ребята малодушно отказались? Надеюсь, что нет. И дело даже не в халявной выпивке. Ведь тут уже на карту была поставлена честь державы! Не так был воспитан наш человек, чтобы пасовать перед любыми трудностями, когда надо поддержать престиж любимой отчизны! Поэтому «шоу маст гоу он», и державы не посраим!

– Ладушки, – говорят наши улыбчивому «земляку», – о'кей так о'кей!

Подали им еще бутылъ заморской можжевеловой водки. В баре повисла звенящая тишина. (Откуда-то издалека послышался нарастающий рокот африканских барабанов. А впрочем, возможно, это им только почудилось). Как бы ни было, но таким же макаром, «в три притопа, в два прихлопа», они прихлопнули и второй «килограмм». После первого прихлопа традиционно закусили орешками и термоядерным «Памиром». А после второго молча встали и слегка нетвердой походкой, но под **БЕШЕНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ ВСЕГО БАРА**, покинули заведение.

И, надо сказать, вовремя покинули.

До базы было недалеко, километр-другой. Однако, пройдя совсем немного, все трое затухающим сознанием поняли: до базы им не дойти. Даже со своим штурманом. И неизвестно, где бы и с кем (а в Абиссинии водятся даже львы) провели ночлег бравые вертолетчики, если бы мимо не проезжал легковой пикап с открытым кузовом. В этот кузов они и успели попадать, прямо через борт, махнув водителю в сторону базы. Водитель попался смышленный, безошибочно идентифицировал пассажиров и доставил их по назначению, к своим.

Правда, на въезде в базу стоял шлагбаум, и машину тормознул строгий эфиопский часовой с грозным оружием, автоматом ПППШ – любимым оружием партизан времен Великой Отечественной. Но водитель пояснил земляку, указав на тела: «Это русские пилоты». Русские пилоты что-то промывчали в подтверждение, причем на родном, но уже совершенно никому не понятном языке. Часовой, должно быть, удивился такой метаморфозе: еще час назад господа русские пилоты бодро прошествовали в город, а теперь...

Служивцы разнесли «тела» по койкам и рассчитались с водителем. Служивцы ничему не удивились: они знали, что их товарищи несколькими часами ранее, выполняя задание, «прошли по краю»...

Наутро все трое, несмотря на жесточайшее похмелье, пришли к общему мнению: вечер безусловно удался. Психиче-

ское равновесие и морально-боевые качества были восстановлены. Реноме державы на международной арене в очередной раз укреплено. А еще и покуражились в показательных выступлениях перед местной публикой! Ведь финальную сцену, под названием «Выгрузка дров из пикапа» видел только один эфироп – водитель. Но зато там, в баре, они были триумфаторами!

МУЗЫКА ПОЛЕТОВ

Дирижер – память. Инструмент – ностальгия. Сыграем музыку полетов?

...Уже начинаешь забывать, так давно это было, до боли знакомые и родные когда-то ощущения. От всех органов чувств.

ОБОНЯНИЕ. Запах сгоревших керосиновых фракций, витающий в день полетов повсюду в воздухе. Не только на аэродроме, но и в гарнизоне, и нисколько никому не мешающий – наши жены и дети давно привыкли к этой составляющей жизни авиагородка.

И запах самого керосина, без которого современные самолеты летать не умеют. Это их «корм». Конечно, сено для лошадей в свое время пахло гораздо приятней. Издержки прогресса...

СЛУХ. Рев турбин. Децибелы взлетающего на форсаже МиГ-25 кладут к земле траву вокруг взлетной полосы. Они слышны за несколько километров от аэродрома, на соседнем жилмассиве. Но ты их не замечаешь – тоже привычка. Ты слушаешь голос дежурного инженера по «громкой», требующего доложить о готовности твоего «борта»...

ЗРЕНИЕ. Перед глазами – кутерьма летной смены. Пилоты в ЗШ или в «скафандрах», сменяющие друг друга в кабине твоего самолета, и братья-технари, в вечной своей суете стирающие об бетонку очередную пару обуви. Спецмашины ОБАТО, снующие вдоль линейки, которые надо вовремя перехватить, и белые фартуки официанток, привезших авиационной братии долгожданный ужин, который тоже нельзя пропустить. Включенные синие огни вдоль рулежек и два красно-желтых кинжала форсажей из сопел очередного взлетевшего самолета. Два ярких факела быстро превращаются в маленькую светлую

точку на фоне темно-фиолетового неба ночного разлета. В небо ушел твой «борт»...

ОСЯЗАНИЕ. О, эта тяжесть тормозного парашюта и неподатливость винтов двигательных люков. О, неподъемность мокрых после дождя самолетных чехлов и скользкость плоскости. А разве забудешь зуд кожи от керосинового «душа» или незабываемые ощущения от прикосновения к обжигающему на морозе железу?

ВКУС. Тут уже совсем просто. Кому из нас незнаком вкус заслуженного послеполетного стопаря массандры?! Вместе с ним по организму разливается расслабление от напряжения летной смены, а в душе – удовлетворение от выполненного дела. А еще этот коллективный стопарь рождает в тебе непередаваемое

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО – чувство **ПРИЧАСТНОСТИ** к великому и непостижимому простым смертным делу. К делу, ради которого и существует авиация. К общему делу **ПОЛЕТОВ**.

...И все это ощущения, извлеченные из глубин собственной памяти, сливаются в полнозвучную симфонию воспоминаний, дорогих твоему сердцу. Дорогих, потому что это часть твоей жизни. И не самая худшая часть.

...Память – дирижер. Ностальгия – инструмент. Играем музыку полетов...

СОДЕРЖАНИЕ

Дедолко Борис	5
Лукьяненко Андрей.....	42
Ивкин Эдуард	59
Борисов Сергей	68
Попов Александр	78
Ерошевский Андрей	90
Заплавский Евгений	102
Гуляев Дмитрий.....	114
Кузубов Александр.....	129
Федоричев Сергей.....	142
Фомин Павел.....	154
Казьмин Петр	165
Макшанов Вадим	178
Мордвинцев Михаил.....	188
Беликов Алексей.....	193

ДВВАИУ ЕСТЬ!

Збірник оповідань

Редактор змісту Беликов О.

Автори дизайну обкладинки Кравцов А., Попов О.

Підписано до друку 25.04.2008 Формат 60 84 1/16 Папір друк.

Ум. друк. арк. 10,21 Облік. – видав арк. 10,44

Наклад 1000 прим. Зам. № _____

Видавець і виготовник: Видавництво ПП „Свідлер А.Л.”

49041, м. Дніпропетровськ, а/с 2493, тел./факс (056) 776-39-16

Свідоцтво ДК №266 від 30.11.2000 р.

